

Браун Сильвия

в соавторстве с Линдой Харрисон

Прошлые жизни и ваше здоровье

Перен. с англ. Е. Мирошниченко. — К.: «София»; 2003. — 288 с
© "Morgan&Flint Co", 2009

Эта книга расскажет о том, как жизни, прожитые вами прежде, влияют на вашу нынешнюю жизнь посредством силы, называемой клеточной памятью, и о том, как эта память работает. Совершив путешествие во времени, можно отыскать в прошлом не только истинные причины своих давних внутренних конфликтов, но и столь же неожиданные возможности их решения — неиссякаемый источник веры в себя, твердую опору, чтобы необратимо изменить свою жизнь к лучшему.

Основываясь на результатах своей 40-летней исследовательской работы, известный медиум Сильвия Браун дает столь же волнующую, сколь убедительную своей безупречной логикой информацию относительно проблем, общих для всего человечества, сопровождая последовательную методику их решения наглядными примерами из тысяч сеансов рецессивного гипноза.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Посвящения.....	8
Введение.....	9
<i>Часть первая. Тайны клеточной памяти.....</i>	<i>15</i>
Пролог.....	16
Правда о прошлых жизнях.....	21
Мое знакомство с прошлыми жизнями.....	24
Чудеса прошлых жизней.....	29
Клеточная память: связь между прошлым и настоящим.....	35
Родимые пятна.....	39
Морфологический резонанс.....	44
Клеточная память и экстрасенсорное считывание информации.....	49
Клеточная память и Темная Сторона.....	52
Медицинское сообщество.....	55
Психосоматические заболевания.....	63
Ипохондрия.....	67
Точки входа и Другая Сторона.....	71
<i>Часть вторая. Фобии и другие душевные проблемы ...</i>	<i>85</i>
Лиза.....	86
<i>Страх перед разлукой с любимым Потребность в семье</i>	
Цинтия.....	91
<i>Саморазрушительная потребность во внимании</i>	
Рон.....	97
<i>Эмоциональная отстраненность от супруги Безразличие к жизни</i>	
Бетси.....	102
<i>Агорафобия (страх перед открытыми пространствами и публичными местами)</i>	
Вэнди.....	107
<i>Страх перед водой</i>	

Нелли.....	111
<i>Конец любви</i>	
Шелдон.....	116
<i>Преувеличенное чувство ответственности Потребность, чтобы все было в порядке. Постоянно возрастающий страх перед смертью. Злоупотребление марихуаной</i>	
Сара.....	123
<i>Депрессия Головные боли Обжорство</i>	
Ли Энн.....	130
<i>Страх перед огнем</i>	
Юлия.....	134
<i>Мистер Тот, да не тот</i>	
Мэри Бет.....	141
<i>Всегда — подруга, никогда — невеста</i>	
Восьмилетний Лжей.....	145
<i>Гиперактивность ..</i>	
<i>Проблемы с дыханием</i>	
Фрагменты.....	150
<i>Часть третья. Здоровье и физические проблемы . . .</i>	
Стив.....	156
<i>Хроническое несварение</i>	
Р. К.....	162
<i>Хронический бронхит и пневмония</i>	
Камила.....	168
<i>Боль в пояснице и бедрах</i>	
<i>Онемение ног</i>	
Юдит.....	171
<i>Хроническая астма</i>	
Бо.....	176
<i>Рассеянный склероз</i>	
Джульетта.....	185
<i>Потеря аппетита</i>	
Рич.....	195
<i>Жесткая боль в шее Морская болезнь</i>	
Нора.....	203
<i>Астма</i>	
<i>Хроническая боль в спине</i>	
<i>Часть четвертая. Позитивные клеточные воспоминания и клеточные воспоминания из нынешней жизни.....</i>	
Джилл.....	211
<i>Перекрестки карьеры</i>	
Сет.....	219
<i>Болезнь его ребенка</i>	
Кэрри.....	227
<i>Ее беременность</i>	
Джейн.....	233
<i>Проблемы в супружеской жизни</i>	
Четырехлетний Мэтью.....	240
<i>Хроническая депрессия</i>	
<i>Часть пятая. Тайны ваших прошлых жизней.....</i>	
Путешествие.....	250
<i>Благословение: Молитва об исцелении.....</i>	
Об авторе	285

ПОСВЯЩЕНИЯ

От Сильвии:

Я посвящаю Линдсэй Харрисон — не просто ближайшей подруге и соавтору, но родственной душе. А также всем любимым, ПО вериг в меня, — здесь, на Земле и на Дру-гой Стороне.

От Линдсей:

Я посвящаю моей родственной душе, Сильвии Браун. Она написала свое посвящение первой, и теперь мне нужно только ответить тем же, добавив к этому слова, лишь слабо отражающие то, что чувствую я и многие другие: «Спасибо Тебе, Господи, за нее».

ВВЕДЕНИЕ

В этой книге доказывается, что прошлые ваши жизни влияют на нынешнюю жизнь посредством силы, называемой клеточной памятью.

Вы узнаете, каким образом и почему работает эта клеточная память. Вы прочтете истории — одну за другой — о том, как мои клиенты совершали путешествия назад во времени и отыскивали в прошлом причины своих глубочайших проблем, а некоторые из них даже обнаружили там свои нераскрытые способности и неожиданные источники радости.

Эта книга поможет вам радикально изменить свою жизнь к лучшему. Вы найдете здесь ключи к хранилищу своей клеточной памяти и сможете принять те воспоминания, которые сделают вас богаче, и отпустить те, что давно вас угнетают — гораздо дольше, чем вы могли себе представить.

Эти рассказы выбраны из тысяч регрессий*, которые и провела за двадцать пять лет интенсивного изучения

прошлых жизней и клеточной памяти. Каждая из этих историй реальна и должным образом зафиксирована документально, однако я хочу сразу же подчеркнуть, что анонимность клиентов сохраняется, и в этой книге я не называю ни одно настоящего имени.

*Регрессия — это сеанс регрессивного гипноза, при котором человек возвращается в свои прошлые жизни. — Здесь и далее — примечания редактора русского издания.

Хочу также обратиться к скептикам и критикам, которые всегда обрушиваются на каждую книгу об экстрасенсах, о прошлых жизнях и «разоблачают» тех из нас, кто непоколебимо и страстно верит, что, создавая нас, Бог обещал, обещает и всегда будет обещать каждой душе вечную жизнь. Я обращаюсь к ним: пожалуйста, во что бы то ни стало оставайтесь скептиками. Будьте критичны. Я не только принимаю вашу позицию, я ее приветствую — при условии, что вы подходите к этим вопросам и людям, пишущим о них, непредвзято. И во-вторых, если, отвергая наши утверждения, вы предлагаете обществу взамен что-то вселяющее столько же доверия, надежды, успокоения и благоговения.

Давайте сядем за круглым столом лицом к лицу и поговорим, если хотите, перед объективами телекамер. Я предложу вам плоды сорока восьми лет учебы, исследований, экстрасенсорного считывания, регрессий в прошлые жизни, путешествий по миру и сравнительного анализа религий. Я предложу вам результаты тщательнейшего изучения двадцати шести вариантов Библии, учений Магомета и Будды, Корана, египетской Книги Мертвых, Бхагавад-Гиты, работ Карла Густава Юнга,

Джозефа Кемпбелла, Эдгара Кейса, Гарольда Блума. Элен Пэйджелс, Элин Гаррет, жизни Аполлонии Тианского и философских учений эссеев, синтоистов, теософского общества и розенкрейцеров. И наконец, — что тоже немаловажно, — я проявлю неподдельный интерес к вашей точке зрения; искреннюю преданность Богу, который наделил меня многими дарами, чтобы я могла служить Ему наилучшим образом, а также веру в то, что вы можете научить меня чему-то важному. Если вы готовы предложить в ответ что-нибудь, кроме циничного неприятия, то, пожалуйста, считайте эти слова приглашением к встрече, которую я жду с величайшим нетерпением.

Если кому-то стало любопытно, — и такой интерес вполне оправдан, — чем вызвана эта тирада, то я отвечу. Как-то давно во время записи интервью для одной популярной телепрограммы кто-то из продюсеров упомянул мимоходом, что после моего сюжета в программе выступают им психиатры, которые считают, что вся моя работа, включая книги о Другой Стороне и о сверхсознательном мире, вредны для общества, поскольку представляют собой «не более чем утешительные фантазии, не способствующие разрешению человеческих проблем». Я сказала, что с удовольствием побеседую с этими психиатрами, кто бы они ни были (мне так и не назвали их имена). Можете Представить мою досаду, когда продюсер заявил, что ни встретиться, ни поговорить со своими оппонентами я не могу. Их запишут отдельно и покажут в самом конце моего сюжета, — иными словами, после того, как я все скажу, — чтобы они высказали «альтернативную точку зрения». Я попросила продюсера пересмотреть свою позицию и дать мне возможность по меньшей мере познакомиться и побеседовать с моими «обвинителями», опровергнуть их утверждения и опровергнуть аргументы. Однако нет, об этом

не могло быть и речи. «Телевидение так не делается», — кажется, так обосновал он свой отказ. Тогда я поблагодарила его за приглашение, прервала интервью и ушла. Почему я так поступила?

Потому, что не могу противостоять критике? Как раз наоборот. Вот уже полстолетия я активно пропагандирую свою экстрасенсорную деятельность, и не думаю, что существуют критические замечания, с которыми мне за это время не приходилось бы сталкиваться, и обвинения, которых бы мне не предъявляли. На самом деле по причинам, пока еще для меня непонятным, в последнее время ко мне нередко подходят совершенно незнакомые люди, — прямо на улице или, чаще всего, в ресторане, когда я пытаюсь спокойно пообедать, — и говорят: «О! Никогда не думал, что в жизни вы такой симпатичный человек. Телевидение часто выставляет вас в неприглядном свете...» И у меня есть немало свидетелей, что каждый раз все это очень меня веселит. Теперь скажите, надо ли мне отвечать на эту критику или оставить последнее слово за так называемым «экспертом», который меня совершенно не знает, никогда не встречал и даже не удостоил чести побеседовать с ним? Можете не сомневаться, что я попытаюсь ответить. Если вы хотите, чтобы волосы на голове любого гуманитария встали дыбом, просто обвините его в том, что он делает что-то «вредное для общества». Именно так действуют мои критики.

Да, ложные надежды вредны для общества. Но во всех своих книгах я предлагаю читателям лишь то, во что верю всем сердцем, всей душой, и знаю, что вес это — правда Божья.

Я очень люблю и бережно храню одну цитату Тедди Рузвельта. Ею я хотела бы поделиться с вами, — не просто для того, чтобы вы лучше меня поняли, но и ради вас самих, поскольку это послание достойно того, чтобы мы все его помнили и руководствовались им в жизни:

«Есть достаточно критиков... которые могут указать, где споткнулся сильный или где творец добрых дел сделал не все, что мог.

Здесь можно доверять лишь тому, кто сам стоит на арене; чье лицо испачкано грязью, потом и кровью; кто доблестно идет к своей цели, вновь и вновь ошибается и уступает; кто познал великое воодушевление и безграничную преданность; кто без остатка отдает себя правому делу... Кто в лучшем случае познаёт радость великого свершения, а в худшем случае, если он терпит неудачу, она постигает его в пылу отважной борьбы и ему никогда не приходится делить участь с теми холодными робкими душами, которые не ведают ни победы, ни поражения».

И я хочу сказать. всем своим родным, друзьям, возлюбленным клиентам, телезрителям, коллегам — нынешним и будущим, — а также всем непредвзятым скептикам, рядом с которыми я стою на этой арене с гордо поднятой головой: спасибо вам, я вас люблю, и да благословит вас Бог.

Часть первая

ТАЙНЫ КЛЕТОЧНОЙ ПАМЯТИ

ПРОЛОГ

Заканчивался долгий день. Было холодно и пасмурно. Покидая офис, я надеялась, что доберусь до дома прежде, чем разразится надвигающаяся гроза. Уже с порога, прощаясь со своими сотрудниками, я заметила, что мой помощник, Майкл, говорит по телефону и, очевидно, беседа его беспокоит. Он посмотрел на меня, одними губами произнес имя клиентки и мимикой показал, что она плачет. Эта женщина обращалась ко мне несколько лет назад, и с тех пор я не раз с нежностью вспоминала о ней. Я вернулась в офис, закрыла за собой дверь, взяла трубку, едва обратив внимание на гулкий раскат грома, от которого задрожало окно за моей спиной, и сказала:

— Робин, это Сильвия.

— Ах, Сильвия, слава Богу, что я вас застала. Вы — моя последняя надежда. Вернее, наша последняя надежда. Речь пойдет о моем муже.

Она начала рассказывать свою волнующую историю, и в голосе ее звучал арах. Однажды, года четыре назад, ее муж — преуспевающий ландшафтный архитектор — отправился в будничным поход за покупками, но, полчаса спустя, вернулся с пустыми руками, охваченный паническим ужасом, закрылся в спальне и с тех пор наотрез отказывается выходить из дома. Он никак не мог объяснить свою внезапно возникшую отчаянную агорафобию. Не могли объяснить ее и бесчисленные врачи, и психиатры, которых он посещал после долгих уговоров жены. Супруги потратили тысячи долларов на консультации и лекарства, но мужу легче не стало. Понятно, что страх перед улицей стоил архитектору клиентуры и работы. Семья оказалась на грани банкротства. Как ни любила Робин этого мужчину, — а они уже прожили в браке десять лет, — она не знала, сможет ли дальше оставаться с этим запуганным затворником, которому она, очевидно, уже ничем не может помочь.

— Пожалуйста, Сильвия, — умоляла женщина сквозь слезы, — ни я, ни он этого больше не вынесем. На самом деле, если это не закончится в ближайшее время, боюсь, он попытается свести счеты с жизнью. Вы знаете, как я вам верю, ради Бога, скажите, что мне делать, — и я сделаю все, что в моих силах.

— Можете ли вы убедить его приехать ко мне? — спросила я.

— «Могу ли я»? Я привезу его, — сказала она. — Когда?

— Сейчас. Немедленно. Я вас жду.

Три часа спустя мы с Риком сидели у меня в кабинете. За окном шел проливной дождь. Мужчина был очень бледен, и имел изможденный вид человека, чье некогда здоровое тело подверглось испытаниям, которые оказались выше его сил.

громко и выразительно оно высказано, — не обязательно испугает ребенка «до смерти». Поэтому я спросила:

— А это имело для вас какое-то особое значение? Отправьтесь еще дальше в прошлое, попробуйте проникнуть за завесу этой жизни и, если увидите там что-нибудь, расскажите.

Как ни сильна была моя уверенность, что в памяти его души хранится что-то еще, я не могла помочь ему добраться до этого. Рик должен был сделать это сам.

— Моя кожа, — сказал он наконец.

— Что с вашей кожей, Рик?

— Она коричневая. Золотисто-коричневая.

— Вы мужчина или женщина?

— Мужчина. Высокий. Мускулистый. У меня длинные черные волосы и большие карие глаза.

— Где вы?

— В Южной Америке. Недалеко от берега. На вершине. высокого холма. Я сижу во дворе своего дома и вижу вдали океан.

— Какой год?

— Тысяча четыреста одиннадцатый, — ответил он, не колеблясь.

— Вы один?

Он отрицательно покачал головой.

— Со мной мои советники. Я — ацтек. Правитель. Из царской семьи. Нам подают пищу. Обстановка напряженная. Очень напряженная. Все молчат. Только звон посуды. Слышно, как бокалы опускаются на каменный пол.

Вдруг он схватился за горло и сильно закашлялся, корчась в судорогах.

— Рик, что случилось?

— Горло горит! Они что-то подмешали в пищу! О Боже, меня отравили! Я умираю! Эти люди меня убили!

Я склонилась к пациенту и повысила голос, чтобы пробиться сквозь панику:

— Это происходит не сейчас. Вы только наблюдатель, вы видите момент из прошлой жизни, это все случилось очень давно. Сейчас вы в безопасности. В полной безопасности. Это прошлая жизнь, не нынешняя, и вам нечего бояться. В теперешней жизни вас не отравят. Такое больше не повторится.

Я продолжала этот уверенный обнадеживающий монолог, пока Рик не перестал кашлять. Его конвульсии прекратились, и он обмяк на диване, весь мокрый от пота. Дыхание пациента замедлилось и успокоилось. Он даже не пытался вытереть слезы, катившиеся по его щекам, и я знала, что они приносят ему огромное облегчение.

Когда мы вышли из офиса и Робин увидела на лице Рика улыбку, она так и застыла в изумлении. Очевидно, он не улыбался уже давно, и в глазах женщины засветилась надежда. Они обнялись. Робин позвонила мне несколько недель спустя

и сказала, что Рик здоров, счастлив и снова работает. От кошмара, который так долго держал его в плену, не осталось и следа.

— Психиатр Рика просто не может поверить своим глазам, — добавила она. — Вы бы видели его взгляд, когда я сказала, что Рика вылечил экстрасенс.

— Давайте-ка я угадаю, — рассмеялась я, прекрасно зная реакцию психиатров на подобные случаи. — Он утверждал, что я вылечила Рика при помощи постгипнотического внушения.

— Именно так он и сказал.

— Робин, если все, что нужно было Рику, — это постгипнотическое внушение, то почему психиатр сам не предложил ему это?

Она рассмеялась.

— Хороший вопрос. Я передам его психиатру.

— А лучше, — заметила я, — скажите ему, что я как раз работаю над книгой, где объясняется, как и почему вылечился Рик. Все, что нужно психиатру, — это прочесть ее без предвзятости.

Итак, я приглашаю психиатра, работавшего с Риком, и всех вас: добро пожаловать на встречу с благословенной целительной силой клеточной памяти.

Правда о прошлых жизнях

Я хочу, чтобы вы знали, — не просто верили, по *знали* до глубины своей души, где живет истина, — что вы вечны, знали, что ваша нынешняя жизнь — всего лишь крохотный шаг в нескончаемом путешествии уникальной, взлелеянной души, которую Бог создал для вас и только для вас. Крохотный шаг, намеченный и осуществленный вами по пути к вашему величайшему потенциалу. Жизнь не закончится со смертью. После смерти ваш дух освободится от тела и вернется Домой, в совершенное высшее измерение, которое называется Другая Сторона.

Этот таинственный дар вечности означает, что уникальная квинтэссенция, которая есть вы, будет существовать всегда. Это не значит, что, расставшись с этим телом, вы превратитесь в некую воображаемую философскую «не-сущность». Я ручаюсь, что вы всегда будете совершенно реальным живым дышащим существом, каким вы являетесь сейчас, которое думает, чувствует, смеется, растет, изменяется, учится, любит и любимо Богом в каждый миг своей бесконечной жизни. И как вечность для вас означает, что вы будете существовать всегда, так она и означает, что вы всегда существовали.

Это факт. Вы жили от начала времен в великолепном непрерывном континууме, много раз совершая путешествия между Землей и Другой Стороной. Вы жили на Земле в самых разнообразных телах, во многих эпохах, в разных частях света, находились в различных условиях. И всякий раз вы сами их выбирали — целесообразные и необходимые для развития вашего духа. Пусть термин «прошлые жизни» не вводит вас в заблуждение: не думайте, что в этот раз вы пришли сюда как нечто отдельное от тех личностей, какими вы были прежде. Нет, то, что вы живете здесь и сейчас, — это просто отдельная фаза единой жизни — вечной жизни вашей души, которая продолжалась и будет продолжаться вечно.

Если все это кажется вам слишком запутанным или сложным для понимания, то просто оглянитесь на свою нынешнюю жизнь, и она послужит вам иллюстрацией. Независимо от того, как много или мало у вас сознательных воспоминаний о ней, можно с уверенностью сказать, что сразу после рождения вы были беспомощным младенцем, неспособным ни говорить, ни самостоятельно заботиться о себе, затем делали свои первые неуклюжие шаги; затем вы были ребенком, который со страхом, восхищением, смущением или нетерпением ждет своего первого школьного дня; затем подростком, окунувшимся в головокружительный хаос полового созревания; затем двадцатилетним молодым человеком, вступающим во взрослую жизнь с неиссякаемым задором, но без достаточной мудрости. Иными словами, уже в одной этой жизни вы сменили немало физических форм, прошли много уровней физиологической и эмоциональной зрелости, получили множество уроков. Эти формы, уровни и уроки не исчезают бесследно, словно их никогда не было. Младенец, ребенок, подросток, юноша, которыми вы некогда были, не прекратили свое существование. Нет, проходя через все это, вы всегда оставались собой — уникальным, сложным, священным творческим процессом; непрерывно работающей над собой душой, которая не имеет аналогов в мироздании. В тот момент, когда

вы это читаете, и в тот момент, когда я это пишу, и вы, и я — не больше и не меньше, чем общая сумма каждого пережитого нами мгновения. И мы будем изменяться и эволюционировать, учиться и расти с каждым новым мгновением, которое мы проживем в будущем, начиная с этого момента.

А теперь совершите колоссальный шаг назад в свое сознание, туда, где вашему взору на миг откроется волнующее зрелище самых обширных звездных просторов, какие вы только можете себе представить, — мгновенный образ бесконечной вселенной, частью которой вы являетесь. Совершив этот шаг назад, посмотрите на свою нынешнюю жизнь во всех ее формах и фазах, и поймите, что она представляет собой не более чем сокращенную версию вашей вечной жизни — такой, какой ее задумал Бог. Все облики, которые вы принимали в прошлые века, все стадии учения и роста, которые вы преодолели, все уроки и перемены, которые вас ждут впереди, — все это шаги на пути к наиболее изысканному, просветленному, совершенному я, каким можете стать вы — возлюбленного дитя Бога, лелеющего каждый ваш вздох. Ваши прошлые жизни на земле и Дома по существу не отличаются от отдельных этапов нынешней жизни. Это фрагменты той же мозаики, части того же целого, и точно так же как любой другой момент вашего прошлого, они влияют на сегодняшнюю жизнь в гораздо большей степени, чем вы можете себе вообразить.

Мое знакомство с прошлыми жизнями

Как многие из вас уже знают*, я родилась в семье с трехсотлетней традицией экстрасенсорной работы. Бог наделил меня экстрасенсорными способностями, но я, к сожалению, не обладала особо сильной «духовной проницательностью». Я могла легко видеть и слышать духов и поэтому никогда не сомневалась в существовании Другой Стороны, как и в том, что наши души не прекращают свое существование после смерти тела. Но когда моя бабушка Ада — ближайшая подруга, наставница, наперсница и вдохновительница — начала говорить со мной о прошлых жизнях... Не то чтобы я ей не поверила, но просто искренне не могла понять, какое мне до этого дело. Во-первых, я вначале просто неправильно поняла, что это такое, и подумала, что в «прошлых жизнях» я была несколькими разными людьми, которые не имеют ко мне особого отношения, — каков тогда земной смысл этого в общей космической схеме вещей? А во-вторых, если и была я в прошлой жизни миссионером, или французской куртизанкой, или даже Клеопатрой (а ею я, между прочим, не была), — что с того? Кем бы я ни была раньше, это не избавляет меня от обязанностей по дому, от школьных заданий, от общения с невыносимой мамой и от колоссальных экстрасенсорных способностей, с которыми я не знаю, что делать. И если вся эта информация о прошлых жизнях не имеет никакого практического значения, то зачем мне ими интересоваться? Поэтому я бросила все свои силы на изучение собственных экстрасенсорных способностей, на построение взаимоотношений с моим нередко докучливым духовным гидом Франсиной, на пререкания с монахинями из католической школы, где я училась, и на безуспешные попытки приспособиться к миру и стать «нормальной» — что бы это Ни означало.

* См. книги Сильвии Браун «Бог, Творение и инструменты для жизни» и «Совершенствование души».

В книгах «На Другую Сторону и обратно» и «Жизнь на Другой Стороне» я подробно описала годы обучения в Колледже, где я изучала религию, английскую литературу и психологию, страстно желая стать учителем. Там же я описала занятия на интенсивных курсах гипноза, захвативших меня настолько, что я стала сертифицированным профессиональным гипнотерапевтом и начала использовать гипноз в своих экстрасенсорных сеансах. В этих книгах я писала о клиенте, который пришел ко мне с отягощавшими его проблемами и под гипнозом начал рассказывать о строительстве пирамиды, в котором он принимал участие. Затем он разразился долгим потоком совершенно бессмысленных слогов. Вначале я подумала, что стала свидетелем острого психотического припадка. Сгорая от любопытства, я послала пленку с записью этого сеанса своему приятелю, профессору Стэнфордского университета, чтобы он высказал свое мнение. Каково же было мое изумление, когда три дня спустя он позвонил мне и сказал, что эти «бессмысленные слоги» на самом деле представляют собой монолог на древнеассирийском языке, которым вполне могли пользоваться строители египетских пирамид много столетий назад.

Мне много говорили о прошлых жизнях бабушка Ада и мой духовный гид Франсина. Умом и сердцем я уже знала, что наши души вечны, и этот факт, конечно же, полностью согласуется с представлениями о прошлых жизнях. Однако только в пасмурный день двадцать пять лет назад, когда тот человек спонтанно начал рассказывать о жизни в седьмом столетии до нашей эры, во мне пробудился

страстный интерес к теме реинкарнации, и я начала тщательно ее изучать. Я читала все, что попадалось мне под руку по этому вопросу и изучала опыт гипнотерапевтов в области регрессии в прошлые жизни. Я решила для себя, что больше не намерена просто сидеть и издавать растерянню-недоуменные возгласы, когда в состоянии гипнотического транса мой клиент отправляется в прошлую жизнь. Я научилась безошибочно вести своих клиентов к колоссальным богатствам их личной истории, тщательно следя при этом, чтобы выдаваемая ими информация на все сто процентов исходила от них самих, а не от меня. И, к собственному изумлению, я скоро выяснила, что получаемая от них информация не просто интересна, но и невероятно точна.

К тому времени я собрала и обучила небольшой штат сотрудников, официально оформив нашу группу под названием «Общество экстрасенсорных исследований "Нирвана"». Одна из вещей, которую я хотела выяснить с самого начала наших исследований прошлых жизней, — это насколько все эти воспоминания соответствуют действительности. Если бы мои клиенты во время сеансов просто предлагали мне подробные красочные фантазии, я ничего не имела бы против. Но я не собиралась портить свою репутацию, выдавая сказки за факты перед лицом своих коллег — экстрасенсов и врачей. Я установила для себя строжайшее правило: не документировать и не обнаруживать никакую информацию о прошлой жизни, в которую регрессировал клиент, пока мы не сможем найти обоснованные подтверждения того, что данная жизнь действительно имела место. Это было нелегко, — ведь о персональных компьютерах и об Интернете в те времена еще не было и речи, — но мы с головой окунулись в государственные архивы страны и в замечательный архив Сан-Бруно в Северной Калифорнии. Например, клиентка под гипнозом рассказывала, что в 1801 году ее звали Маргарет Догери, она жила в Бостоне, была замужем за сапожником и родила троих детей. Мы относились к этому рассказу как к фантазии до тех пор, пока не находили подтверждение, что в 1801 году в Бостоне действительно жила некая Маргарет Догери, жена сапожника и мать троих детей. И вот снова и снова рассказы клиентов о прошлых жизнях находили подтверждения. Папки с описаниями таких случаев уже исчислялись сотнями. Тогда у меня исчезли всякие сомнения в том, что каждый из нас уже не раз жил на Земле, и подробные воспоминания об этих жизнях хранятся в тайниках нашего подсознания, ожидая возможности выйти на свет.

Эти документально зафиксированные регрессии в прошлые жизни убедили меня окончательно, что наша душа никогда не умирает, и это послужило более чем удовлетворительной наградой за мою работу. Я тогда и не догадывалась, что едва лишь прикоснулась к тайнам прошлых жизней — мне еще предстояло открыть глубочайшее значение этих воспоминаний. Даже когда я сама стала свидетелем тайн, раскрывающихся благодаря проникновению в прошлые жизни, для объяснения происходящего мне требовалась помощь Франсины, которая с Другой Стороны видит все гораздо лучше, чем мы.

Чудеса прошлых жизней

Итак, радостная и довольная собой, я наблюдала, как растет мой архив документально подтвержденных регрессий в прошлые жизни — красноречивое свидетельство бессмертия наших душ. И вот однажды ко мне в офис смущенно вошел клиент по имени Генри с широким бандажом на шее. Он рассказал, что с тридцати с небольшим лет страдает хроническими шейными болями и спазмами. Генри потратил тысячи долларов на врачей лишь для того, чтобы услышать, как один за другим они говорят, что у него все в полном порядке. Генри пришел ко мне на экстрасенсорный сеанс чтения по поводу смены работы, но позволил мне вначале загипнотизировать его, чтобы он смог глубоко расслабиться. Прежде чем я сообразила, что происходит, мужчина начал рассказывать о своей жизни в 1790 году во Франции. Молодой вдовец, которому нечего терять, он был отчаянным и страстным бойцом французской революции и закончил жизнь на гильотине в тридцать три года. Нас обоих очень тронул тот факт, что сейчас он жил в счастливом браке с женщиной, которую любил и потерял в той жизни, более двух столетий назад. Теперь ему стало понятно, почему с момента встречи они «каким-то образом» знали, что принадлежат друг другу.

Три недели спустя после публичного выступления ко мне подошел Генри. Теперь он выглядел намного здоровее и увереннее в себе. Бандажа на шее не было. На следующий день после того, как он побывал у меня, боль в шее заметно утихла, а через четыре дня он впервые за много лет почувствовал себя совершенно здоровым, и они с женой торжественно сожгли бандаж в камине. Генри был изумлен. Я была изумлена. Единственная, кто ничуть не изумилась, — мой духовный гид Франсина. Уверена, что, глядя на все это, она только утомленно

вдохнула и задалась вопросом, насколько очевидной должна стать ситуация, чтобы я наконец догадалась сложить два и два и получить четыре.

Если вы уже сложили эти нехитрые цифры, то оказались сообразительнее меня, какой я была тогда. Хроническая боль в шее, начавшаяся у Генри, когда ему было немногим более тридцати. Доктора, которые один за другим утверждали, что у него все в порядке. Прошлая жизнь, закончившаяся на гильотине в тридцатитрехлетнем возрасте. И едва мы это выяснили, боль ушла.

В отношениях со мной Франсина неуклонно придерживается одного принципа: «Я не могу тебе ответить, пока ты не спросишь». А вы, возможно, и представить себе не можете, до чего сложно порой задать правильный вопрос. Но случай Генри наконец направил мои мысли в нужное русло, и однажды вечером я спросила: «Мне очень нравится предоставлять своим клиентам доказательства того, что такой вещи, как смерть, не существует. Однако может ли регрессия в прошлые жизни дать нам что-то большее?» Ее короткий — в одно слово — ответ совершенно изменил направление моих исследований, моей работы и жизнь очень многих моих клиентов. Вот это слово: «Исцеление».

Меня очень воодушевила идея, что в прошлых жизнях можно найти исцеление, и я начала неперестанно расспрашивать Франсину, как и почему это работает. Но прежде всего я хотела убедиться в том, что это действительно работает. Франсина мне никогда не лгала и не лжет, однако — и она знает об этом лучше, чем кто бы то и было, — я абсолютный, непримиримый скептик. Я всегда ни во что не ставлю слова — ни ее, ни чьи-то еще. того чтобы убедиться в чем-либо, я должна прежде всего проверить это на опыте, а затем перепроверить снова и снова. И возможность исцелять людей при помощи прошлых жизней — не исключение.

С самого начала моей экстрасенсорной и сверхсознательной работы я поддерживала очень интересные и полезные взаимоотношения с медиками и психиатрами.

Мы делились идеями, направляли друг к другу клиентов, обменивались теориями и результатами исследований. Некоторые из этих коллег, как и я, исследовали тему реинкарнации, и вскоре после откровения Франсины у нас был запланирован семинар, посвященный вопросу о том, являются ли прошлые жизни и бессмертие души правдой или вымыслом. Я решила, что вполне можно воспользоваться этим случаем и попробовать провести лечебную регрессию в прошлую жизнь со случайным добровольцем из аудитории. Никакой предварительной схемы, никаких репетиций и, конечно же, никаких «поливных уток» *{ни за что!}*. О фальсификации не может и речи. Только я и совершенно незнакомый человек, исцеляемый при помощи регрессии, — совершенно спонтанная попытка. Мои сотрудники отнеслись к этой идее без особого энтузиазма. Суть их возражений сводилась к следующему: «А что, если не сработает?»

Я только пожала плечами: «Значит, не сработает. Но если мы не попробуем, то так ничего и не узнаем, правда?»

В ту субботу зал был переполнен. Должна признаться, что, хотя я дружила со многими своими коллегами не один год, я почувствовала себя довольно уязвимой, когда выходя на сцену читала таблички на наших стульях: «доктор медицины, доктор философии, доктор медицины, доктор философии, доктор философии, доктор философии, доктор философии, доктор философии». Но ничто не мобилизует меня в таких случаях лучше, чем микрофон и слушатели, достаточно непредвзятые, если решились явиться на подобное мероприятие.

Для демонстрации я специально отобрала самого скептически настроенного из добровольцев. Это был | симпатичный и, судя по виду, преуспевающий мужчина, назвавшийся Нилом. Он работал брокером в Хьюстоне. Я вкратце объяснила ему и остальным слушателям, как должен проходить гипнотический сеанс, и, прежде чем начать, непринужденно спросила Нила, страдает ли он какими-нибудь физическими или эмоциональными проблемами, которые хотел бы проработать, находясь! под гипнозом. Он пожаловался на хроническую боль в правой стопе, не поддающуюся ни диагностике, ни лечению. Кроме того, Нила мучил подспудный страх, что люди, утверждающие, будто любят его, за глаза выражают недовольство и разочарование им, — последнее, чего должен бы опасаться человек, к которому, судя по его внешнему виду, удача сама идет в руки.

Нил был умен, ответствен и абсолютно честен. Именно такие клиенты мне нравятся больше всего, поскольку они обязательно скажут правду, даже если она будет состоять в том, что ничего не произошло и мои попытки вылечить их при помощи регрессии окажутся бесполезной тратой времени. Я попросила Нила расслабиться, ввела его в гипнотическое состояние и мягко провела через эту жизнь в прошлое, через смерть в предыдущей жизни, и, наконец, в саму ту жизнь. Вдруг он сжался в комок. Его правая стопа дернулась и подвернулась. Голос зазвучал тонко, жалобно, грустно и почти незлышно. Он сказал, что его зовут Кэвлин. Идет 1821 год, ему двенадцать, он живет на ферме в Вирджинии. У него

врожденная патология правой стопы. Родители, мечтавшие о сильном и здоровом сыне, который помогал бы им в поле, стыдятся мальчика и тяготятся им. Одиночные друзья Кэлвина — домашние животные, ведь никто из них не считает, что с мальчиком что-то не в порядке; их любовь к нему не обусловлена ничем. К моменту, когда я вернула Нила в настоящее, на глазах у всех присутствующих были слезы.

Прежде чем «разбудить» его, я, следуя совету Франсины, впервые произнесла молитву: *«И, если вы принесли из прошлой жизни какую-либо боль, или страх, или негативность, отпустите их, и пусть они растворяются в белом свете Святого Духа».*

Нил выпрямился, стопа приняла нормальное положение.

Вставая с места, чтобы вернуться в зал, он рассеянно сказал: «Спасибо». Очевидно, это путешествие в одну из прошлых жизней очень тронуло его, как и всех присутствующих. Несколько недель спустя он позвонил мне в офис и сказал, что после сеанса стопа у него ни разу не болела и он совершенно перестал интересоваться, а тем более беспокоиться по поводу того, что говорят о нем за глаза любимые люди.

После демонстрации коллеги задали вопрос, который мне с тех пор приходилось слышать тысячи раз: «Откуда нам знать, что эта предполагаемая «прошлая жизнь» не является всего-навсего фантазией, созданной умом для того, чтобы освободиться от боли?» Законный вопрос. Я и сама задавала его себе, когда только начинала проводить регрессии. Но если путешествия в прошлые жизни представляют собой всего-навсего фантазии ума, направленные на выживание, то почему мои шкафы набиты папками с убедительными подтверждениями того, что эти «фантастические» жизни очень реальны? И почему эти «фантастические» жизни моих клиентов так утомительно банальны?

Однако чаще всего я говорю в ответ вот что: «Какое это имеет значение, если метод помогает?» Если бы люди исцелялись при взгляде на пурпурного жирафа, я въезжала бы в свой кабинет на пурпурном жирафе. Мне достаточно уже одного того факта, что регрессия в прошлые жизни лечит. Вполне достаточно этого и тысячам моих клиентов, освободившихся от тяжелого и непонятного бремени.

Итак, посвятить свою жизнь работе с целительной силой регрессии я была уже готова. Однако вначале мне нужно было наконец выяснить, как и почему она творит такие чудеса.

Клеточная память: связь между прошлым и настоящим

В школьные годы я не испытывала особого пристрастия к биологии. Поэтому, когда Франсина сказала, что ключом к целительным регрессиям является некая «клеточная память», я приготовилась к встрече с чем-то слишком сложным для моего понимания и/или слишком скучным для того, чтобы разобраться в этом до конца. И опять ошиблась. Зная, что я наиболее восприимчива к простейшим логическим построениям, Франсина представила мне концепцию клеточной памяти в виде последовательных принципов:

Наши тела состоят из миллиардов взаимодействующих клеток.

Каждая из этих клеток представляет собой живой, дышащий, мыслящий организм, который очень буквально воспринимает информацию, получаемую из подсознания, хранит и обрабатывает ее. Например, если под гипнозом, — когда человек находится в полном распоряжении подсознания, — сказать, что палец гипнотизера представляет собой зажженную спичку, а затем прикоснуться пальцем к руке загипнотизированного, клетки его руки отреагируют именно так, как велит их программа на случай ожога: на коже появится волдырь.

Именно в подсознании наш сверхсознательный ум всегда остается живым, невредимым, здоровым и целостным, независимо от состояния сознательного ума.

Наш сверхсознательный ум помнит каждый миг, пережитый душой в этой жизни и во всех предыдущих жизнях с момента, когда мы были созданы Богом.

В миг, когда душа входит в физическое тело, она передает клеткам тела всю информацию и воспоминания, которыми располагает, и клетки действуют в соответствии с этой информацией до тех пор, пока дух вновь не покинет тело и не вернется Домой.

Наши клетки очень буквально (т. е. совершенно некритически) реагируют на воспоминания из нынешней и предыдущих жизней, которые передает им сверхсознательный ум, независимо от того, помним мы все это сознательно или нет.

Таким образом, получив доступ к *клеточной памяти*, мы можем избавиться от глубоко скрытых болезней, страхов, боли и травм и обрести самое крепкое физическое и душевное здоровье, какое только мы можем себе представить.

Итак, клеточная память представляет собой знания миллиардов клеток тела, в соответствии с которыми клеточки существуют и действуют. Эти знания переданы клеткам сверхсознательным умом. Он, в свою очередь, приобрел их во время путешествия нашего духа через вечность, дарованную ему Богом в момент, когда Он нас сотворил.

Я ручаюсь, что вы уже переживали опыт клеточной Памяти в миниатюре, возможно даже не подозревая об этом.

Внезапно долетевший до вас аромат цветов, или одеколona, или свежеспеченного хлеба; прозвучавшая по радио песня; вид покосившегося крыльца, детского одеяльца или рождественской елки... В любых чувственных образах прошлое может слиться с настоящим, захлестывая вас мощной волной знакомых переживаний, и вы не просто вспоминаете минувшее с пугающей отчетливостью, но вновь проживаете каждое чувство, связанное с давним событием, словно все это происходит снова. Тот же осязаемый, всеобъемлющий наплыв знакомых переживаний испытывает наша душа, когда снова оказывается в человеческом теле после лет, десятилетий или веков, Проведенных в безграничном, свободном от земного притяжения совершенном мире Другой Стороны. Границы между прошлым и будущим размываются, каждая Клетка нашего тела переполняется реальностью иных мест и времен, когда наш дух обитал в других телах, и, будучи живыми и сознательными, наши клетки реагируют на все, что считают истинным.

Так, например, Нил, доброволец из моей аудитории, продемонстрировал клеточную память в действии еще до того, как я поняла, что происходит. Основываясь на информации, полученной от духа, клетки Нила воспринимали все болезненные ощущения и проблемы из прошлой жизни в теле мальчика по имени Кэлвин как нечто реальное, насущное и по-прежнему актуальное для тела, в котором эта душа пребывала теперь. Таким образом, эти клетки причиняли Нилу реальную физическую и душевную боль. Но как только ум добрался до этой «занозы» в своем прошлом, он сумел ее вынуть и наконец излечился.

Чтобы у меня рассеялись все сомнения по поводу клеточной памяти, Франсина вскоре преподавала мне еще два урока, устроив две «случайные» (а как же!) встречи, которые показали мне, что клеточная память является неоспоримым фактом. Первой была Юлия, женщина чуть старше пятидесяти. Незадолго до этого моя подруга-врач успешно пересадила ей почку. Юлия никогда прежде не прикасалась ни к алкоголю, ни к табаку, но, едва очнувшись от наркоза, она захотела закурить и выпить мартини, — как выяснилось, таковы были пристрастия донора. Я сумела избавить женщину от этих желаний, убедив под гипнозом ее новые клетки, что в теле, где они живут теперь, эти пристрастия неуместны.

Второй случай оказался еще более ярким и эффектным. Десятилетней Молли пересадили сердце семнадцатилетнего Дэвида, погибшего от удара ножом. Расследование этого преступления зашло в тупик: у полиции не было ни зацепок, ни подозреваемых. Но вот, через несколько месяцев после убийства, девочке начали сниться кошмары: темная фигура в лыжной маске поджидает ее

в засаде с ножом в руке. В состоянии гипнотического транса Молли сумела преодолеть свой страх, снять с лица геммой фигуры лыжную маску и узнать в поджидавшем ее молодом человеке некоего Мартина. Его лицо и имя не были знакомы девочке, но, как выяснилось, этот парень был давним знакомым Дэвида. Мы уведомили об этом полицию, Мартина допросили, и в конце концов он сознался в совершении убийства. II это стало возможно только благодаря клеточной памяти и ее тесной связи с истиной, которой владеет наш дух.

После этих случаев я стала относиться к клеточной памяти так, как многие люди относятся к своему компьютеру: чем больше я узнавала о ней, тем больше перепек -

I ив передо мной открывалось и больше хотелось узнать.

II как выяснилось, я тогда едва лишь прикоснулась к самой поверхности этого глубочайшего явления.

Родимые пятна

Один мой хороший друг, невропатолог, разделяющий мое пристрастие к исследовательской работе, однажды предложил мне

присоединиться к изучению возможной связи между родимыми пятнами на телах людей и их врожденными заболеваниями. Мой друг был уверен, что родимые пятна не являются произвольными особенностями пигментации кожи.

Он попросил меня провести опрос среди моих многочисленных клиентов, чтобы параллельно с экстрасенсорным *чтением* и регрессиями в прошлые жизни выяснить, нет ли какой-то связи между родимыми пятнами на телах людей и состоянием их здоровья.

Родимые пятна — это не та тема, которая интересовала меня, но почему было не оказать своему другу маленькую услугу? Если бы он оказался прав, это могло бы стать прекрасным новым диагностическим средством. Однако, честно говоря, я в этом сомневалась, и отвечая: «Конечно, я с удовольствием к тебе присоединяюсь. Можешь на меня рассчитывать», — я вложила в свой голос гораздо больше воодушевления, чем испытывала.

Когда я решила приступить к изучению родимых пятен, клиент по имени Билли пришел ко мне на сеанс для регрессии, чтобы выяснить, кого из своих нынешних знакомых он мог знать в прошлых жизнях. Здесь нам не повезло. На самом деле единственной жизнью, куда он попал, были двадцать два года, прожитые им в начале девятнадцатого столетия. Он тогда был американским индейцем и умер в битве: истек кровью от раны в правую ногу, в нескольких сантиметрах ниже колена. Это была жизнь отважного человека, полная волнующих и трагических событий. Я так увлеклась рассказом Билли, что чуть не забыла спросить, нет ли у него родимых пятен. Есть. Всего одно. Пурпурный участок, похожий на жестокую не затянувшуюся рану, в нескольких сантиметрах ниже правого колена. Я до сих пор помню, как он смутился, когда я изумленно глазела на это родимое пятно — глазела слишком долго и слишком недоверчиво. Дело в том, что он не помнил рассказанного им во время регрессии, поэтому не мог знать, как я изумилась, увидев отметку, в точности похожую на смертельную рану, нанесенную ему почти два столетия назад. Причем находилась она именно в том месте, куда его ударили ножом в прошлой жизни.

Я посчитала это странным совпадением, и сделала отметку в отчете для своего друга-невропатолога, добавив, что у Билли нет ни врожденных, ни каких-либо других заболеваний, которые можно было бы связать с этим родимым пятном. Однако я была сильно заинтригована и уже не могла оставить дело на полпути. С тех пор я исправно выясняла у клиентов сведения о родимых пятнах, причем делала это только после регрессии, чтобы они преждевременно не заинтересовались, почему я об этом спрашиваю, и не стали подсознательно искать объяснений. За следующие полгода я не нашла никакой связи между родимыми пятнами и заболеваниями, зато связь между родимыми пятнами и серьезными или смертельными травмами в прошлой жизни наблюдалась в *девяти та процентах* случаев.

Вот мой коллега-профессор с тонкой светло-красной полоской вокруг бедра, — он жил в шестнадцатом столетии в Китае и умер от потери крови после ампутации ноги. Вот бывшая швея со светлым пятнышком в форме алмаза на плече, точно в том месте, где ее руку пронзила Стрела, когда в середине девятнадцатого века она была индейским воином из племени сиу. Вот инструктор верховой езды, повешенная в прошлой жизни по обвинению в ведовстве, после сеанса показала мне пятнадцатисантиметровое белое родимое пятно поперек горла. Вот полицейский, показавший мне участок скальпа над затылком, где у него с самого рождения не росли волосы, — «так случилось», что именно в этом месте ревнивая любовница пробила ему череп тесаком на рубеже девятнадцатого и двадцатого столетий в Египте.

Преуспевающий музыкант с темной полосой на правой щиколотке регрессировал в Англию 1789 года, в кошмарную жизнь, когда он несколько месяцев провел в сумасшедшем доме, привязанный за руки и ноги к кровати.

Можно перечислять и перечислять истории, хранящиеся в моих папках, — их сотни. И опять-таки, если бы только половина или две третьих моих клиентов демонстрировали связь между родимыми пятнами и событиями прошлых жизней, я бы не усмотрела в этом ничего особенно примечательного. Но девяносто процентов — показатель слишком ошеломительный, чтобы его игнорировать, тем более что все это очень вписывается в мои исследования клеточной памяти. Вывод очевиден: душа входит в новое тело с отчетливейшими воспоминаниями о травмах и ранах, которые она пережила в предыдущих телах, и передает эти воспоминания клеткам. Клетки, в свою очередь, формируют физическое свидетельство этих прошлых ран — отметки, оставшиеся от прошлой жизни.

Возможно, вам любопытно узнать об оставшихся десяти процентах клиентов, у которых не обнаружилось связи между родимыми пятнами и событиями прошлых жизней. Это клиенты, у которых вообще нет родимых пятен, и между ними тоже существует кое-что общее. Нет, дело не в том, что у них вообще не было

прошлых жизней. Дело в том, что все травмы, полученные их телами в прошлых жизнях, были заслуженными. Например, если в прошлой жизни вас повесили по ложному обвинению в конокрадстве, это наказание было незаслуженным и вы вполне можете принести в эту жизнь след в виде родимого пятна. Если же вы действительно украли коня и пас за это повесили, значит, наказание было заслуженным, дело закрыто уже в той жизни, и родимого пятна у вас нет. Если вы оказались невинной жертвой пожара, то, вполне вероятно, вам достанется из той жизни родимое пятно, напоминающее ожог. А если вы погибли при пожаре, который сами же устроили, то родимого пятна не будет, ибо в той жизни у вас не осталось неразрешенных вопросов.

Таким образом, если у вас нет родимых пятен, можете поздравить себя с тем, что все вопросы прошлой жизни у вас закрыты. Если же родимое пятно у вас есть, пусть неразрешенный вопрос из прошлой жизни, о котором оно свидетельствует, вас не тревожит. Просто всякий раз, глядя на свое родимое пятно, подумайте о том, что оно дает вам возможность заглянуть в свою священную Вечность.

Морфологический* резонанс

Когда ко мне для экстрасенсорного *чтения*** пришел молодой человек по имени Марк, я уже пару лет увлеченно занималась изучением клеточной памяти, и мои знания об этом явлении приумножались с каждым днем, — благодаря помощи Франсины, моим собственным исследованиям и необыкновенной открытости и великодушию клиентов. Во время нашей беседы Марк вдруг непонятно почему начал рассказывать о своей недавней поездке в Англию. Я сразу узнала хорошо знакомый мне взгляд и интонацию — забавное сочетание страстного желания и нежелания говорить о чем-то. Поэтому я постаралась помочь ему открыться:

_____ *Morphic (англ.) — относящийся к форме [тела], касающийся внешнего вида и строения.

_____ **Reading, чтение, — т. е. экстрасенсорное считывание информации.

— Марк, вы можете говорить мне все что хотите. Неужели вы думаете, что человек, живущий моей жизнью, сочтет сумасшедшим еде?

Он рассмеялся, облегченно вздохнул и излил свою историю с потоком слов, которые, очевидно, держал в себе несколько недель:

— Всю жизнь мне хотелось побывать в Лондоне, — начал он, — хотя я не мог понять почему. Никто из моих знакомых там не был, сам я не читал особенно много об этом городе. Так или иначе, оказавшись там, я в тот же день отправился на экскурсию по Сити. Едва началась экскурсия, как мною овладело удивительнейшее чувство, что все эти места, где я никогда прежде не был, почему-то знакомы мне. Я чувствовал себя там почти как дома, мне казалось, что это мой родной город. Я постоянно напоминал себе, что это невозможно, но скоро уже был не в силах игнорировать тот факт, что все время знал, где нахожусь. Мы поворачивали за угол, и я знал, что мы направляемся к собору святого Павла; или мы ехали по улице, и я знал, что справа будет сквер, а слева — здание с двумя каменными львами у подъезда. Я думал: «А сейчас мы в Челси, а теперь подъезжаем к Скотланд-Ярду», — и через несколько секунд об этом объявлял по громкоговорителю экскурсовод. Это продолжалось все две недели, которые я там провел. Особенно запомнился день, когда я арендовал машину и отправился в городишко, милых в пятидесяти к северу от Лондона. Я остановился возле какого-то домика и готов был поклясться, что тут должен быть бар. Мною овладело чувство глубочайшей ностальгии, и в голове пронеслась мысль: «Нет больше моего любимого бара». Не удержавшись, я расспросил об этом доме в городе, и мне сказали, что три поколения назад там действительно был бар. Вернувшись домой, я то и дело изумленно вспоминал об этом, но никому не рассказывал. Я боялся, что люди мне не поверят. Вы не объясните мне, как такое могло случиться?.. Я экстрасенс или сумасшедший? Или и то, и другое вместе?..

Ответ состоит в том, что Марк не экстрасенс и не сумасшедший. То, что он пережил, — это яркий пример родственного клеточной памяти явления под названием «морфологический резонанс», которое Франсина описала как усиленное примерно в триллион раз *дежа вю*. Морфологический резонанс происходит, когда сверхсознательному уму (душе) встречаются места или люди, настолько хорошо знакомые по предыдущему воплощению, что он их отчетливо вспоминает, и тогда сознательный ум переполняется ощущением узнавания. Марк никак не мог знать город, где никогда прежде не был. Но душа сохраняла воспоминания даже не об одной, но о двух счастливых жизнях, проведенных там, причем в одной из них он владел этим маленьким баром в городке к северу от Лондона. Точно так же мы с вами можем вспоминать о доме, где провели детство, или о школьном друге. Благодаря морфологическому резонансу эти воспоминания стали настолько

интенсивными, что проникли в его умственное и эмоциональное сознание, — Марк не просто узнавал дороги, по которым путешествовал: ему казалось, что он отсюда родом, что он попал домой... Марк не мог отвергнуть это ощущение, но не мог и объяснить его.

После нескольких лет изучения клеточной памяти и морфологического резонанса, а также ченнелинговых лекций Франсины на эту тему, я впервые попала в Кению. Именно там я убедилась, что разговоры о морфологическом резонансе не идут ни в какое сравнение с тем, что переживаешь на самом деле. Как Марка тянуло в Лондон, так у меня всегда было странное желание попасть в Кению, — я даже никогда не спрашивала себя почему. Выходя из самолета в столице Кении Найроби, я была возбуждена, как ребенок, впервые попавший в Диснейленд.

Чем больше я узнавала эту страну, тем более сильной любовью к ней проникалась и знала, что буду посещать ее снова и снова (я действительно побывала в Кении уже тринадцать раз). Но полноценный морфологический резонанс произошел лишь тогда, когда я оказалась в Момбасе — колоритном шумном порту на побережье Индийского океана. Меня встретила группа ученых и археологов, много лет проживших в Момбасе или в ее окрестностях. Они любезно показывали мне достопримечательности города, когда я вдруг выпалила:

— Подождите, не рассказывайте мне больше ничего об этом городе. Давайте я вам расскажу.

И я совершенно уверенно начала водить их по улицам, показывать основные достопримечательности и даже в нескольких случаях говорила им, что раньше находилось в местах, где теперь располагается нечто совершенно другое. Я знала Момбасу и Кению так, словно здесь выросла, — ведь моя душа действительно когда-то там жила. Я слышала, как один из сопровождавших меня людей прошептал другому:

— Я же говорил, что она экстрасенс.

Но экстрасенсорные способности тут совершенно ни при чем. Это просто морфологический резонанс — отголоски прошлых жизней нашей бессмертной души, и услышать их может всякий, нужно только обратить на них внимание, а не гнать их прочь.

Это правда. Может быть, вам не приходилось переживать морфологический резонанс в отношении мест, но я могу почти с полной уверенностью сказать, что рано или поздно каждый переживает его в отношении человека или людей. Как вы можете знать незнакомый город, куда впервые приехали на экскурсию, не хуже, чем места, где провели детство, — так иногда оказывается, что с первых же секунд общения вы знаете этого незнакомца не хуже, чем человека, с которым вместе выросли. Логика подсказывает, что вы встретились впервые, но ваши души тут же обмениваются потоком безмолвных тонких подсознательных воспоминаний. Я здесь говорю не о мифе под названием «души-супруги» и даже не о родственных душах, которых мы находим во время путешествий на Другой Стороне. Речь идет о тех людях, которые сразу же вызывают у вас мысль: «Ага, смотри-ка, кто появился!» При этом их физические черты, пол, имя, род деятельности не имеют никакого значения. Мне нет нужды рассказывать, какую роль они играют в вашей жизни. Ручаюсь, если вы непредвзято приглядитесь к членам своей семьи, друзьям, сотрудникам, даже врагам и зададите себе простой вопрос: «Не знал ли я этого человека прежде?» — то быстро и легко сможете ответить себе «да» или «нет» по поводу каждого из них. Затем мысленно вернитесь в тот момент, когда это, казалось бы, невозможное сходство в первый раз прозвучало истиной в вашей душе, и тогда вы по-настоящему поймете, что значит морфологический резонанс, и — самое главное — узнаете это чудо: взглянуть в глаза человека и найти подтверждение того, что ваша душа живет вечно.

Клеточная память и экстрасенсорное считывание информации

Ее звали Кэти. Это была красивая, умная женщина лет тридцати пяти. Она сделала хорошую карьеру, была счастлива в браке и родила двоих прекрасных детей. Кэти пришла ко мне на сеанс в надежде, что это поможет ей примириться со смертью матери, — та умерла год назад, но дочь до сих пор не находила себе покоя. Глубина собственной скорби удивляла Кэти, поскольку она никогда не была близка с матерью и они даже не особенно любили друг друга. Наша беседа о скорби перетекла в беседу об утрате, а затем в беседу о появившемся у нее страхе утраты... Вскоре мы добрались до причины этого страха, который она просто спроецировала на смерть матери: Кэти боялась потерять мужа, — боялась не того, что он уйдет к другой женщине, но того, что он рано умрет.

Серьезных оснований для такого беспокойства не было. Ее муж, Ник, обладал крепким здоровьем, заботился о себе и не имел наследственной предрасположенности к серьезным заболеваниям. Кэти и Ник познакомились у

общего друга, когда им было по шестнадцать, и она помнит, как, взглянув на него, сразу же подумала: «За этого человека я выйду замуж». Ровно восемь лет спустя выяснилось, что она была права. Это был счастливый, здоровый и очень надежный союз. Но вместо того, чтобы радоваться и наслаждаться жизнью, Кэти погрузилась в гнетущее темное облако страха, что она переживет Ника. Дошло до того, что она стала оплакивать мужа, как будто худшее вот-вот случится. Мысль о том, что она переживет его, была настолько реальна для Кэти, что она видела этому только одно объяснение: предчувствие.

К счастью, все объяснялось иначе: Кэти оказалась во власти глубоко укоренившихся клеточных воспоминаний, — и даже не об одной, но о двух прошлых жизнях. Для того чтобы узнать это, мне даже не нужно было проводить регрессию. Мои экстрасенсорные способности позволяют мне читать личные жизненные планы* людей, как для этой инкарнации, так и для прошлых. Я могла бы рассказать ей, что они с Ником живут уже третью жизнь вместе и оба запланировали свой нынешний союз для того, чтобы в этом воплощении познать счастье, которое дважды ускользало от них в прошлом. И не случайно женщина с первого взгляда была уверена, что выйдет за Ника замуж. Она просто знала этого человека по своему плану и по прошлым инкарнациям, когда трагические обстоятельства вырывали его из рук Кэти в самом начале совместной жизни. Согласно знаниям ее клеточной памяти. Ник всегда умирал слишком скоро, тогда как ей еще долго предстояло жить в своем человеческом теле, поэтому вполне понятно, что Кэти боялась снова потерять его.

_____ * О жизненных планах см. книгу 1 «Бог, Творение и инструменты для жизни».

Обычно, когда речь идет о проблемах, корнящихся в клеточной памяти, регрессия бывает гораздо более результативной, чем считывание информации. Нет сомнения, всегда лучше пережить что-то на опыте, чем просто услышать об этом. И можете представить себе, насколько велико было желание Кэти преодолеть свой страх и навсегда оставить его позади, если она избавилась от него при помощи одного только считывания информации. Проводить сеанс регрессии не было необходимости. Это свидетельствует также о точности моего анализа прошлых совместных жизней Кэти и Ника, — за что следует благодарить не меня, но Бога. Есть один непреложный факт: хотя обмануть наш сознательный ум бывает до смешного легко, душа отличает истину от лжи совершенно безошибочно. Если бы я, стараясь утешить женщину, просто придумала какую-нибудь красочную сказку о прошлых совместных жизнях Ника и Кэти, это, возможно, и доставило бы ей удовольствие, но после сеанса она была бы настолько же одержима страхом, как и перед тем, как вошла в мой кабинет. Поверьте, я трудилась в имение сорока восьми лет вовсе не для того, чтобы мои клиенты проснулись через день или через месяц после визита ко мне и выяснили, что время, которое мы провели вместе, было потрачено впустую. А ведь именно это и происходило бы, если бы мои экстрасенсорные *чтения* прошлых жизней и регрессии предлагали людям не истину! а вымыслы или фантазии. Ибо истина — это единственное, что производит на наши души действительно неизгладимое впечатление.

Клеточная память и Темная Сторона*

_____ * О Темной Стороне см. книгу «Бог, Творение и инструменты для жизни».

Тот факт, что я способна читать жизненные планы нынешней и прошлых жизней, вызывает у многих людей, включая моих друзей из психиатрического сообщества, вопрос, могу ли я просматривать прошлые жизни злодеев, — тех разрушительных, часто тщательно замаскированных социопатов, которых я отношу к Темной Стороне, — чтобы увидеть, не спрятан ли ключ к «исправлению» поведения этих людей в истории их души.

В книгах «На Другую Сторону и обратно» и «Жизнь на Другой Стороне» я подробно писала о Темной Стороне. Темные сущности — это те, кто решил отвернуться от Бога и посвятить свою энергию разрушению Его света, где бы они этот свет ни узрели. Они безжалостны, склонны к манипулированию людьми, часто очаровательны, харизматичны и совершенно бессовестны. К сожалению, они не отделяют себя от остального общества, и узнать их бывает нелегко. Некоторые темные сущности разрушают, совершая реальные убийства, — как Адольф Гитлер, Чарльз Мэнсон, Тед Банди и Джим Джонс. Но другие идут через жизнь тихо, исподволь разрушая такие духовные основы жизни, как вера, самоуважение,

надежда, любовь, доверие и душевный покой. Они могут быть наши ми родителями, детьми, сотрудниками, супругами, любовниками, политиками, кинозвездами, спортсменами, и даже теми, кого мы считаем лучшими друзьями. Они заманивают в свои сети того, кто любит Бога и Его детей, внушая мысль, что их необходимо спасти. Они взывают к вашему состраданию и к вере в изначальную добродетель человека, чтобы привлечь вас к себе и обезоружить. Вот почему я так часто говорила, что окружающие нас духи и привидения несколько меня не пугают: нам нужна защита не от них, а от людей, — от тех, кто принадлежит Темной Стороне.

И после смерти они, — опять-таки по собственному выбору, — не отправляются Домой, где нас ждет благоговейная радость. Вместо этого они проходят через бездонную, безбожную пустоту под названием Левая Дверь и тут же возвращаются снова на Землю, для нового рождения. Это может продолжаться столетиями, до тех пор, пока их не перехватят бдительные заботливые спасатели С Другой Стороны, чтобы окутать целительной чистотой вечного Божьего света. Не зная благодати рая между жизнями, Темные Сущности и вновь рождаются на Земле. При этом у них нет духовных гидов и ангелов-хранителей, которые сопровождают большинство из нас в нашем путешествии. Нет у них и обеспечивающих духовный прогресс жизненных планов, которые составляет для себя большинство из нас. Если бы эти темные сущности составляли жизненные планы для каждой своей инкарнации, то эти планы выглядели бы так: «Принести как можно больше вреда — Духовного, эмоционального, психологического или физического».

Поэтому — и я очень сожалею об этом, — я не мог/ читать жизненные планы темных сущностей: у них *нет* планов ни для нынешней жизни, ни для прошлых. В каком-то смысле было бы любопытно и, возможно, полезно узнать, кем был раньше Чарльз Мэнсон или Саддам Хуссейн, а также кто из нынешних темных сущностей прежде был Гитлером, Джеком Потрошителем или Джимом Джонсом. На заре своей карьеры я не раз задумывалась, что стану делать, если в мой кабинет для путешествия в прошлые жизни или для регрессии явится темная сущность. Затем я осознала, что этого никогда не случится. Темные сущности не интересуются продвижением к духовному совершенству, хотя иногда они могут очень искусно говорить на эти темы, если считают, что могут таким образом привлечь аудиторию. Их не волнуют собственные взаимоотношения с Богом или с остальным человечеством, и, конечно, эти сущности не беспокоятся о выполнении своего жизненного плана — ведь они его никогда не писали. Их невозможно вернуть в прошлое, как нас, и сами они тоже вернуться не могут. Темные сущности не просто не поддаются регрессии — прошлое их совершенно не интересует.

Так что, если, читая эти строки, вы переживаете и задаетесь вопросом, не являетесь ли вы существом с Темной Стороны, чьи прошлые жизни представляют собой лишь сплошную полосу жестокости и разрушения, вот вам ответ: поскольку вы задаетесь таким вопросом, значит, это вас интересует, ибо искренний интерес — это нечто абсолютно несвойственное обитателям Темной Стороны.

Медицинское сообщество

С самого начала моей карьеры у меня сложились хорошие уважительные взаимоотношения с представителями медицинского и психиатрического сообществ. Даже те врачи, которые относятся к экстрасенсам скептически, после нескольких бесед со мной понимали, что я не какая-нибудь ловкая вымогательница, опустошающая кошельки пациентов пустыми обещаниями. Они видели, что я разделяю искреннее, страстное желание врачей: чтобы после визита ко мне клиенты чувствовали себя лучше, чем до него. Многих своих клиентов я направляю к врачам и психиатрам, а они своих — ко мне. И мои коллеги знают, что каждому пациенту я совершенно внятно объясняю: *Ни один экстрасенс, включая меня, не может заменить квалифицированных врачей и психиатров.*

Когда я начала говорить о клеточной памяти со своими друзьями-медиками, они, конечно, были далеки от того, чтобы приветствовать мои слова громким хором голосов: «Клеточная память! Конечно! Это все абсолютно Понятно и умно!» Хорошо еще, что, когда я начала говорить о клеточной памяти публично, эти люди давно уже знали о моей экстрасенсорной работе и доверяли мне. В противном случае они смеялись бы надо мной так, что я бы просто оглохла от их хохота. Будучи сама скептиком, и не корю медиков за их сомнения в том, что многие физические и психологические проблемы коренятся в неразрешенных проблемах прошлых жизней. Но они согласны с моим главным тезисом: если метод работает, то им стоит пользоваться. Кроме того, моя работа с клеточной памятью совершенно безопасна, и я никогда не принимаю платы от пациентов, которых ко мне направляют врачи и психиатры, — так что эти люди ничем не рискуют, а получить могут все.

Понятно, что каждый из этих случаев исключителен. Ведь мои друзья-врачи направляют ко мне пациентов только после того, как все традиционные способы лечения не дали результатов. Первым, кто направил ко мне своего пациента, был один хирург из клиники для ветеранов. Больного звали Ройс. Он перенес тяжелейшую травму спины, и ему сделали больше десятка операций, которые давно должны были поставить больного на ноги. Но, несмотря на все усилия медиков, пациента по-прежнему непрерывно мучила настолько сильная боль, что он изо дня в день умолял врачей, чтобы ему удалили спинной мозг, — даже полный паралич казался ему более приемлемым, чем еще одна минута этой муки. Но позвонивший мне хирург, естественно, решил вначале обратиться к менее радикальным средствам — даже если это подразумевало использование таких бессмысленных и нелепых понятий, как «экстрасенсорика» и «клеточная память».

Когда я вошла в палату к Ройсу и увидела его, лежащего на кровати, с потухшими от нескончаемых мучений глазами, мое сердце едва не разорвалось от сострадания. Некогда симпатичное лицо было серым и изможденным.

Тем не менее, когда я объяснила, кто я такая, и сказала, что пришла помочь ему, если это окажется в моих силах, ему еще достало учтивости сказать: «Спасибо, что пришли». Несмотря на мучившую его боль, мужчина поддался гипнозу на удивление легко — так отчаянно он нуждался в помощи.

Полчаса спустя Ройс рассказывал мне о счастливой прошлой жизни. Шел 1855 год, его звали Томас, он жил в небольшом городке, в Джорджии. Расслабленно, немного растягивая слова, мужчина рассказывал о своей жене и четверых сыновьях, о тяжелой, но благодарной работе на ферме, которой он владел вместе с родителями. Он гордился тем, что вся семья каждое воскресенье ходила в церковь, — шел ли дождь, светило ли солнце, — и его младший сынишка, которому было всего четыре года, уже мог наизусть прочесть молитву «Отче наш». Весной Томасу исполнилось тридцать восемь. Однажды, когда он красил дом родителей, лестница под ним сломалась, он упал с высоты второго этажа и повредил спину. нижнюю часть тела Томаса парализовало, и, пролежав в Постели три месяца, он умер. Травма спины в конце концов привела к смерти. Это было клеточное воспоминание номер один.

Затем жизнь в 1721 году, в Испании. Теперь его звали Паоло, ему восемнадцать, он сын знатных родителей. Он безумно влюблен в двадцатидвухлетнюю красавицу по имени Кристина, но, к несчастью, она замужем за его старшим братом. Однажды вечером, когда Паоло возвращался домой после тайного свидания с Кристиной, брат подстерег его и вонзил в спину топор. Паоло скончался мгновенно. Таким было клеточное воспоминание номер два.

Я помолилась за Ройса, чтобы он отпустил воспоминания об этих разрушительных травмах прошлой жизни к белому свету Святого Духа. Я молилась, чтобы его тело воспринимало только ощущения из нынешней жизни, не цепляясь за основанное на клеточных воспоминаниях убеждение, что травмы спины неизбежно мучительны и фатальны. Когда я вывела Ройса из гипнотического состояния, он был обессилен, но умиротворен и задумчив. Собравшись с силами, мужчина слабо улыбнулся и пробормотал: «Не удивительно, что я чувствую себя так, будто мне нож в спину воткнули». Когда я тихонько вышла из комнаты, он уже спал.

Три недели спустя мне позвонил хирург Ройса и сообщил новости. После моего визита пациент больше ни разу не просил, чтобы ему удалили спинной мозг. Фактически, он начал заметно поправляться и впервые за несколько месяцев настоял на том, чтобы подняться с кровати. Теперь он гордо и радостно делал первые пробные шаги, опираясь на трость. Хирург закончил беседу словами, которые я нередко слышала с самого начала моей работы над клеточной памятью и часто слышу до сих пор: «Не знаю, что и как вы сделали, но это сработало». И я ему ответила словами, которые произношу очень часто: «Это не я, это Бог и люди, подвергаемые регрессии. Я только расчищаю дорогу для их души, чтобы она могла войти в те места, куда стремилась давно».

Примерно в то же время один психотерапевт, с которым мы познакомились еще в колледже, направил ко мне Талию, профессиональную спортсменку. При подготовке к летним Олимпийским играм девушка получила сотрясение мозга.

Когда Талия пришла в сознание, выяснилось, что она не может говорить. Врачи провели тщательные обследования, но не нашли никаких физиологических причин ее немоты. Несколько недель с ней работала команда психиатров, и они исключили все известные им душевные и эмоциональные факторы, которые могли бы стать причиной этого недуга. Мой друг-психотерапевт извинился за вырвавшееся у него замечание, что я их «последняя надежда», но я слышала подобные слова сотни раз, и они никогда меня не обижали. Уж лучше быть последней надеждой для человека, нуждающегося в помощи, чем оставить его вообще без надежды.

Талии было под двадцать. Это была изумительно красивая и очень здоровая девушка. Потеря голоса привела ее в не меньшую растерянность, чем врачей, и

понятно, что все это ее очень пугало. Талия общалась посредством коротких предложений из голосового аппарата, который она носила с собой, и когда я предупредила девушку, чтобы та не слишком жаловалась по этому поводу, она расхохоталась, — в этот момент наши голоса звучали почти одинаково.

Вначале Талия попала в счастливую, тихую жизнь в Японии, не давшую никаких ключей к причинам ее нынешнего состояния. Но она явно не хотела регрессировать к следующей жизни, и мне пришлось потратить некоторое время, чтобы убедить ее занять «позицию наблюдателя» — эта позиция позволяет просматривать травмирующие события со стороны, не переживая их слишком живо. В конце концов проявилась не одна, а две прошлые жизни, и, рассказывая о них, девушка плакала. Первая — в Древней Сирии. Однажды, когда она была еще маленькой, они с матерью отправились на базар за покупками, и тут началось землетрясение. Девчушка в ужасе бежала по базару среди обрушивающихся с грохотом построек. Деревянная балка упала на нее сзади и придавила лицом к земле. Отчаянные крики о помощи утонули в луже ее же крови, и ее никто не услышал.

Затем была удивительная жизнь в Египте. Ей было шестнадцать. Многие ее восхваляли и чтили как жрицу и могущественную волшебницу, иные просто боялись.

Однажды ночью, несмотря на то что отец нанял для нее целый отряд охранников, в комнату к спящей девушке проникли три похитителя, оглушили ее ударом по голове и унесли. Похитители потребовали от родителей выкуп, а пока шли переговоры, прятали девушку в пещере. Они вырезали юной жрице язык, ибо верили, что, лишив волшебницу возможности говорить, они отнимут у нее силу. Издевательства продолжались до тех пор, пока она не истекла кровью. Тогда похитители бросили ее тело и ушли. Злодеев так и не нашли.

В двух прошлых жизнях за ударом по голове сразу же последовала неспособность говорить или быть услышанной.

И сейчас, почти в том же возрасте, когда в прошлых жизнях ей были нанесены роковые удары, она получила сотрясение мозга и утратила способность говорить. Причины немоты диагностировать не удалось. Это либо еще один пример действия клеточной памяти, либо — как стали бы утверждать многие скептики — ум Талии просто приложил все усилия, чтобы сочинить историю, которая помогла ей оправиться от травмы. Единственное, что я знаю, — и только это по-настоящему важно для меня, — что пятнадцать лет спустя во время одного телешоу ко мне за кулисы забежала женщина и улыбнулась: «Привет, Сильвия! Помните меня?» Как это ни грустно, но факт остается фактом — почти всегда в ответ на подобные вопросы я говорю: «Нет». Начнем с того, что у меня не очень хорошая память на лица и имена. Добавьте к этому тысячи и тысячи клиентов за последние сорок восемь лет, лекции, автографы к книгам, теле- и радиопередачи в городах, которые я уже не могу сосчитать; а еще консультации с сотнями врачей, следователей и частных детективов, — и вы поймете, почему, когда кто-то вдруг спрашивает: «Помните меня?», — я всякий раз оказываюсь в полной растерянности. Но те *чтения* и регрессии, которые произвели на меня впечатление, я помню гораздо лучше, чем лица клиентов, так что, когда женщина добавила: «Мне больше не нужен голосовой аппарат», — я сразу же поняла, кто передо мной.

Мне было приятно услышать, что после нашего сеанса Талия выздоровела, но меня несколько обескуражило то, что на это потребовалось целых шесть месяцев. Я ожидаю более быстрых результатов, а если мои ожидания не оправдываются, никогда не виню клиентов — я виню себя. Я не верю в маленькие шажки к облегчению в течение длительного периода времени, когда клиент вынужден приходить снова и снова для очередных сеансов и приносить экстрасенсу чек за чеком. Иногда, в особенно тяжелых случаях или тогда, когда у клиента обнаруживается целый букет проблем, я провожу повторные *чтения* или регрессии — но не более двух. Многие мои ассистенты теперь сами очень успешно занимаются гипнотической регрессией, и я всем им дала строгие указания, что, если их клиентам для заметного улучшения потребуется более одного-двух сеансов, нужно немедленно сообщить об этом мне. И прежде, чем я снова позволю такому ученику работать, он должен доучиться.

В любом случае, есть одна вещь, на которую всегда можно рассчитывать, — хорошо это или плохо, — молва. Моя клиентура складывается, прежде всего, именно благодаря молве. Поэтому нет ничего удивительного в том, что лавина звонков постоянно растет: люди просят о помощи, — и совершенно не важно, верят ли звонящие мне врачи, психиатры и клиенты в реальность клеточной памяти, и вообще — интересуется ли их этот вопрос. Меня никогда не печалило и не печалит то обстоятельство, что большинство направляемых ко мне клиентов составляют люди, на которых врачи и психиатры давно

махнули рукой. Мне нравятся испытания. Мне нравятся сложные задачи. И больше всего мне нравится успешно решать их.

Психосоматические заболевания

Ничто не удручает больше, чем ситуация, когда человек рассказывает врачу о своей боли или недуге, а в ответ ему говорят, что вся проблема таится «у вас в голове». И, действительно, как я знаю из своего опыта, так оно чаще всего и есть. Боль и недуги, которые не отражаются в анализах крови, на рентгеновских снимках, в показаниях томографов и другой диагностической аппаратуры (такие заболевания обычно называют психосоматическими), *действительно* таятся в голове человека — в подсознании, где обитает сверхсознательный ум и откуда черпает информацию клеточная память.

Поймите меня правильно, я искренне уважаю большинство врачей и психиатров, но мне очень хотелось бы, чтобы они исключили из своего словаря слово «психосоматический», ибо оно подразумевает вот что: «На самом деле у вас проблем нет, вам все это кажется». Не могу себе представить, чтобы клиент рассказывал мне о проблеме, которая представляется ему по-настоящему важной, а я ответила: «Чепуха, это не проблема, вам все это кажется». Если вы рассказываете мне о чем-то, что представляет для вас проблему, я вам верю. И если я не могу помочь вам решить ее, то, во всяком случае, *никогда* не скажу: "Ах, перестаньте! Это все неправда». Моя обязанность состоит в том, чтобы найти правильное решение или направить вас к тому, кто сможет помочь. И такого подхода следует требовать от каждого врача, к которому вы обращаетесь.

Я не могу даже приблизительно оценить количество пациентов, которых ко мне направляли врачи с описанием их жалоб и заключением: «Думаю, это психосоматическое расстройство». Прибавьте к ним тех больных, что пришли ко мне по собственной инициативе после того, как врачи отказались лечить их «психосоматические» расстройства, — я уверена, их общее количество исчисляется тысячами. Тысячами исчисляются и те психосоматические расстройства, которые я успешно вылечила, просто убедив пациентов отпустить свои клеточные воспоминания, являющиеся основной причиной этих заболеваний.

Классическим примером тут может служить Элиза. Она пришла ко мне в день своего тридцатилетия с проблемой, мучившей ее с пятнадцати лет: три-четыре раза в неделю, внезапно, без всякого предупреждения, ее горло сводило судорога, почти полностью перекрывая дыхание. Эти приступы могли продолжаться от нескольких минут до часа. Не счесть, сколько раз ее доставляли в пункты скорой помощи для инъекций, расслабляющих дыхательные пути, чтобы женщина снова могла нормально дышать и глотать. Самые близкие ее друзья знали, что, если им звонят и в трубке слышно только натужное дыхание, нужно немедленно звонить «911» и вызывать Элизе карету скорой помощи. За эти пятнадцать лет Элиза обращалась к восьми врачам и шести психиатрам, прошла всевозможные исследования, но никаких физических или психологических причин этих ужасных, смертельно опасных судорог обнаружить не удалось. Все специалисты приходили к одному и тому же заключению: «психосоматическое расстройство». Другими словами, «мы сдаемся».

Некоторые из клиентов, находясь в состоянии регрессивного гипноза, предпочитают посетить несколько прошлых жизней. К этому побуждает неограниченная свобода гипнотического состояния и новизна опыта. С Элизой было не так. Она сразу же попала в жизнь, прожитую давным-давно в каком-то первобытном африканском племени. Женщина не имела ни малейшего представления о том, сколько ей лет и какой идет год, поскольку людей этого маленького племени не заботило измерение времени. Элиза только знала, что недавно достигла половой зрелости (то есть ей было около пятнадцати лет) и что она высокая и сильная. У нее красивая эбонитового цвета кожа, ее короткие черные волосы скрыты под похожим на тюрбан ярким головным убором из домотканой материи, раскрашенной местными минеральными красками. Однажды, направляясь за водой к ручью, протекающему неподалеку от деревни, она услышала сзади шорох и низкое свирепое рычание. Обернувшись, девушка увидела всего в нескольких метрах от себя готового к прыжку льва. Прежде чем она успела испугаться или позвать на помощь, огромный зверь прыгнул, свалил ее с ног и, как обычно делают хищники из породы кошачьих, разорвал ей горло своими острыми, как бритва, клыками. Девушка умерла мгновенно, и теперь Элиза отчетливо вспомнила, как она поднялась в воздух и заворуженно смотрела на льва, который уволакивал труп в густые заросли.

Мне не было нужды указывать на связь между этой смертельной раной из прошлой жизни и хроническими спазмами, которые затрудняли Элизе дыхание и

не позволяли глотать в нынешней жизни. Едва «проснувшись» после гипноза, женщина сама указала мне на эту связь. Она сказала, что почувствовала «освобождение», и, когда мы молились Богу о том, чтобы Он помог отпустить это мучительное воспоминание, засевшее в памяти клеток, и растворить в белом свете Святого Духа, на ее лице действительно отчетливо читалось облегчение.

В продолжение следующего после регрессии месяца у Элизы сводило горло еще дважды. В обоих случаях судорога сама собой заканчивалась через несколько минут, и необходимости в медицинском вмешательстве не было. После этих двух эпизодов спазмы не повторяются вот уже полтора года.

Следует отметить, что у Элизы, — как и во многих других случаях, — проблемы, связанные с клеточными воспоминаниями, начались в том же возрасте, когда в прошлой жизни произошло вызвавшее их травмирующее событие. Она не могла точно обозначить пятнадцатилетний возраст в своей африканской жизни, но, очевидно, «недавно достигнув половой зрелости», девушка как раз и находилась приблизительно в том возрасте, когда в этой жизни у Элизы произошел первый горловой спазм. Если вы считаете, что все это «совпадения», — пожалуйста. Однако тогда вам придется допустить, что совпадения нередко выглядят сверхъестественно. Если же объяснение посредством клеточной памяти кажется вам таким же логичным, как и мне, то вы согласитесь, что в данном случае мы имеем дело с воспоминанием сверхсознательного ума. Он помнит, что в одной из прошлых Жизней после достижения пятнадцатилетнего возраста с горлом случилось что-то ужасное.

В мире нет ни одного экстрасенса, включая меня, который гарантировал бы 100-процентный успех. Но более чем в 95 процентах случаев мне удается значительно облегчить страдания людей, чьи физические или душевные проблемы определены как психосоматические. Может быть, дело в том, что я умнее, мудрее, искуснее или сострадательнее и доброжелательнее врачей и психотерапевтов, которые не сумели помочь этим людям? Вовсе нет. Может быть, дело в том, что эти специалисты просто не пытались решить не поддающиеся объяснению проблемы их пациентов при помощи клеточной памяти? Вполне правдоподобно, не так ли?

Ипохондрия

Этот случай произошел, когда я уже два года занималась интенсивными исследованиями клеточной памяти, писала статьи на эту тему, выступала с лекциями и вела оживленные дискуссии с моими любознательными, но скептически настроенными коллегами. Началось все со звонка от терапевта, с которым мы познакомились примерно за год до этого во время теледебатов и с тех пор поддерживали очень теплые отношения. С первых же слов нашей беседы я по тону поняла, что он мягко надо мной подтрунивает:

— А у меня для вас есть пациентка.

Я усмехнулась и открыла свою записную книжку.

— Отлично, доктор, ближе к делу.

— Ее зовут Лорен. Ей шестьдесят один год. Эта женщина является моей пациенткой вот уже пятнадцать лет, и она абсолютно здорова.

— Так на что же она жалуется?

— Вот именно: жалуется. Она уверена, что страдает каждой болезнью, о которой прочтет в газетах или узнает из телепередачи, и требует обследований, которые это подтвердили бы. Ничто не раздражает ее больше, чем известия о том, что обследования ничего не показали и с ней все в порядке. Вместо того чтобы наслаждаться крепким здоровьем, она проводит жизнь в постоянном ожидании неизлечимой болезни.

— Иными словами, — сказала я со вздохом, — вы направляете ко мне ипохондрика.

— Совершенно верно. Это очень милая женщина, Сильвия, но она сводит с ума и себя, и меня, поэтому я подумал...

— Подумали, пускай теперь сводит с ума меня, тем более я и без того близка к сумасшествию со всей этой клеточной памятью и прочей чепухой, — продолжила я наполовину в шутку, наполовину всерьез.

Он рассмеялся.

— Это вы сказали. Не я. Однако послушайте, если вы считаете, что задача вам не по силам, забудьте о моем звонке.

Однако эта по-детски наивная попытка подзадорить меня была излишней.

Шесть часов спустя Лорен уже была в моем кабинете под гипнозом. Некоторые сотрудники моего офиса советовали мне не тратить времени впустую. «Не бейся головой об стенку, — говорили они. — Единственное, в чем можно быть уверенным, когда имеешь дело с ипохондриком, это то, что он ни за что не

пожертвует тем вниманием окружающих, которое приносят ему все эти мнимые заболевания».

Я, конечно, знала об этом. Мне время от времени приходилось сталкиваться с людьми подобного типа, — с клиентами, просившими меня избавить их от проклятия, которое по их убеждению кто-то на них наложил, чтобы разрушить им жизнь. Вы и вообразить себе не можете возмущение этих людей, когда я говорила, что нет нужды избавлять их от проклятия, поскольку *проклятий НЕ существует*. Такое впечатление, что, лишая этих клиентов возможности быть проклятыми, я отнимаю у них некую ценнейшую часть личности. И когда я отказывалась брать у них деньги за услугу, которую не могу предоставить, они неизменно уходили из моего кабинета в неподдельной ярости. Странно, не правда ли?

Но в целительстве, как и в правосудии, действует такое понятие, как польза сомнения, и я предположила, что появление Лорен в моем кабинете свидетельствует о настоящей потребности в помощи. Доктор оказался прав, это была очень милая женщина, и, перечисляя симптомы всевозможных заболеваний, которые она у себя обнаруживала, вопреки всем результатам обследований, Лорен, очевидно, была скорее смущена, чем увлечена. Она вошла в состояние гипнотического транса без малейшего сопротивления.

Вначале она погружалась в регрессию медленно, но через несколько минут рассказы о прошлых жизнях так и хлынули из нее, — словно внутри прорвалась какая-то мощная эмоциональная плотина. Сами эти жизни — одна за другой — были совершенно непримечательны. Что привлекло мое внимание, так это разнообразие причин, почему эти жизни закончились. Лорен бывала на земле уже много раз и умирала от рака груди, от проказы, чахотки (старое название туберкулеза легких), от пневмонии, азиатской холеры, от прободения аппендикса, от заражения крови, желтухи — и это только те жизни, что мы успели посетить за два с половиной часа, пока продолжался первый сеанс.

Понятно, что рано или поздно каждая наша жизнь как-нибудь заканчивается. Но в случае Лорен и многих других ипсохондриков, с которыми мне приходилось работать после, я обнаружила длинную череду медленных болезненных смертей, не имеющих ничего общего с внезапным или спокойным уходом из жизни, какой чаще всего переживает большинство из нас, когда наступает время отправляться Домой. И вот, входя в новое тело, сверхсознательный ум передаст клеткам воспоминания о страданиях и разнообразных заболеваниях — послание о том, что человеческое тело представляет собой исключительно несовершенное, неудобное и нездоровое обиталище. Нечто подобное может случиться, если в этой жизни вам приходилось жить в разных квартирах и каждая из них доставляла вам какую-нибудь проблему — протекающий водопровод, испорченное отопление, ограбления, клопы, тараканы, замыкания проводки, невыносимо шумные соседи. И вот, сменив достаточно много плохих квартир, вы наконец переселяетесь в удобную, спокойную и надежную квартиру. Но вы уже не можете полноценно наслаждаться жизнью в этом доме, поскольку личная история убедила вас что квартира, где вы поселяетесь, непременно таит в себе какие-нибудь изъяны — просто в данном случае они, очевидно, еще не проявились. То же самое ощущает, вселяясь в новое тело, сверхсознательный ум ипсохондрика. И он немедленно начинает посылать клеткам тела негативные воспоминания, требуя, чтобы клетки тела постоянно были на чеку. А клетки, в свою очередь, отвечают сигналами тревоги на любой признак недомогания, поскольку они уверены, что это тело представляет собой такой же клубок проблем, как все предыдущие. Никакие медицинские и психологические исследования не могут распознать заболевания, коренящиеся в клеточной памяти, поэтому врачи и психиатры утверждают, будто единственная проблема ипсохондриков заключается в том, что им необходимо внимание. А на самом деле проблема ипсохондриков в том, что их клетки не отпустили воспоминания прошлых жизней и постоянно пребывают в состоянии напряженной готовности. Эти клетки просто не знают, что человеческое тело может быть исключительно надежным и удобным жилищем.

Лорен была одной из немногих клиенток, кому потребовалось два сеанса регрессии для того, чтобы пройти через все жизни и смертельные болезни, выпавшие на ее долю. Но когда она наконец вынесла их на свет, — то есть когда мы обнаружили и извлекли все занозы, оставшиеся от прошлых инкарнаций, и ее раны начали заживать, — ипсохондрия прошла. Женщина поняла и оценила, каким здоровым является ее нынешнее тело, и активно занялась тем, чтобы поддерживать его в хорошей форме. Лорен по-прежнему посещает своего доктора, но только для ежегодных профилактических осмотров, и сегодня, в свои восемьдесят лет, она остается практически здоровой.

Еще раз напомним читателю, что не все наши физические и психологические проблемы обусловлены клеточными воспоминаниями, и я пи в коем случае не приуменьшаю важность и ценность работы врачей и психиатров. Однако я абсолютно уверена, что умные меры медицинской профилактики должны включать в себя такое мощное средство, как отпуская негативных воспоминаний клеточной памяти.

И я бы хотела, чтобы каждый врач, психиатр и психолог непременно испытал это средство на своих пациентах и сообщил о результатах мне в офис (письмом или по телефону) — пусть даже только для того, чтобы сказать мне, что я ошибаюсь. И опять-таки: меня ничуть не волнует, насколько нелепо звучит это предложение и насколько глупой кажусь я сама, когда его делаю. Главное, что клеточная память работает. Она лечит. Поэтому прошу вас, уважаемые коллеги, *пожалуйста, не отрицайте средство, пока не испробуете его.*

Точки входа и Другая Сторона

Не все регрессии в прошлые жизни и не все клеточные воспоминания негативны. Далеко не все. Здесь же содержится информация о счастье, радости и любви, которые мы испытали на земле и, прежде всего, во время наших изумительных жизней на Другой Стороне. Отчетливые воспоминания о Доме не так легко доступны, как воспоминания о прошлых земных жизнях. Ведь если бы мы помнили Другую Сторону слишком ясно, то пребывание на земле тяготило бы нас гораздо больше, чем сейчас. Но девяносто девять из ста клиентов, которых я провожу через воспоминания о смерти в прошлой инкарнации, вслед за этим, без всякого руководства с моей стороны, описывают, как их охватывает яркий, святой, невыразимо прекрасный свет Бога и они попадают в самое изумительное место, какое им только приходилось видеть.

Между прочим, недавно мне пришлось столкнуться с одним примечательным исключением из этого правила. Данный случай показывает, насколько решительно сверхсознательный ум хватается за любую возможность исцеления. Кроме того, тут особенно отчетливо видно, что во время регрессии главную роль играет сверхсознательный ум клиента, а я, экстрасенс, — только сопровождающий. Его звали Алан, и он обратился ко мне по поводу «неописуемого ужаса» перед одиночеством. Все в его жизни — начиная с семьи (жена и шестеро детей) и заканчивая работой в качестве координатора туристических поездок — было направлено на то, чтобы все время находиться среди людей. Однако время от времени и жизни неизбежно наступали короткие периоды, когда Алан оставался наедине с собой, и тогда глаза его переполнялись слезами, им овладевало чувство ужаса и ощущение, что каким-то образом эта кратковременная изоляция является наказанием за некий ужасный проступок, который он не мог даже определить, а тем более искупить.

Первая прошлая жизнь, которую посетил Алан, была счастливой. Он был египтянином, очень занятым и уважаемым человеком, служившим в царской охране (во всяком случае, так он это назвал), и основная его обязанность состояла в том, чтобы развлекать знатных гостей из-за границы. Он с женой и десятью детьми жил вместе со своими родителями и еще несколькими родственниками в большом доме, наполненном любовью и смехом. Он дожил до шестидесяти с лишним лет и умер совершенно неожиданно от сердечного приступа. Алан небрежно описал свою быструю безболезненную смерть, вполне понимая, что она представляла собой только мимолетный эпизод в гораздо большей жизни, которая никогда не заканчивается. Он коротко отметил, как это прекрасно — избавиться от неуклюжего, обремененного земным тяготением тела. Затем, как я всегда делаю на этом этапе регрессии, я попросила его рассказать, что он видит дальше. Алан сказал, что находится на зеленом лугу: долина, окруженная живописными горами, где живут лишь животные.

Я кивнула и улыбнулась, отметив про себя, насколько предсказуем этот этап регрессии, когда клиенты после возвращения в особенно счастливую жизнь на несколько мгновений попадают на Другую Сторону. Затем я спросила:

— И что вы чувствуете?

Я уже занесла над бумагой ручку, чтобы записать не менее предсказуемый ответ, например «экстаз», или «эйфория», или «радость». Тут меня как током ударило, ибо вместо этого он сказал:

— Безутешность.

Я постаралась, чтобы мой голос не выдал изумления:

— Где вы?

— В Перу, — ответил он. Я не хочу обидеть перуанцев, но Перу — это не рай. Мои предположения не оправдались. Он сразу перескочил в следующую жизнь.

— Что вы делаете в Перу?

Он лишь безутешно рыдал и не мог произнести ни слова. Я снова и снова повторяла:

— Алан, перейдите в позицию наблюдателя. То, что вы видите и чувствуете, происходит не сейчас. Вы в прошлом, в другой жизни, мы должны избавиться от этого события, чтобы оно больше не причиняло вам боли. Отделите себя от

происходящего. Наблюдайте. Просто смотрите и рассказывайте мне все, что вы видите.

Через несколько минут он успокоился, хотя слезы по-прежнему то и дело выкатывались из-за плотно сомкнутых век.

Эта жизнь в Перу проходила в самоизгнании. Жена и маленький сын мужчины погибли во время пожара — их дом подожгла его разгневанная любовница после того, как он с ней порвал. Алана во время пожара в доме не было. Он провел ночь в близлежащем городке, где пытался утопить свою тоску в вине. По возвращении его ожидал кошмар: жена и сын мертвы, от дома осталось только пепелище, любовница покончила с собой. Мужчина чувствовал, что ответствен за все это он и только он один. Его никогда не посещала мысль о том, чтобы начать жизнь заново. Он считал, что отныне не имеет права на полноценную жизнь или хоть на одну секунду счастья. Он ушел и даже не попрощался с родными и друзьями, добровольно расставшись со всеми, кого любил, и со всем, что было дорого его сердцу. Алан отправился в горы и нанялся в пастухи. Платой за работу ему служил только ночлег в тишине и одиночестве. Там он и умер через двенадцать лет от простуды.

Не удивительно, что у бедняги одиночество ассоциировалось с наказанием. Этот тяжелый груз обременял душу Алана, пока наконец ему не выдалась возможность освободиться от него в моем кабинете. И сбив меня с толку своим рассказом о Перу, когда я приготовилась слушать о Другой Стороне, он тем самым предоставил мне очередную иллюстрацию того, как страстно душа человека стремится к исцелению. Пока душа не исцелится, наша клеточная память продолжает реагировать на окружающий мир так, словно давние раны остаются такими же реальными и болезненными, как в тот момент, когда они были причинены.

Этот Опыт с Аланом побудил меня искать более быстрый и эффективный путь, который позволял бы моим клиентам сразу отправляться в ту жизнь или жизни, где коренятся клеточные воспоминания, вызвавшие сегодняшние проблемы, и не блуждать по прошлым жизням, никак не связанным с тем, что их беспокоит. Все прошлые жизни интересны, когда надо продемонстрировать клиентам, что смерти не существует и мы на самом деле вечны. Но если клиент страдает от той или иной конкретной проблемы, почему бы не отправиться прямо к ее корням, вместо того чтобы блуждать вокруг да около? Мой духовный гид Франсина показала мне, что это очень просто: нужно только направить клиента прямо в место, которое она назвала «точкой входа» (*«point of entry»*).

Точка входа представляет собой момент, когда произошли события, оставившие негативные клеточные воспоминания. Например, в случае Алана точкой входа был миг, когда он узнал, что его жена, сын и любовница погибли в результате событий, причиной которых был он. Точками входа Лорен были ее медленные мучительные смерти. Именно клеточные воспоминания о них заставляли женщину находиться в постоянном ожидании очередной смертельной болезни. Каждому клеточному воспоминанию соответствуют определенные *точки входа*, и оказывается, что следует только произнести это словосочетание во время регрессии, как сверхсознательный ум, в своем страстном стремлении к исцелению, направляется к травмирующему моменту. После случая с Аланом, мои помощники, которых я учила гипнозу, обнаружили то же, что и я: если клиент хочет избавиться от конкретной, особенно болезненной проблемы, корящейся в прошлой жизни, быстрее всего раскрыть ее можно, попросив его отправиться в точку входа. И в каждом случае мучающая человека «заноза» обнаруживается в первой же прошлой жизни, которую он описывает.

Недавно я провела регрессию, где точки входа и воспоминания о Другой Стороне проявились с особой отчетливостью. Клиентку звали Глория. За месяц до этого внезапно умер ее муж, Мартин. Это был один из редких волшебных браков, когда в день смерти мужа супруги любили друг друга так же крепко, как и тогда, когда только начали встречаться, будучи старшеклассниками. Ею овладела неопишуемая бездонная печаль. Так происходит, когда мы теряем человека, ставшего неотделимой частью нашего существа, и без него в этой жизни мы больше никогда не чувствуем себя целостными. Едва Глория переступила порог моего кабинета, я обняла ее и, помнится, подумала: «Тут есть печаль, и еще тут есть *это*».

Глория пришла ко мне для *чтения*, но я подумала, что ей лучше поможет регрессия. Я знала: регрессия покажет, что они с Мартином провели вместе много жизней, и это убедит ее, что они наверняка окажутся вместе снова. Она приняла мое предложение и довольно легко поддалась гипнозу, — что удивительно, поскольку женщину окутывала очень плотная завеса печали. Посещение случайных прошлых жизней — это вовсе не то, что нужно было этой клиентке, чтобы добраться до корней ее жестокой душевной боли, поэтому я сразу же сказала: «Глория, я хочу, чтобы вы направились в точку входа».

Ни один клиент не спросил у меня, что это значит, к я уже сказала, духовный ум, очевидно, прекрасно помает это словосочетание. И Глория не была исключением. Она сразу же начала описывать жизнь в Северной Европе, в 1721 году, а вслед за тем в Италии, в середине девятнадцатого века. В обеих жизнях они с Мартином глубоко любили друг друга. Она была его женой в Северной Европе и возлюбленной в Италии. Первая точка входа, куда вошла Глория, — 1721 год. Она безутешно плакала у кровати Мартина. Он умирал, оставляя ее одну в тысячах миль от родительского дома, который она покинула, чтобы посвятить свою жизнь любимому. В 1850 году, — вторая точка входа, — она умерла у него на руках после того, как родила ребенка. И вот теперь, в этой жизни, их снова разлучила смерть. Не удивительно, что ее горе было столь глубоко, теперь она оплакивала третью разлуку с любимым.

Я знала: достаточно отпустить эту боль прошлых жизней через белый свет Святого Духа, отдать ее Богу — и ее боль несколько смягчится. Но на этот раз я решила попробовать нечто другое, нечто, к чему я никогда не прибегала прежде. Поскольку наш сверхсознательный ум любовно хранит воспоминания о Другой Стороне и поскольку я знала, что Мартин отправился в безопасное радостное путешествие Домой, я решила попробовать все соединить их души на несколько мгновений. Это позволило бы ей получить утешение и ободрение от самого дорогого ей человека в мире. Итак, пока Глория находилась под гипнозом, я провела ее по туннелю, который каждый из нас проходил уже много раз, а затем отступила в сторону. Теперь ей предстояло самой пройти через свет, попасть Домой и описать, что там происходит. Если вам приходилось видеть меня или других медиумов за работой, вы уже знаете, что духи не всегда являются по нашему зову, поэтому я не обещала Глории встречу с Мартином и даже не упоминала о нем, на случай если они не найдут друг друга.

Лицо женщины расслабилось и смягчилось, на губах заиграла радостная улыбка. Я спросила, что она видит.

— Я в саду, — сказала Глория, — не могу даже описать, как тут красиво. Я никогда не видела ничего подобного, однако все это почему-то кажется мне очень знакомым. Я ступаю по мощенной камнями дорожке и каким-то образом знаю, куда идти. Вдалеке виднеется мраморное здание, белое-белое, почти искрящееся.

Если вы читали мою книгу «Жизнь на Другой Стороне», то, конечно, узнали в этих словах описание Дома правосудия. Я сказала ей только:

— Идите, куда вас тянет, Глория. Вдруг она ахнула.

— Что случилось? — спросила я.

— Мартин, — прошептала она благоговейно. Замечательно. Она нашла любимого. Я спросила, как он выглядит.

— Прекрасно, — ответила Глория. — Счастливый, здоровый. Помолодевший.

Это естественно, поскольку на Другой Стороне всем по тридцать лет, но я не стала прерывать Глорию этим замечанием.

Она долго умиротворенно молчала, затем спокойно произнесла:

— Он ушел.

Несколько минут спустя она полностью вышла из гипнотического состояния и сидела на кушетке, глубоко Тронутая только что пережитым опытом.

— Забавно, — сказала она мне, — я рассказала Мартину о своей любви и о том, как мне его не хватает, а он сказал, что все время находится возле меня. Но, кажется, никто из нас не произнес ни слова вслух*. Прежде чем уйти, он меня обнял. Возможно, вы подумаете, что я сошла с ума, но я уверена, что почувствовала запах лосьона, которым он всегда пользовался.

_____ *Это — телепатия, обычный способ общения духов. — Прим. автора.

Возможно, ваши приятели подумали бы, что вы пили с ума, но, поверьте, не я, — ответила я.

— Мне совершенно безразлично, что подумают об этом мои приятели и все остальные. У меня нет ни малейшего сомнения в том, что все случившееся совершенно реально, и в том, что мой муж жив, — она встала и обняла меня. — Я никогда этого не забуду. Не знаю даже, как вас отблагодарить.

Однако благодарить нужно не меня. Нужно благодарить Бога, дух Глории и ее глубинные воспоминания о Другой Стороне, которые позволили ей совершить это путешествие с такой легкостью. Как я уже говорила, это был первый случай, когда я использовала регрессию для того, чтобы помочь клиенту встретиться с умершим любимым человеком. Глория позвонила мне через месяц и рассказала, что хотя физическое отсутствие Мартина по-прежнему очень печалит ее, но само знание, что он рядом с ней, что он видит и ждет ее, вселяет в нее достаточно сил, чтобы принимать по утрам душ, одеваться и идти на работу. Это был колоссальный шаг вперед по сравнению с тем холодным душевным параличом, который овладел ею после смерти любимого. И если вам приходилось переживать по-настоящему

глубокое горе, вы знаете, как много сил нужно человеку, чтобы совершить эти первые маленькие шажки к нормальной жизни.

Это был еще один пример целительного потенциала клеточной памяти. Я, как и Глория, никогда его не забуду.

В следующих разделах этой книги я поделюсь с вами несколькими из тысяч документально зафиксированных регрессий, свидетелями которых мне и моим сотрудникам посчастливилось быть за годы работы с клеточной памятью. Кроме того, что эти переживания прошлых жизней пленяют наше воображение, они иллюстрируют, — гораздо выразительнее, чем это могла бы сделать я, — тот факт, что мы живем вечно и что в каждую новую жизнь мы приносим огромные богатства знаний и Воспоминаний.

Но эти рассказы — нечто большее, чем иллюстрации. Среди описанных тут случаев вы можете найти страхи или хронические заболевания, подобные тем, которыми страдаете вы или кто-то из ваших любимых. Более того, мы увидите, что многие люди нашли дорогу к своим клеточным воспоминаниям, сумели отпустить их в чистоту белого Божьего света и, исцелив раны прошлого, открыли себе путь в более здоровое и спокойное будущее.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ФОБИИ И ДРУГИЕ ДУШЕВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

ЛИЗА

Страх перед разлукой с любимым Потребность в семье

Лизе было тридцать шесть. Женщина уже четыре года была замужем за Клинтом и, как она сама сказала, «отчаянно» его любила. «Отчаянно» в ее случае означало, что она изо всех сил старалась угодить мужу. Причиной тому был вовсе не страх, что иначе он будет обижать ее, но неотступно ноющее чувство, что их брак — это нечто временное и Лиза все время рискует разочаровать мужа, после чего он от нее уйдет.

Лиза верила, что ребенок мог бы укрепить их союз, и поэтому мечтала забеременеть от Клинта. Когда через год ей это не удалось, она стала ходить по врачам, которые назначали ей процедуру за процедурой, и теперь, по страшной иронии судьбы, именно отчаянные попытки женщины зачать ребенка подтвердили, что это невозможно. Клинт всеми силами подбадривал и поддерживал Лизу, но она была уверена, что это все напускное, а в душе он очень недоволен такой неудачной женой. Она боялась, что он неизбежно уйдет к более хорошей, полноценной, достойной женщине, и та родит ему детей, которых Лиза дать не может.

Вначале Лиза регрессировала в жизнь в Восточной Европе. Она была крестьянкой, а Клинт — солдатом в красном кителе и черных сапогах. Они преданно любили друга и собирались пожениться втайне от ее жестокого, требовательного и властного отца. Но в день запланированного побега отец раскрыл их замысел и насильно увез девушку в отдаленный монастырь, где она и дожила остаток своей короткой жизни на правах пленницы. Лизе было очень горько и одиноко. Она больше никогда не видела Клинта и даже не узнала, что ему сказали о ее внезапном исчезновении.

Затем женщина вернулась в жизнь в колонии новопоселенцев на месте нынешнего Делавера. Они с мужем (а той жизни это был не Клинт) прибыли из Англии всего несколько недель назад. Им было очень грустно расставаться со своими родными, однако они не могли устоять перед обещанием, что в Новом Свете их ожидает осуществление самых радужных снов. Лиза была беременна их первым ребенком, и молодожены собирались завести большую шумную семью. Однако на шестом месяце беременности Лизы муж погиб во время несчастного случая на рыболовецком суденышке, где он работал. Горе и потрясение от утраты мужа привели к тому, что женщина потеряла ребенка. И вот молодая бездетная женщина осталась вдовой — одна, бесконечно далеко от родных и друзей. Не прошло даже года, и она тоже умерла — как сказала Лиза, «от разбитого сердца».

Потом клиентка описала жизнь в Египте. Лиза была верной подругой и фрейлиной некой могущественной дамы из королевской семьи. Лиза всем сердцем любила еще более могущественного брата своей повелительницы, однако он готовился к политически выгодному браку с нелюбимой женщиной. В течение нескольких месяцев влюбленные скрывали свою связь, но в конце концов их застали вместе. Небольшая группа чиновников (Лиза сказала, что они выполняли в правительстве функцию кабинета министров) постановила, что женщину нужно немедленно отправить в ссылку, ибо она представляет угрозу браку, который эти

люди считали жизненно важным для интересов государства. Когда, несколько месяцев спустя, женщине позволили вернуться, ее любовник уже женился и уехал, а могущественная дама, на которую она прежде работала, была холодна и презрительна, ибо считала свою бывшую фрейлину расчетливой предательницей. Лиза прожила остаток жизни в одиночестве, и все окружающие относились к ней как к отщепенке и даже потенциальной изменнице.

Понятно, почему клеточная память постоянно твердила Лизе о разлуке с любимым и почему ей так страстно хотелось иметь полную семью. По меньшей мере три раза судьба безжалостно отнимала у нее человека, с которым она хотела провести всю жизнь, не оставив в утешение даже ребенка. Опыт прошлых жизней учил, что за любовью неизбежно следует одиночество и земная жизнь заканчивается в холодной эмоциональной пустоте. Поэтому с того мгновения, когда Лиза полюбила Клинта, все клетки тела начали передавать ей послание, основанное на опыте сверхсознательного ума: будь готова к несчастью и, если хочешь ребенка, торопись, иначе придется провести остаток жизни в одиночестве. Лиза ушла из моего кабинета пораженная, но совсем убежденная, что все эти яркие воспоминания о прошлых жизнях не были всего-навсего продуктами разыгравшегося воображения. Ее сознательный ум не мог позволить себе такую роскошь, как ощущение безопасности в браке с Клинтон. Но женщина пообещала взять себе за правило каждый вечер в течение месяца молиться о том, чтобы вся боль и негативность, принесенные из прошлых жизней, ушли из клеточной памяти и сверхсознательного ума и растворились в белом свете Святого Духа. Тогда Лиза смогла бы сосредоточиться на том, что ей необходимо в этой жизни. Я сказала ей:

— Возможно, вам покажется, что это самый дурацкий из советов, которые вам когда-либо давали в жизни.

Можете надо мной смеяться, но делайте то, что я сказала, если через месяц вы не заметите никаких перемен к лучшему, то мне позвоните и скажите, что я советую людям глупости.

Но вместо этого через шесть недель позвонил Клинт.

— Что бы вы ни сделали с моей женой, это просто чудо какое-то, — сказал он, едва представившись. — Раньше она по всякому поводу и без повода звонила мне работу по четыре раза в день, чтобы убедиться, что я куда-нибудь не ушел. Всякий раз, когда я выходил из дому, Лиза донимала меня вопросами, куда я иду и когда вернусь, а стоило мне задержаться хоть на пару минут, начинала пилить. Честно говоря, она была больше похожа на жандарма, чем на жену. Сколько я ни убеждал Лизу, что не собираюсь уходить от нее, — все без толку. Но после визита к вам она совершенно изменилась. Лиза стала мягкой, уверенной в себе, счастливой, и — самое главное — теперь она мне доверяет. Если раньше мне было просто страшно возвращаться домой после работы, теперь я иду туда с нетерпением. Я позвонил, чтобы сказать, как мы оба вам благодарны!

А год спустя пришло еще более радостное известие: фотография улыбающихся Лизы, Клинта и их приемной дочурки возле рождественской елки. И между прочим: они не назвали ее Сильвией.

Цинтия

Саморазрушительная потребность во внимании

Цинтии было 30 лет. Эту женщину направил ко мне мой друг, психиатр. Ее потребность во внимании стала очевидной еще до того, как она вошла в мой кабинет. Я слышала, как она говорит и смеется в приемной, и голос ее звучал примерно вдвое громче любой допустимой нормы. Из-за своей привычки бурно жестикулировать она ухитрилась опрокинуть лампу и разлить свой кофе уже за тот короткий промежуток времени, пока представлялась моим сотрудникам. Выйдя, чтобы пригласить ее в кабинет, я увидела, что ее слишком облегающее, слишком короткое платье с глубоким вырезом, взлохмаченные волосы и яркий макияж — все было направлено на то, чтобы транслировать в окружающий мир то же самое послание, которое передавал оглушительный голос и бурная жестикуляция: «Смотрите на меня!».

Вначале женщина, видимо, собиралась убедить меня, что она — одна из счастливейших клиентов, которых мне приходилось принимать в своем кабинете, и она пришла ко мне вовсе не для того, чтобы избавиться от каких-то проблем. Она сказала, что видела меня по телевизору и захотела встретиться со мной лично. Что же касается этой ее «потребности во внимании», на которую жалуется психиатр, то с его стороны это просто нелепое преувеличение. В конце концов, кому не нравится внимание? И что тут плохого, если внимание окружающих доставляет ей удовольствие? Понятно, что многим это не нравится, но всякому ясно: ей просто завидуют.

Не нужно было иметь экстрасенсорные способности, чтобы через несколько минут этого скорострельного монолога понять, что она протестовала слишком уж настойчиво. Видимо, Цинтия пыталась убедить не столько меня, сколько саму себя, будто она — счастливая беззаботная женщина, которой нравится собственный образ жизни. Полчаса спустя Цинтия уже заливалась слезами и ее голос звучал тихо, спокойно, почти робко. Наконец она впустила меня за свой разукрашенный фасад и показала, сколько одиночества, грусти и беспомощности скрыто в тайниках ее души. Из-за этой потребности во внимании — качества, которое ей будто бы нравилось, — ее не раз увольняли с работы, обвиняя в разрушительном или «несоответственном» поведении. Кроме того, она была импульсивно неразборчива в личных связях и часто соблазняла молодых людей своих подруг, — в результате с ней перестал общаться и новый любовник и давняя подруга. Что же касается ее ухажеров, то, немного попользовавшись ее телом и деньгами, они шли к женщинам, требовавшим к себе уважения, которого Цинтия не требовала или не могла требовать, поскольку не уважала себя сама. Она слишком много времени проводила в барах, что вызвало угрозу алкоголизма, — именно эта проблема привела ее к психиатру, поскольку женщина полагала, что все остальное в ее жизни совершенно нормально. Но после восьми месяцев работы ни она, ни ее психиатр не достигли никакого заметного успеха. Цинтия родилась в семье среднего достатка, родители с младенчества окружили дочь любовью и заботой, и никакие обстоятельства ее детства не давали ключей к этому неконтролируемому неумолимо возрастающему страху, что ее не заметят.

Гипнотизировать Цинтию было сплошное удовольствие: открытая, отзывчивая, четко формулирующая свои мысли. Поскольку ее проблема была так специфична и сложна, я велела ей сразу же отправляться в точку входа. Цинтия немедленно попала в момент своей насильственной смерти во время войны между французами и индейцами. Она была тогда семнадцатилетним подростком. Следующее, что увидела женщина: она одна среди простирающихся до горизонта пологих зеленых холмов, перед большим каменным домом с соломенной крышей. Как и в описанном выше случае Алана, я вначале подумала, что Цинтия рассказывает о Другой Стороне. Но чем дальше она говорила, тем больше я убеждалась, что после той конкретной смерти она попала отнюдь не Домой.

В доме и во дворе играли дети, за ними присматривали женщины в длинных черных одеждах. Цинтия смотрела на них через окно, и для этого ей приходилось парить на некоторой высоте над полом. Она отчаянно хотела присоединиться к детям и поиграть с ними, но понимала, что это невозможно. И еще Цинтия понимала, что, хотя она прекрасно видит и слышит этих людей, они ее не замечают, словно ее не существует. Самое грустное, что она была там уже очень давно; очевидно, женщина попала в какую-то ловушку. Больше всего на свете ей хотелось уйти оттуда и положить конец этой мучительной изоляции у окна, где она находилась, потерянная, одинокая, обреченная на это немое невидимое существование. Но никто ее не замечал, и никому не было до нее дела.

Как выяснилось, она оказалась возле католического сиротского дома в Ирландии и была призраком, который попал в ловушку между Землей и Другой Стороной, не принадлежа ни одной из них. Именно это ужасное безнадежное существование между жизнями и стало причиной клеточных воспоминаний, вызвавших у Цинтии неистовую потребность во внимании. У меня были тысячи клиентов, но тех, кто регрессировал в кошмарное существование в качестве призраков, можно сосчитать на пальцах одной руки. В этом состоянии им остается только беспомощно ждать, что придет какой-нибудь спаситель (земной или с Другой Стороны) и освободит их. И в нынешней жизни такие клиенты, каждый по своему, страдают от ощущения неприкаянности и всеми силами стараются, чтобы их заметили, приняли и обняли, — ведь именно этого в конечном счете хотела и Цинтия.

Как я уже отмечала в этой книге, наш сознательный ум обмануть легко, но сверхсознательный ум и клеточная память резонируют и отвечают лишь на истину. Цинтия ни на секунду не сомневалась в том, что та псевдожизнь в земном плену, куда она вернулась во время регрессии, не была просто игрой воображения. Она вспомнила нечто настолько же реальное, как тот факт, что утром она оделась и поехала в мой офис. И женщина ощутила ослабление боли, которую причиняли ей эти клеточные воспоминания так же отчетливо, как если бы наконец прекратилась мучившая ее долгое время лихорадка.

Через восемь месяцев я получила от нее замечательное письмо на восьми страницах. Благодаря двенадцатишаговой программе и искреннему желанию сделать что-нибудь стоящее в жизни она бросила пить. Кроме того, у нее теперь нет времени ходить по вечерам в бары: она решила стать преподавательницей и поступила в колледж. «Очевидно, мне по-прежнему необходимо внимание детей, — писала она, — но теперь я предпочитаю получать его, помогая детям обрести знания. И еще я хочу служить им наглядным примером человека, который

совершил в жизни все мыслимые и немыслимые ошибки и все-таки сумел выйти на верный путь». Цинтия на некоторое время прекратила интимные отношения с мужчинами, — до тех пор, пока не убедится, что стала «достаточно здоровой, чтобы строить здоровые взаимоотношения». Она написала, что пытается восстановить дружбу с теми, кого некогда предала.

И еще в конверте была фотография симпатичной молодой женщины с цветущим лицом, чья естественная, не кричащая красота несомненно привлекала достаточно внимания окружающих, — благодаря душевному равновесию и спокойной уверенности в себе, которые она излучала. Я бы подумала, что вижу младшую сестру той необузданной женщины, что была у меня в офисе, но под фотографией стояла подпись: «С любовью и благодарностью, освобожденная от земного плена Цинтия».

Рон

Эмоциональная отстраненность от супруги Безразличие к жизни

В свои сорок семь лет Рон был образцовым представителем верхушки среднего класса. У этого человека было все, о чем он мечтал, и даже больше, — тем труднее ему было понять свое растущее безразличие к жизни в целом и к жене в частности.

Это равнодушие все больше угрожало его миру, — а он понимал, что в глубине души искренне ценит этот мир. Единственное объяснение, которое Рон мог дать происходящему, состояло в том, что у него в самом разгаре «кризис среднего возраста».

— С одной стороны, мне противна сама мысль о том, чтобы быть культурным клише, таким образцовым семьянином и гражданином, — сказал он мне, — но, с другой стороны, мне больно видеть, как мое нынешнее состояние сказывается на жене. Я ее люблю. И — Боже ! — мы прожили вместе двадцать шесть лет. Я не хочу ее потерять. Но ей кажется, что я отталкиваю ее от себя всякий раз, когда она пытается пойти мне навстречу. И она права. Я сам это чувствую. Я недоволен собой, я браню себя, но затем вновь и вновь веду себя точно так же. Видимо, жена чувствует, что я несчастен, и хочет, чтобы я открылся, рассказал ей, в чем проблема, ведь тогда мы могли бы попытаться решить ее вместе. Но Я не могу открыться, потому что сам не знаю, в чем дело. Может быть, проблема состоит как раз в том, что никакой проблемы нет. Поскольку мне не на что жаловаться, очевидно, причина во *мне самом*. Я утратил страсть, утратил любопытство, утратил радость, утратил интерес к будущему. Я ощущаю эмоциональную опустошенность, и без посторонней помощи мне не найти себя снова.

Он назвал это состояние «кризисом среднего возраста». Я называю это «пустынным периодом». Большинство людей, кого я знаю, — богатые и бедные, состоящие в браке и холостые, работающие и безработные, знаменитые и безвестные, здоровые и страдающие хроническими заболеваниями, — проходят через период эмоционального бессилия, о котором говорит Рон. Я тоже через него прошла, и не пожелаю ничего подобного даже злейшему своему врагу. Меня очень обнадежил сам факт, что Рон сумел собраться с силами хотя бы для того, чтобы прийти ко мне, поскольку, когда подобное происходило со мной, мне едва хватало энергии для того, чтобы по утрам вставать с постели. Я просто пережила этот мучительный период в своей жизни, — день за днем, пока он не закончился сам собой, — как, видимо, в свое время переживает его большинство из нас. Поэтому мне было особенно любопытно, а возможно ли, отпустив клеточные воспоминания, ускорить процесс избавления от этой очень распространенной и очень болезненной проблемы?

В первой прошлой жизни, куда попал Рон, он был женщиной, счетоводом из Северной Англии. Ее жизнь началась при весьма печальных обстоятельствах и не очень изменилась со временем. Она была единственным ребенком, зачатым в браке без любви. Во время родов у ее матери случилась серия микроинсультов, и отец предпочел исчезнуть, чтобы не брать на себя заботу о нежеланном ребенке и больной жене, которую он уже начал тихо ненавидеть. С самого начала мать совершенно недвусмысленно давала понять дочери, насколько та нежеланна; винила девочку в инсультах и в том, что отец покинул семью. Девочка действительно чувствовала себя виноватой и посвятила жизнь заботе о своей немощной жестокой мстительной матери. Она не вышла замуж, никогда даже и не думала о друзьях, праздниках, любви и об огромном манящем мире, простирающемся за стенами ее конторы и маленького сумрачного нищенского домика, куда она возвращалась по вечерам. Она подавляла любое чувство, грозящее разрушить знакомую пустоту, которую она приняла как неоплатный долг

перед матерью. Все эти подавленные чувства в конце концов вызвали рак желудка. Вскоре она умерла.

Вторая прошлая жизнь, которую вспомнил Рон, прошла в Уэльсе, в конце девятнадцатого века. На этот раз он был мужчиной — очень высоким и худым, всегда гладко выбритым, с изящными «артистическими руками». Искусный плотник и мебельный мастер, он много путешествовал по стране, обслуживая многочисленных благодарных клиентов. Когда ему было немного за сорок, он полюбил симпатичную молодую продавщицу, вдвое младше его, и женился на ней. Через год она родила ему сына, и Рон думал, что он самый счастливый и удачливый из живших когда-либо на земле людей. Это счастье закончилось внезапно и трагически: его жена и сын погибли во время кораблекрушения. И вот в сорок восемь лет Рон снова остался один. И даже любимый подмастерье — верный друг и помощник — не мог его утешить. Он снова с головой окунулся в работу, но, хотя его мастерство не истощилось, труд уже не приносил радости. Вскоре после того, как мастеру исполнился шестьдесят один год, к нему пришла смерть, и он встретил ее с радостью. «Это было легко, — сказал Рон, — я просто перестал жить».

И вот, в нынешней жизни, в сорокасемилетнем возрасте клеточная память Рона напомнила ему, чтобы он готовился к разлуке с любимой женой и понемногу забывал о радости, которую они друг другу дарят. Жизнь в Уэльсе научила его, что в сорок восемь лет жизнь утрачивает свою прелесть. Жизнь в Англии убедила его, что эмоциональное оцепенение служит эффективной защитой от чувств, которые, вероятно, не принесут ничего, кроме боли и тщетных надежд. Руководствуясь клеточными воспоминаниями, Рон начал тосковать в предчувствии утраты, постигшей его сто лет назад. Затем, используя средство защиты от боли, которому Рон научился еще раньше, пациент начал отгораживаться от мира. Отпустив эти клеточные воспоминания, он сразу же прекратил переживать мучительный опыт прошлых жизней и сосредоточил свое внимание на том, чтобы как следует прожить нынешнюю.

Рон позвонил мне через месяц после регрессии. Когда он впервые явился ко мне в офис, его голос был монотонным и невыразительным, а сейчас я услышала богатый баритон живого, наслаждающегося жизнью человека. Рон сказал, что они с женой в конце недели отправляются в Майами, чтобы провести второй медовый месяц, и, — самое главное, — он искренне рад предстоящему путешествию. С тех пор прошло пять лет, и они по-прежнему вместе, цветущие и счастливые. Я буду всегда восхищаться Роном, как восхищаюсь всеми прошедшими через регрессию клиентами, которым достало мужества посмотреть в лицо прошлому, чтобы прийти к здоровому, более полноценному будущему.

БЕТСИ

Агорафобия (страх перед открытыми пространствами и публичными местами)

Бетси было сорок два года. Она страдала агорафобией более десяти лет, и, несмотря на назначенные ей транквилизаторы и усилия трех разных врачей, ей становилось все хуже. Из-за болезни она рассталась с мужем, потеряла доходную работу в качестве агента по закупкам для крупной сети универмагов и могла бы потерять дом, если бы не сумела избавиться от своего недуга.

Я спросила, помнит ли она первый случай, когда почувствовала проблему. Бетси помнила это очень отчетливо. Она направлялась на работу после больничного — на втором месяце ее первой беременности у женщины случился выкидыш. По дороге Бетси зашла в банк. Внезапный приступ паники обрушился на женщину, когда она стояла в очереди. Ощущение было таким незнакомым и таким мощным, что Бетси подумала, что упадет в обморок. На спине выступил холодный пот, от которого почти сразу же насквозь промокла блузка. Когда подошла ее очередь, женщина, словно в тумане, пошла к свободному оператору, но вдруг застыла в полной растерянности. Казалось, что до окошка оператора тысячи миль. Тихие голоса вокруг нее зазвучали гулко, словно она слышала их со дна глубокого колодца. Бетси развернулась и

побежала прочь из банка. Как она оказалась дома, женщина не знает. Она помнит озабоченность мужа, который пытался убедить ее вернуться на работу; видела, как таяло с годами его терпение, — ведь Бетси становилась все более замкнутой и ей все труднее было участвовать в их совместной жизни — эмоционально, финансово, физически. Фактически, она сама настояла на разводе, ибо ей тяжело было видеть разочарование и напряженное терпение в его глазах. Когда муж ушел, она испытала искреннее облегчение.

Вначале Бетси просила не проводить с ней регрессию а просто сказать, в чем причина ее агорафобии. Как и многие клиенты, она боялась не самого гипноза, а того, что она ему не поддастся. Действительно, некоторые люди входят в состояние гипнотического транса глубже, чем другие, но у меня еще не было ни одного клиента, который вообще не поддался бы гипнозу или не сумел бы отправиться в одну из прошлых жизней. Я действительно могла бы рассказать Бетси, что послужило причиной ее проблемы, но, как я уже говорила, гораздо лучше, когда пациенты сами переживают этот опыт прошлых жизней. Наконец женщина согласилась «попытаться» поддаться гипнозу, и, едва Бетси перестала пытаться и просто позволила этому случиться, все пошло замечательно. Наконец клиентка была готова к началу путешествия в прошлое, и, поскольку случай был достаточно сложный, я попросила ее сразу же отправиться в точку входа.

Она глубоко вздохнула и сказала, что стоит у окна в красивом платье, которое сшила сама. Бетси семнадцать, она живет в Мексике, и, судя по отражению в небольшом овальном зеркале, висящем на кирпичной стене комнаты, она довольно привлекательна: пышные черные волосы, пухлые губы, красивое лицо, коричневая кожа. Тут она прервала свое описание и произнесла:

— Кто-то вошел.

— Кто? — спросила я.

— Мой отец.

— Какие чувства вы испытываете по отношению к отцу?

— Я его боюсь. Он пришел для того, чтобы забрать меня.

— Куда забрать, Бетси?

Когда Бетси осознала, куда ее повезут, у нее перехватило дыхание:

— Делать аборт.

Женщина совсем пала духом. Ее руки задрожали.

— Все в порядке, — успокоила я ее, — это происходит не сейчас, вы просто переживаете события далекого прошлого и рассказываете мне о них. Бояться нечего. Кто отец ребенка?

— Он работал на моего отца. Я любила его. Когда отец обо всем узнал, он избил моего любимого, и тот сбежал. Забеременев до замужества, я опозорила семью, и меня ждет наказание: я потеряю ребенка. Мой отец знает в соседнем городе человека, который занимается подобными вещами.

Я уже знала, чем закончится эта история, однако хотела, чтобы клиентка увидела все сама, и просто спросила:

— Все обошлось хорошо?

Она медленно покачала головой:

— Я умерла. Истекла кровью, — и после паузы добавила: — Я была этому рада. Когда это случилось, меня уже ждали мама и бабушка.

Несколько секунд спустя, когда я предложила ей сосредоточиться на других точках входа, Бетси вспомнила, как была японкой из Киото. В тридцать с небольшим ее выдали замуж. Патологически покорная и угодливая, она сразу же посвятила всю себя мужу. У них родился ребенок, мальчик, но он умер от воспаления легких в четырехлетнем возрасте. Охваченный горем муж считал, что в смерти сына виновата Бетси, он стал к ней холоден и все больше времени проводил в дальних странствиях. Родители Бетси тоже не могли ее утешить, — им было стыдно, что дочь не способна принести мужу счастья и удержать его возле себя. Тогда женщина буквально уморила себя голодом и с облегчением оставила этот мир ровно через шесть лет после смерти сына.

Теперь понятно, почему выкидыш в этой жизни пробудил в Бетси клеточные воспоминания, в соответствии с которыми потеря ребенка ассоциируется с позором, отверженностью, одиночеством и смертью. Обычный визит в банк по пути на работу был первым ее выходом на люди после выкидыша. Тогда все существо женщины переполнилось тревожными сигналами, смысл которых сводился к тому, что жить больше не имеет смысла, что все любимые люди теперь неизбежно повернутся к ней спиной, что ее ждет наказание, и потому смерть — единственное спасение. И вот в течение десяти лет Бетси сама создавала вокруг себя этот лишенный любви и

общения мир. В тот день у меня в кабинете она наконец поняла, почему это делает.

В следующий же выходной после нашей встречи Бетси впервые за много лет совершила трехчасовой перелет на восточное побережье к своему бывшему мужу. Она не знала, воспримет ли муж рассказ о регрессии всерьез, но надеялась, что он все-таки сумеет понять, почему она оттолкнула его, пусть даже ее аргументы покажутся ему притянутыми за уши. Такое объяснение все-таки лучше, чем полное отсутствие объяснений. Конечно, муж скептически отнесся к ее словам, но он не мог отрицать чудесный факт, что она решилась на долгий перелет и несколько часов находилась в самолете, наполненном людьми. К тому же он видел, как Бетси рада их встрече. Через полгода она уже работала агентом по закупке одежды для небольшой сети магазинов антикварных товаров, ходила на курсы моделирования одежды и дважды в месяц летала в гости к своему бывшему мужу, надеясь на примирение. Когда я отметила, что по ее голосу уже не скажешь, что эта женщина хочет умереть молодой и одинокой, Бетси рассмеялась и ответила коротко, но красноречиво: — Спасибо, Сильвия. Все благодаря тому, что я побывала там.

ВЭНДИ

Страх перед водой

Незамужней Вэнди шел тридцать первый год. Она выросла на островке неподалеку от побережья возле -тата Вашингтон. Сколько Вэнди себя помнила, она занималась плаванием, катанием на лодке и водных лыжах. Когда после окончания колледжа Вэнди начала работать маркетологом в городе Сент-Пол, штат Миннесота, она с радостью приняла предложение снять дом на берегу небольшого живописного озера, несмотря на то, что теперь ей приходилось добираться до работы на час дольше.

Женщина жила счастливой, безмятежной, что называется «обыкновенной» жизнью до двадцати девяти лет. Однажды вечером она как обычно легла спать, но через несколько часов вдруг проснулась. Размеренный плеск волн, бьющихся о причал за ее окном, почему-то приводил ее в панический ужас. Женщина торопливо упаковала чемодан, помчалась в город, сняла номер в гостинице и с тех пор больше никогда не ночевала в домике у озера, как сказала мне Вэнди, она внезапно почувствовала, что вода, которая всегда казалась ей надежным другом, на самом деле была замаскированным соблазнительным чудовищем-убийцей, и если подойти к ней поближе, то вода ее убьет. Этот страх навалился на Вэнди столь неожиданно и настолько противоречил свойственному женщине рациональному уравновешенному мышлению, что она уже задумалась, не случился ли с ней острый психотический приступ. Ее семейный врач был моим старым приятелем. Если бы Вэнди не верила ему совершенно безоговорочно, то ей никогда не пришла бы в голову «безумная мысль» прийти в кабинет к экстрасенсу для регрессии в прошлую жизнь.

Вы, вероятно, уже догадались, что во время регрессии Вэнди выяснила, что в одной из прошлых жизней она утонула в двадцатидевятилетнем возрасте. Шел 1836 год, был день ее свадьбы, и она переправлялась на пароме через Миссисипи к своему жениху. Посреди реки паром перевернулся, отяжелевшие от воды длинные юбки запутались в ногах, и девушка ушла на дно. Как вы уже догадались, после того, как Вэнди раскрыла клеточные воспоминания об этой трагедии, ее рана сразу же затянулась, и девушка снова полюбила воду.

Но история Вэнди служит замечательной иллюстрацией еще одного аспекта работы клеточной памяти: нередко после того, как мы добираемся до корня одной проблемы, заодно находится решение и какой-нибудь другой проблемы. Таким образом иногда удается одновременно исцелить не одну душевную рану.

Именно это произошло в случае Вэнди. Отчетливые воспоминания о прошлой жизни произвели на женщину огромное впечатление. После моей молитвы о том, чтобы вся боль и негативность прошлого растворились в белом свете Святого Духа, мы с Вэнди еще долго беседовали. В ходе беседы она начала осознавать, что, возможно, мы ответили еще на один вопрос, который не давал ей покоя в течение многих лет. Дважды в своей нынешней жизни она была влюблена в надежных, здоровых, симпатичных, преуспевающих молодых людей. В обоих случаях их отношения развивались наилучшим образом до тех пор, пока эти мужчины не предлагали ей выйти за них замуж. Она отклонила оба предложения, дав себе и им весьма смутные объяснения отказа: «Я не готова», или «Конечно, ты мне нравишься, но я не уверена, что

это любовь», или «Сейчас мне прежде всего нужно сосредоточить свое внимание на карьере». На самом же деле, по причинам, которых она никогда не могла понять, одна только мысль о помолвке, — пусть даже с самым надежным человеком, — приводила ее в ужас и вызывала непреодолимое желание сбежать. В обоих случаях она резко прервала отношения и больше никогда не видела своих женихов. Себе девушка объясняла собственную реакцию тем, что у нее срабатывала «интуиция» и уберегала ее от ошибки. После регрессии Вэнди предположила, что это вовсе не интуиция, а клеточное воспоминание о том, что помолвка для нее заканчивается смертью. Итак, встает вопрос: была ли клеточная память причиной ее страха перед серьезными личными обязательствами?

С тех пор прошло четыре года. Вэнди удачно вышла замуж и сейчас учит плавать своих трехлетних близнецов. Думаю, это достаточно убедительный ответ.

Нелли

Конец любви

Такое случалось с каждым. Нам всем знакома эта боль отвергнутости, остающаяся после разрыва с человеком, которого мы все еще любим. Это ужасно, это мучительно, и единственное надежное средство исцеления — время и твердое намерение преодолеть боль и жить дальше.

Сорокалетняя Нелли была симпатичной, умной, уравновешенной женщиной. После пяти лет совместной жизни ее муж, Джордж, ушел к двадцатипятилетней женщине, которая вынашивала его ребенка. С тех пор прошел год. Женщину в меру своих сил пытались утешить родные и знакомые, она прошла восьмимесячный курс психотерапии, принимала антидепрессанты, — но все тщетно: рана до сих пор была так же свежа и болезненна, как в день разлуки с Джорджем. Нелли по-прежнему не могла нормально есть, спать и работать. Она ужасно похудела и ослабла, ее красивые карие глаза опустели и ввалились, и ей уже было стыдно одалживать у отца деньги на аренду жилья. Происходящее пугало и приводило женщину в замешательство. Она и прежде встречалась с мужчинами, даже недолго была замужем, ей уже приходилось и самой отвергать и быть отвергнутой. Женщина постоянно напоминала себе, что раньше ей удавалось преодолевать подобную боль, и поэтому она способна пережить ее снова. Но в этот раз боль не проходила; это переросло в настоящую проблему, и Нелли не могла понять, в чем причина.

Я велела женщине не спеша войти в те точки входа, которые она сумеет найти. Несколько минут спустя Нелли оказалась в Германии. Ей было девять лет, она жила в желтом деревянном доме вместе со своим одиннадцатилетним братом Генрихом и пожилой теткой. После смерти родителей они с братом стали неразлучными друзьями. Генрих любил ее, защищал и успокаивал по ночам, когда девочка в слезах просыпалась от кошмарного сна. Он учил ее читать, разжигал огонь в очаге, когда ей было холодно, и готовил горячую пищу, когда их тетушка была слишком утомлена или больна. Но, самое главное, он обещал заботиться о ней всю жизнь, и она ему верила. В конце концов они подросли, их тетушка умерла, а брат отправился на войну. Нелли осталась в деревянном домике одна, зарабатывала себе на жизнь шитьем и ждала его возвращения. Прошло много лет, а от Генриха не было ни весточки. Однажды на пороге дома появилась незнакомая женщина. Она представилась женой брата и сказала, что он погиб. На войне он уцелел, но через два года его убила копытом лошадь. Женщина приняла приглашение Нелли переночевать в ее доме, но на следующее утро еще до пробуждения хозяйки тихонько ушла и больше никогда не появлялась.

С тех пор Нелли не находила себе утешения. Девушка не просто горевала о смерти любимого брата, ее особенно огорчало то, что он не вернулся к ней после войны и даже не прислал весточку. Потрясение от известия о том, что ее предал единственный человек, в любовь которого она верила, было слишком сильным. Вскоре она умерла от острой сердечной недостаточности, — в ее случае, буквально от разбитого сердца. Ей было всего сорок четыре года.

Я не часто путешествую в прошлое вместе со своими клиентами, но в этом случае я была вместе с Нелли и видела посетившую ее незнакомку. Вы, наверно, знаете, что я никогда не сообщаю клиентам ложную информацию. Если бы я говорила клиентам неправду, которую им приятно будет слышать, я тем самым нарушила бы свой договор с Богом. Так что, когда я прервала

рассказ Нелли и объяснила, что произошло на самом деле, это вовсе не было попыткой утешить ее. Незнакомка была сумасшедшей, и она лгала: Генрих не был ей мужем. Она безумно влюбилась в Генриха, когда тот был еще на службе в армии, и убила его после того, как он ее отверг. Она отыскала сестру любимого из жестокого любопытства. Обманщица понимала, что Нелли без труда сможет разоблачить ее, и поэтому ушла прежде, чем та проснулась.

Я уже не раз говорила и повторю снова, что сознательный ум обмануть легко, однако сверхсознательный ум немедленно узнаёт истину и отзывается на нее. Нелли сразу поняла, что я рассказала ей правду о трагедии прошлой жизни. А ведь женщину почти двести лет мучили клеточные воспоминания о том, что человек, который был ей одновременно братом, лучшим другом и единственной родной душой, бросил и предал ее, а значит, никогда не любил.

Слова «разве вы не видите?» являются наилучшим мостом, помогающим клиенту увидеть связь между травмой прошлого и нынешней ситуацией. Их я произнесла и в этом случае.

— Разве вы не видите, Нелли, — сказала я, — что эта незатянувшаяся сердечная рана из далекого прошлого слилась с болью от разрыва, происшедшего год назад? В обоих случаях речь идет о мужчине, которого вы любите, с которым вы живете, которому доверяете; обязательно присутствует другая женщина; и оба случая так или иначе связаны с ложью и предательством. В этой жизни Джордж поступил с вами именно так, как, по вашему мнению, поступил с вами брат в прошлой жизни. Теперь вы узнали правду о прошлом, и вам будет проще исцелиться от этой давней боли. А правда о нынешней жизни поможет вам исцелиться от боли теперешней. Теперь ясно: ваш брат из Германии заслуживал любви и доверия, но Джордж не имеет с вашим братом абсолютно ничего общего.

Нелли не была уверена, что все окажется так просто, но она пообещала, что в течение следующего месяца будет начинать и заканчивать каждый день молитвой о том, чтобы горе, боль, предательство и любая негативность, принесенные из той или любой другой жизни, растворились в священной чистоте Божественной любви, в белом свете Святого Духа. На следующее же утро пришло первое хорошее известие от Нелли. Она оставила мне на автоответчике сообщение о том, что, вернувшись домой, «изгнала» из квартиры все фотографии, письма и записки Джорджа и даже «отвратительное» (ее слово) ювелирное украшение, которое он некогда подарил ей, а потом, как оказалось, купил точно такое же «другой женщине». Через шесть недель я получила от Нелли прекрасное прощальное письмо. Она писала, что приняла предложение о переводе на работу в другой штат — предложение, которое до этого дважды отвергала в надежде, что Джордж передумает и вернется к ней. Сейчас это ее уже не беспокоило. Она с нетерпением ждала новой жизни, твердо зная, что эта новая жизнь была бы невозможна, не примирилась она с прошлой жизнью, о которой раньше даже и знала.

ШЕЛДОН

Преувеличенное чувство ответственности Потребность, чтобы все было в порядке Постоянно возрастающий страх перед смертью Злоупотребление марихуаной

Некоторые клиенты особенно сильно затрагивают мою душу, и Шелдон был одним из таких. Это талантливый дизайнер по интерьерам, очень добрый человек необычайной душевной щедрости и спокойной духовности. Он принадлежал к редкой породе по-настоящему невинных людей, и в сорок с лишним лет несправедливость, низость и бесчестность потрясали его настолько же глубоко, как в четырехлетнем возрасте. И это несмотря на то, что за восемнадцать лет профессиональной деятельности ему регулярно приходилось сталкиваться с этими и многими другими людскими пороками. Если у близких ему людей возникали какие-то физические или душевные проблемы, он считал своей прямой обязанностью помочь им. Он много работал, глубоко и деятельно любил. И что внушило мне особенно глубокую симпатию к Шелдону, так это его любовь к животным, ибо в их компании он чувствовал себя уютнее, чем среди людей, и лучше понимал их.

Неутолимое желание Шелдона установить в мире справедливость и порядок, что чаще всего невозможно сделать, привело к серьезным проблемам. Именно они и заставили мужчину обратиться ко мне. Во-первых, несмотря на то, что по натуре Шелдон был оптимистом, ему становилось все труднее радоваться жизни, в которой слишком часто возникает вопрос «что

случилось?». Во-вторых, в день, когда Шелдону исполнилось сорок, у него начались боли в груди. Врачи не обнаружили никаких объективных причин этих болей, но Шелдон убедил себя, что умрет от внезапного сердечного приступа. Наконец, он много лет употреблял марихуану и приобрел зависимость от этого наркотика. Затем он серьезно взялся за осуществление двенадцатишаговой программы для того, чтобы избавиться от этой зависимости. Программа помогала, но он постоянно боялся рецидива, ибо все время испытывал желание на несколько часов сбежать в безответственность, которую будто бы предлагает этот «легкий» наркотик. (Кто, между прочим, придумал этот нелепый термин? Может ли быть «легкая передозировка», «легкая ломка», «легкое самоубийство»?)

Иными словами, у Шелдона было много проблем, но поделился он ими не сразу. Этот человек пришел ко мне для того, чтобы выяснить, насколько оправдана его «уверенность», что боль в груди служит предзнаменованием смертельного сердечного приступа. Но, как это часто бывает с клиентами, пришедшими для регрессии, все другие проблемы тоже вышли на поверхность, ибо душа человека жаждет исцеления.

Первая жизнь, о которой рассказал Шелдон, прошла в Восточной Европе. Он был портным, владел мастерской и небольшим домиком. Он трудился не покладая рта, чтобы прокормить жену и двоих детей. Шелдон гордился тем, что все их скудное имущество честно заработано его искусными руками, и был очень доволен своей спокойной размеренной жизнью. Однажды вечером он, как обычно, закрыл свою мастерскую и направился домой. В темном переулке его подстерегал грабитель. Он выстрелил портному в грудь и очистил его карманы — там были лишь карманные часы и немного денег. Смерть Шелдона не была легкой. Он лежал в темном переулке и медленно истекал кровью, мучительно думая, какой был смысл в его тяжелой работе, в его простой, мирной жизни, в его заботе о благосостоянии жены и детей, если все это так легко удалось разрушить одним движением руки случайного убийцы. Почему он был таким беспечным, что не почувствовал вовремя опасность и не успел защититься? Почему он был настолько неосторожным, что шел по этой темной дороге, и теперь его семья осталась без кормильца? Его скудных сбережений едва хватит им на месяц. Он ведь знал, что им не на кого положиться, почему же не работал больше? Вот так умер в сорок три года этот добрый, скромный, ответственный человек, напрасно проклиная себя за жизнь, достойную того, чтобы ею гордиться.

В прошлой жизни он погиб в сорок три года от пулевого ранения в грудь. И теперь, в этой жизни, в сорокалетнем возрасте Шелдон развил у себя боль в груди и боится от нее умереть. Кроме этого, мужчину одолевает навязчивое беспокойство о том, чтобы все вокруг него было в порядке и под контролем. Все это объясняется клеточными воспоминаниями, которые он, сам того не зная, принес в эту жизнь. За время сеанса он вкратце просмотрел еще две прошлые жизни — в Африке и в Монголии. В обеих он был единственной опорой для своего ребенка или одного из родителей, а во время жизни в Монголии к этому добавлялась еще забота о «множестве животных». В Африке он умер в тридцать девять лет: его укусила в грудь ядовитый паук; а в Монголии — от сердечного приступа в сорокачетырёхлетнем возрасте.

Я обязана помочь клиенту извлечь из *чтения* или регрессии как можно больше пользы. Но в конечном итоге все зависит от того, как человек будет вести себя после визита ко мне. Я ни на минуту не сомневалась в том, что Шелдон достаточно искренен и ответствен, чтобы извлечь из регрессии все, что только можно, — и он не обманул моих ожиданий. Чисто «случайно» (если допустить, что случайности бывают) мы четыре месяца спустя встретились на какой-то небольшой вечеринке. Нам удалось некоторое время поговорить с глазу на глаз, и я смогла выяснить, как он себя чувствует, — в частности, сказалось ли на состоянии его здоровья исследование прошлых жизней и знакомство с клеточными воспоминаниями, которые от этих жизней остались. В свойственной мне вежливой манере я попросила его быть совершенно честным и признаться, наступили позитивные сдвиги или нет. Если не ошибаюсь, я сказала буквально следующее: «Если из вежливости вы станете врать мне, — вам не поздоровится».

Прежде всего он отметил, что после сеанса у него ни разу не было даже намека на боли в груди. Ни разу. И даже в тех редких случаях, когда он вспоминал о болях, то сразу же отмахивался от этих мыслей: «Это всего-навсего клеточная память». Я спросила, ушел ли вместе с болями в груди страх смерти. У него на лице отразилось недоумение.

— Ах да, я ведь еще боялся смерти, правда? — переспросил он изумленно. - Я совершенно об этом забыл. Не припомню даже, когда я в последний раз думал о смерти.

Мы рассмеялись одновременно и сошлись на том, что я могу воспринимать этот ответ как «да», — ведь если он начисто забыл о том, что когда-то боялся смерти, значит, страх смерти ушел.

Затем он сказал мне одну очень приятную вещь: посещение прошлых жизней помогло ему обнаружить корни самых разнообразных личных проблем, — он словно открыл дверцы шкафа, в котором было спрятано все, что он не хотел видеть. И вот вместо того, чтобы пичкать себя лекарствами и тем самым вновь захлопнуть эту дверцу, он нашел в себе силы разобраться в том беспорядке, который царит в шкафу, и набрался решимости навести порядок. «Теперь я наконец научился получать удовольствие от того, кто я есть», — сказал он. Для того чтобы извлечь как можно больше пользы из проведенного мной сеанса, Шелдон начал чаще посещать собрания участников двенадцатишаговой программы, и понемногу страх, что он снова начнет курить марихуану, у него пропал. Он нашел отличного психотерапевта, с которым раз в неделю прорабатывает вопросы о том, кем он является и кем хочет стать, не обременяя себя вопросами о том, кем он был прежде. Его болезненная потребность в том, чтобы все было в порядке и под контролем, прошла. Исчезло и ощущение, что если что-нибудь не в порядке, то он в этом виноват и обязан исправить. Во время сеанса он не рассказал мне вот о чем: в течение многих лет его мучил повторяющийся ночной кошмар, будто над его кроватью появляется некая угрожающая сущность. Шелдон вскакивал с кровати и пытался бежать, а сущность за ним гналась. Эта сущность представляла собой одно из его старых «я», которое в нынешней жизни лишало его ощущения безопасности и покоя. После регрессии ни этот, ни какие-либо другие кошмары ему больше не снились.

— Могу сказать без преувеличения: я уже не тот человек, что пришел к вам четыре месяца назад, — сказал мне Шелдон. — Я новый, спокойный, здоровый, чистый, трезвый. Не знаю, что тут сыграло решающую роль: регрессия, двенадцатишаговая программа или психотерапия. Но я уверен, что регрессия и освобождение клеточных воспоминаний укрепили мою решимость утвердиться в трезвом образе жизни. Благодаря им я полюбил себя — достаточно сильно, чтобы найти хорошего психотерапевта, который помогает мне становиться лучше. Поэтому, если я скажу, что вы изменили мою жизнь, это не будет ложью из вежливости.

Нет, Шелдон, это *вы сами* изменили свою жизнь.

Мне просто выпала честь присутствовать при этом.

САРА

Депрессия Головные боли Обжорство

Саре было сорок три года, и она попала в замкнутый круг, знакомый очень многим моим клиентам: она слишком много ела оттого, что ее мучила депрессия, и ее мучила депрессия оттого, что она слишком много ела. Обычная «ловушка-22», в которую женщина попала, когда ей было 22 года. Она добросовестно испробовала все мыслимые диеты, регулярно посещала тренажерные залы, сдала множество анализов крови, предполагая, что избыточный вес является следствием гормональных, метаболических или генетических нарушений. Ее врачи в один голос твердили, что избыточный вес вреден для здоровья. Женщина была напугана, ею овладело чувство полной беспомощности и безнадежности. Заключение специалистов были противоречивы. Одни утверждали, что «дело не в калориях, но в содержании жира», а другие — что «содержание жира не имеет никакого значения, главное следить за калориями». В конце концов Сара просто перестала обращать на них внимание. Она устала от ложных обещаний; от попыток и неудач; устала от разочарования в глазах мужчин, когда она открывала им дверь, — с этими мужчинами она знакомилась через различные брачные агентства. Она устала жить в теле, на которое ей самой было противно смотреть; устала от постоянных депрессий и сопровождающих их головных болей; женщина не понимала, что с ней происходит и почему.

Растерянность и подавленность Сары усиливались еще тем, что во всех остальных отношениях она была дисциплинированной, ее ценили на работе и сама она относилась к внешности людей весьма внимательно. Сара закончила колледж с отличием, она содержала свой маленький домик и гардероб в идеальном порядке и зарабатывала себе репутацию очень талантливой, неутомимой профессиональной няни. И вот, по иронии судьбы, она, умевшая так замечательно заботиться о физическом состоянии совершенно чужих людей, никак не могла справиться с

собой. Думая об этом, женщина нередко плакала ночи напролет. Однажды после такой бессонной ночи она пришла ко мне в кабинет, уселась на кушетку и заявила:

— Должна предупредить вас, что я однажды уже подвергалась гипнозу для снижения веса, но это не помогло. Так что если вы собираетесь дать мне постгипнотическое внушение, чтобы, начиная с сегодняшнего дня, шпинат стал для меня таким же вкусным, как ореховый пирог, не будем понапрасну тратить время.

Я очень люблю традиционных врачей и гипнотерапевтов, но ненавижу шарлатанов. Мне приходилось видеть множество клиентов, которые стали их жертвами, и я считаю этих псевдолекарей самыми настоящими преступниками. Я села около Сары и положила ей руку на плечо.

— Сара, даже если вы не станете слушать ничего из того, что я собираюсь сказать вам сегодня, послушайте только одну вещь, и слушайте внимательно, потому что, клянусь, я скажу чистейшую правду. Вы согласны?

— Ладно, — сказала она, все еще неуверенно. — Говорите.

— Шпинат ничуть не похож вкусом на ореховый пирог, и никогда не будет похож. Может быть, начнем?

Она улыбнулась и расслабилась. Я вновь уселась на стул рядом с кушеткой, и мы начали медитацию, чтобы ей было легче войти в транс. Сара дважды прерывала меня, чтобы сходить в уборную. В первый раз я ждала ее несколько минут, а во второй раз сказала, чтобы она ни о чем не беспокоилась, — если что-нибудь случится, я потом вымою кушетку. Она сопротивлялась гипнозу из страха перед очередным разочарованием. Зная, через что прошла эта женщина, я не могла упрекать ее.

Вскоре Сара оказалась в Индии начала шестнадцатого века. Она была танцовщицей, и зрители восхищались ее красотой и изяществом. Женщина носила одежды из красного и шафранового шелка, который нежно ласкал ее длинные золотисто-коричневые ноги. А когда она кружилась в неистовом танце посреди зала, полного богатых мужчин, то несомненно знала: каждый из них ее хочет, но никто не получит. Ее сердце принадлежало пожилому темнокожему очень спокойному человеку. Он мало говорил и очень редко улыбался. Его прошлое было полно тайн, которыми он никогда не делился, но от них остались настороженность в его душе и раны на теле. Он любил ее и всегда привозил подарки из долгих — по несколько месяцев — путешествий. Танцовщица познакомилась с ним, когда ей было двадцать, и с тех пор никогда не смотрела на других мужчин — даже не думала о них. Больше всего на свете она хотела выйти за него замуж, но он никогда не давал и не требовал никаких обязательств, а танцовщица не решалась говорить о браке из страха, что возлюбленный покинет ее. Итак, она его любила — тихо, покорно и безраздельно... Радовалась каждой проведенной с ним ночи; наслаждалась прикосновением его взгляда, когда он стоял в глубине зала среди богатых зрителей и с гордостью смотрел на танец возлюбленной; молча сносила печаль оттого, что он хочет ее недостаточно сильно. Однажды, закончив танец, Сара вышла из зала, полного богатых людей, и увидела на улице под дождем совершенно незнакомую женщину. Не говоря ни слова, незнакомка вынула из складок юбки ружье и выстрелила танцовщице в голову. Сара умерла мгновенно. Ей было тридцать шесть лет. — Кто она? — спросила я.

— Не знаю, — ответила Сара, — но думаю, это из-за него.

Я провела ее через смерть, по туннелю, на Другую Сторону, где мы понимаем все и отвечаем на любые вопросы. Там я снова спросила:

— Почему та женщина убила вас?

— Мой любимый мужчина убил ее мужа, — произнесла она спокойно. — Она отомстила ему, убив меня.

В прошлой жизни в двадцать лет Сара полюбила человека, который не женился на ней и из-за которого ее в конце концов застрелили. В этой жизни в двадцать лет Сара стала набирать вес, в связи с чем у нее начались депрессии и головные боли. Для того чтобы связать эти два факта, не нужно быть ни выдающимся ученым, ни экстрасенсом.

Затем словно рухнула плотина, и на Сару обрушился поток отрывочных воспоминаний из других жизней. Бельгия: выносив и родив двенадцать детей, она совсем потеряла силы и здоровье; в конце концов ее забил до смерти жестокий муж. Нью-Йорк: Сара — любовница гангстера, которого она бросила ради бурного, но короткого романа с другим мужчиной; затем до конца своих дней женщина пряталась от неизбежной мести гангстера. Италия: она незаконнорожденная дочь уличной бродяжки; нищета, голод, постоянные побои и насмешки от других детей из их города... Германия: Сара замужем за врачом, который хочет детей, но, поскольку она бесплодна, муж постоянно пичкает жену таблетками, уколами и сыворотками; в результате она расплнела от гормонального дисбаланса и в конце концов умерла, так и не родив.

— Посмотрите, — сказала я Саре, — вы используете избыточный вес, чтобы уберечь себя от отверженности, осуждения и смерти, которые всегда были связаны у вас с любовью. Вы очень боитесь, что любовь сделает вас уязвимой.

Я обратила ее внимание на то, что красота, брак и материнство не принесли ей покоя и безопасности. И ее мать в Италии не смогла уберечь Сару от побоев, бедности и голода. Никакая сила воли и самодисциплина не смогут дать ее телу более сильную команду, чем неразрешенные клеточные воспоминания, твердящие, что выжить можно только в том случае, если замкнуться в себе и держаться от любых потенциальных любовных отношений как можно дальше. А жизнь, прожитая в Германии, подсказала ей легкий и доступный способ создать эту дистанцию: толстые доспехи из жира, защищающие от любви. Кроме того, злоупотребляя пищей, она пыталась спасти себя от голода — участи, на которую некогда обрекла ее мать.

Разительная перемена произошла в клиентке сразу же. Утром в мой кабинет вошла злая, раздраженная, воинственно настроенная женщина — а уходила милая, симпатичная, ранимая и совершенно спокойная.

Когда она пообещала, что станет каждый день молиться об освобождении негативных клеточных воспоминаний, я знала, что могу ей верить.

Я до сих пор храню фотографию, которую она прислала мне год спустя: улыбающаяся Сара в числе участников благотворительного марша в помощь больным СПИДом и подпись: «Похудела на тридцать килограмм и очень довольна!»

Ли Энн

Страх перед огнем

Одна из многих удивительных вещей, касающихся работы с регрессиями и клеточной памятью, состоит в том, что с проникновением в прошлые жизни очень часто всплывают ответы на неожиданные и даже не заданные вопросы. Прекрасным примером может служить Ли Энн. Ей двадцать восемь лет, она архитектор. После посещения нескольких моих лекций она захотела отправиться в свои прошлые жизни. К тому же пациентка надеялась, что регрессия поможет ей избавиться от панического страха перед огнем. Она сама понимала, что этот страх принимает крайние формы. Стоило Ли Энн увидеть в газете заголовок о пожаре, она начинала плакать, а потом ей снились кошмары. Она не могла находиться в комнате, где горел безобидный огонь в камине, — запах горящего дерева доводил ее буквально до истерики. Женщина не могла заставить себя чиркнуть спичкой, а если кто-то зажигал спичку в ее присутствии, обливалась холодным потом. Фактически, провести вечер при свечах в ресторане или в гостях у друзей было для Ли Энн настоящим подвигом — ей нестерпимо хотелось вскочить и задуть все свечи.

— Нет никаких сомнений, что причина лежит не в этой жизни, — сказала она, — это я выяснила у родителей и родственников. Оказалось, что с самого раннего детства со мной случалась истерика всякий раз, когда кто-то доставал из кармана зажигалку. — Ли Энн сделала паузу и глубоко вздохнула, прежде чем продолжить. — Обещаете не смеяться, если я скажу вам то, что не говорила ни одной живой душе?

— Подумайте: разве может целитель смеяться над *кем бы то ни было*?

— Я понимаю, насколько безумно это звучит, но этот страх перед огнем и отвращение к запаху горелого дерева как-то связан с моим юношеским восхищением ее жизнью...

— Чьей жизнью?

Она опустила глаза и очень смущенно произнесла:

— Возможно, в прошлой жизни я была Жанной Д'Арк.

Честно говоря, мне очень хотелось, чтобы это было так, однако я знала, что Ли Энн никогда не была Жанной Д'Арк. До сих пор мне не встречался никто, кто являлся бы реинкарнацией какого-то знаменитого человека. Кроме того, мне уже было точно известно, кем была Ли Энн в прошлой жизни. Но, не желая хоть как-то повлиять на предстоящую регрессию, я просто ответила:

— Что ж, почему бы нам не начать регрессию, чтобы выяснить, как это было?

Через несколько минут Ли Энн полностью расслабилась и вошла в состояние глубокого гипнотического транса. Я велела ей идти в точку входа.

Естественно, она не отправилась во Францию начала пятнадцатого века. Вместо этого женщина сказала, что ее руки и ноги натерты грубой веревкой. Привязанная к столбу, она стоит на куче хвороста, окруженная огромной толпой. Некоторые лица искажены ненавистью, кто-то не скрывает слез. Люди громко и зло поют песню, но слов не разобрать. Ли Энн отказывается верить в происходящее. Беспомощная, оцепенелая, перепуганная, она смотрит на лица и встречается взглядом с мужчиной. За миг до того, как он отводит глаза, не в силах выдержать ее взгляда, женщина понимает, что это он обрек ее на смерть, но теперь

уже жалеет об этом и казнит себя за то, что слишком слаб, чтобы остановить экзекуцию. Из толпы выходят четверо мужчин. Они зажигают факелы, и сумерки озаряются желто-оранжевым светом. Дрова начинают злобно потрескивать. Ли Энн в ужасе. От смерти ее отделяют несколько долгих мучительных минут, но она не издает ни звука, чтобы не дать этим людям насладиться ее отчаянием перед лицом чудовищной, несправедливой смерти.

— Займите позицию наблюдателя, Ли Энн, — настойчиво сказала я, — это происходит не сейчас, вы на безопасном расстоянии, вы просто наблюдаете, опасность вам не грозит. Просто смотрите и рассказывайте, не подключайте чувства. — Затем, уже зная ответ, я спросила: — Скажите, где это все происходит?

— Боже мой, — прошептала она, — это Салем*!

_____ * Салем — портовый город на северо-востоке Массачусетса, где в 1692 году состоялся ряд судебных процессов над ведьмами. Было казнено 19 человек. — *Прим. перев.*

После регрессии мы долго беседовали. Ли Энн понимала, что все увиденное реально и верно. И еще она понимала, что самое худшее, что могло произойти с ней за последние триста лет, уже произошло и бояться больше нечего. Внезапно ее осенило:

— Знаете, что я осознала? — сказала она в изумлении. — У меня никогда не было проблем с законом, у меня нет адвоката, я даже не знакома ни с одним юристом. Я никогда не была в здании суда, а тем более в зале суда. Но, сколько себя помню, я всегда относилась к системе правосудия как к большой, порочной и не очень остроумной шутке. Думаю, после суда, приговора и сожжения за ведовство у меня во рту остался дурной привкус от всего... Да, эта идея с клеточной памятью многое ставит на свои места.

Юлия

Мистер Тот, да не тот

Если говорить о том, что клеточная память способна расставлять многое по местам, то как не вспомнить о Юлии, которую регрессия в прошлую жизнь спасла по меньшей мере от многих лет ненужной боли, а возможно, и от смерти.

Юлия встретила Макса на свадьбе подруги. Ей было девятнадцать, она училась в художественной школе и была умна, деятельна и счастлива. Ему было двадцать. Симпатичный, честолюбивый, обходительный, он был восходящей звездой в процветающей маклерской компании. Она помнила, как стояла во время церемонии бракосочетания вместе с другими друзьями спиной к остальным гостям и чувствовала, что на нее кто-то смотрит. Юлия глянула через плечо и поймала пристальный взгляд незнакомого мужчины — с этого мгновения ее жизнь изменилась. В тот вечер все танцы она танцевала с Максом. Через месяц они стали жить вместе, а еще через восемь месяцев поехали на Гавайи. Оба были уверены, что полюбили друг друга с первого взгляда, что они — «души-супруги». Юлия несколько не сомневалась, что прожила вместе с Максом уже множество жизней. Как еще объяснить, что между ними сразу возникло такое взаимопонимание и близость? Как объяснить, что с первого взгляда оба поняли, что их свела «судьба»?

Пока они только встречались, да и в самом начале супружеской жизни, Юлии даже льстило то, что Макс все больше пытается контролировать ее. Он «любил ее настолько сильно», что хотел, чтобы она принадлежала ему безраздельно — даже ревновал всякий раз, когда она уделяла немного внимания родным и подругам. Он «любил ее настолько сильно», что лучше Юлии знал, как ей следует одеваться, как краситься и какую прическу носить. Затем настоял на том, чтобы жена не работала и сосредоточилась на обустройстве их дома. Он «любил ее настолько сильно», что постоянно звонил с работы, чтобы выяснить, где она находится и что делает. Он панически боялся, как бы она не ушла к другому мужчине, и истерически обвинял ее в том, что она изменяет ему со всеми — начиная с их садовника и заканчивая продавцом бакалейной лавки, где Юлия покупала продукты.

Она надеялась, что муж почувствует себя спокойнее и поверит в ее верность после того, как она родила ему двух близнецов, однако Макс стал еще раздражительнее и угодить ему было все труднее. Он говорил жене, что она «разжирела» и «распустилась», а то обстоятельство, что Юлия родила детей, «не может служить оправданием». Теперь она не так тщательно прибирала дом и не уделяла столько времени приготовлению любимых блюд Макса, как до рождения малышек. Уход за детьми требовал времени и внимания, но это, опять-таки, по словам Макса, «не могло служить оправданием». Ведь он работает в поте лица, обеспечивая жене достаток, какому можно позавидовать, а она «не принесла в дом

ни гроша» (Юлия уже перестала напоминать, что именно по его настоянию она отказалась от карьеры, поскольку ее слова приводили мужа в ярость). И вообще, как эта женщина может оценить его труд, если сама она только «валяется на диване и ни черта не делает»? И вот, не получая должной отдачи от «жирной, ленивой, неряшливой» жены, он все чаще проводит вечера вне дома, с «друзьями», и никто, кроме Юлии, не виноват в том, что ему не хочется идти после работы домой. Более того, он уже устал от ее постоянной депрессии. Ради всего святого, какие у нее могут быть причины для депрессии?

Когда он начал бить Юлию, женщина восприняла это как очередное доказательство того, что она не состоялась как жена и жестоко разочаровала мужчину, предназначенного ей «судьбой», — мужчину, с которым, по ее убеждению, она провела несколько предыдущих жизней, а теперь посвятила ему эту. Испытывая отчаянное желание с кем-нибудь поговорить, Юлия ухитрялась украдкой позвонить матери, сестре или одной из немногих оставшихся у нее подруг. И все они в один голос советовали ей уйти от Макса. Но она не может, она не хочет уходить от мужа... А они не в силах понять, как сильно она его любит и какой прекрасной когда-нибудь станет жизнь Юлии, если она немного потерпит и будет любить мужа достаточно, чтобы снова превратить его в того мужчину, который некогда был с ней так ласков и так ею восхищался. Макс прав: лучше держаться подальше от «посторонних» — они только и ждут повода «вмешаться», разрушить их брак, обречь ни в чем не повинных близнецов на боль расставания с отцом.

Но с годами лучше не становилось — только хуже. Дети стали гиперактивными, беспокойными и агрессивными. Их пугали постоянные громкие ссоры между родителями, нередко сопровождавшиеся побоями. Именно ради детей Юлия пришла ко мне. Макс никогда не одобрил бы этого, и для того, чтобы отлучиться из дому и попасть ко мне на прием, женщине пришлось сочинить сложнейшую легенду.

Юлия была убеждена, что если я подвергну ее регрессии и помогу посетить другие жизни, прожитые с Максом, то она сумеет помочь мужу, сделает его счастливым, а это, разумеется, принесет счастье ей и детям.

Как вам, возможно, уже известно из моих предыдущих книг, я из личного опыта знаю, что такое брак с жестоким человеком. У меня есть совершенно определенное мнение по этому поводу — мнение не жертвы, но спасшейся: в конце концов я ушла от своего мужа, взяв с собой только двоих сыновей и одежду, которую мы смогли унести в руках. И я знала, какова на самом деле история прошлых жизней Юлии с Максом. Но, кроме этого, я знала и то, что она не поверит моим словам, пока не увидит сама. Я не собиралась каким бы то ни было образом влиять на ее регрессию, поэтому пока молчала (поверьте, мне это было нелегко), — только искренне сказала Юлии о том, как я рада, что она обратилась ко мне. Затем включила магнитофон, помогла клиентке расслабиться и велела:

— Давайте отправимся в прошлое и посмотрим, действительно ли там есть Макс.

Он был. Несколько раз. Впервые их судьбы скрестились где-то в Центральной Азии в тринадцатом веке. Макс был судьей. Однажды муж Юлии заявил, будто бы она слишком долго смотрела на другого мужчину, и Макс присудил, чтобы женщине вырвали глаза. В другой жизни они с Максом были братьями и жили в Испании. Макс убил своего романтического соперника и ухитрился устроить все так, что обвинили и казнили за это преступление брата. Еще в одной жизни Макс оказался развратным отцом Юлии, и она наложила на себя руки, узнав, что беременна от него. И наконец, Макс был мужем Юлии в предыдущей жизни. Они поженились по воле родителей, и закончилось все тем, что муж забрал их единственного ребенка и сбежал с другой женщиной. Больше Юлия не видела ни мужа, ни сына.

— Не удивительно, что я узнала его с первого взгляда, — сказала она после регрессии. — Возможно, в этой жизни мне предназначено наконец проработать наши отношения.

— Или, наконец, устать от него настолько, чтобы покончить с этими отношениями и пойти своей дорогой, — предположила я.

Юлия расплакалась.

— Вы не понимаете, Сильвия. Я его люблю.

— Прекрасно понимаю. Я прошла через это. Во-первых, любовь это еще не всё, а во-вторых, существуют тесные связи иного рода, которые можно ошибочно принять за любовь. А учитывая историю ваших взаимоотношений, вы вполне можете ощущать эту тесную связь, хотя она не раз буквально стоила вам жизни. Но самое главное: допустим, это любовь. Не думаете ли вы, что жизнь ваших детей слишком высокая цена за любовь?

— Он никогда не причинит им вреда, — быстро сказала она.

— Вы полностью в этом уверены? Или, возможно, вы просто оправдываете этим продолжение совместной жизни? — И, не удержавшись, я добавила: — Мои

сыновья тысячу раз сказали мне спасибо за то, что, когда они были маленькими, я доказала им, что ничего нет важнее для меня, чем их безопасность.

Она посмотрела на меня холодно, встала и направилась к двери, бросив на прощанье:

— Мне пора.

Я провела Юлию до двери и на мгновение задержала, чтобы вложить ей в руку листок бумаги.

— Вот, — сказала я, — это может вам пригодиться. Спрячьте где-нибудь, но не очень далеко, чтобы в любой момент можно было воспользоваться. Там телефон моей горячей линии. Можно звонить двадцать четыре часа в сутки, и я или кто-то из моих сотрудников всегда вам поможет. А пока просто пообещайте мне молиться, чтобы все, что вы принесли из прошлых жизней, ушло и растворилось в белом свете Святого Духа. Если вы не хотите делать это ради себя, окажите мне милость и сделайте это ради своих детей.

Женщина взяла листок бумаги и поспешила прочь, не сказав больше ни слова. Я никак не могла выбросить ее случай из головы — может быть, потому, что Юлия была очень похожа на меня, двадцатипятилетнюю. Я думала о ней, беспокоилась о ней, молилась за нее и попросила молиться своих сотрудников.

Через восемь месяцев, во время поездки с лекциями по Новой Англии, позвонил мой сотовый телефон. Один из сотрудников рассказал мне, что четыре часа назад Юлия наконец позвонила нам, дождавшись, когда Макс ушел на работу. Сейчас она с близнецами находилась в безопасном месте, в приюте для женщин, — у Юлии сломана рука, и ей пришлось наложить гипс, а у одного из детей подбит глаз.

Это было пять лет назад. Сейчас Юлия и ее дети прекрасно обустроились в другом штате. А тем временем Макс ждет суда по иску его второй жены о «жестоким обращении с ребенком с угрозой для его жизни». Сейчас их ребенок в приюте, и Юлия каждый день молится о благополучии этого малыша, на месте которого мог оказаться один из ее близнецов. И еще Юлия молится о том, чтобы не забыть: если клеточная память вам подсказывает, что вы знаете кого-то по прошлой жизни, то иногда это узнавание означает:

— Беги от этого человека — и как можно скорее!

МЭРИ БЕТ

Всегда — подруга, никогда — невеста

Это случилось не единожды, а раз двадцать. Мэри Бет знакомилась с мужчиной, который ей нравился, симпатичная, умная, добрая — она тоже нравилась ему, он назначал свидание. Они начинали встречаться регулярно, все как будто шло замечательно, но... В определенный момент мужчина говорил, что очень ценит ее как друга, и спрашивал, что она думает по поводу женщины, в которую он влюбился.

— Поймите меня правильно, — рассказывала Мэри, — я горжусь тем, что меня считают хорошим человеком и добрым другом; я рада, что мужчины доверяют не настолько, что доверяют свои сердечные тайны. Но мне уже тридцать два года. За всю жизнь мне всего один раз предлагали выйти замуж — я этого парня едва знала, ему нужно было жениться лишь для того, чтобы получить зеленую карту. Роль «лучшего друга» мне порядком поднадоела. Я хочу хоть раз оказаться той женщиной, о которой парень спрашивает совета у кого-то другого.

Возможно, я прошу слишком многого, но я надеюсь, что вы сможете мне понять, что я делаю неправильно. Почему мужчины так легко проникаются ко мне дружеской любовью, но никто не влюбится по-настоящему?

Мэри Бет читала мои статьи о клеточной памяти, слышала выступления и уже придумала для себя возможные обстоятельства прошлых жизней, которые могли послужить причиной ее проблемы. Возможно, она работала в сиротском приюте. Возможно, у нее было множество сыновей и они то и дело бегали к ней за советом. Возможно, она была священником с особым даром принимать исповеди или народным судьей, к которому обращались люди, не желающие затевать официальную тяжбу. Но, как это чаще всего бывает, ответ оказался совсем не таким, каким его представляла себе Мэри Бет.

Было начало девятнадцатого века. Родители Мэри Бет умерли, других родственников у нее не было, и девушка с юных лет жила и работала в публичном доме. Она не вписывалась в клише бедной, несчастной, казнящей себя уличной девки, прячущей ненависть к себе и презрение к клиентам за фальшивой улыбкой и притворной страстью. Женщине нравилась ее жизнь. Она чувствовала, что нужна клиентам. Чувствовала, что ее ценят. Секс казался ей чем-то банальным и второстепенным, — просто движения, которые нужно совершить, прежде чем

мужчина поведаёт ей о своем смятении, разочаровании, душевном страдании. И Мэри Бет хранила тайны этих мужчин так же трепетно, как скрывала их знакомство, если приходилось случайно встретить клиентов на улице. Она вместе с другими проститутками из этого публичного дома исправно сдавала деньги в общий котел, они вовремя платили по счетам, заботились о себе и друг о друге и каждое воскресенье перед рассветом относили пожертвования в ближайшую церковь, куда им вход был заказан. Мэри Бет умерла в сорок четыре года от венерического заболевания — с гордостью, достоинством и без тени сожаления.

После регрессии она просто не могла поверить в то, что узнала.

— Я была *шлюхой*? — то и дело повторяла она. — мало того, *счастливой шлюхой*?

Это казалось ей слишком невозможным, но Мэри не могла игнорировать то, с какой отчетливостью она увидела и прочувствовала ту жизнь. Кроме того, в глубине души клиентка знала, что это правда. И чем больше женщина обдумывала полученную информацию, тем больше смысла она для нее обретала в связи с нынешней ее жизнью. При появлении каждого мужчины клеточная память посылала Мэри Бет сигнал о том, что наивысшая ее ценность состоит в том, чтобы быть сострадательной наперсницей, и не нужно осложнять отношения романтическими чувствами. Женщина тут же пересылала этот сигнал входящим в ее жизнь мужчинам.

— Но что мне теперь делать? — спросила она. — Как прекратить эти сигналы, если я даже не подозреваю, что передаю их?

Я заверила женщину, что после того, как она увидела перь, когда ее сверхсознательный ум и клеточная память осознали, что они до сих пор реагируют на обстоятельства прошлой жизни, они наверняка поправят все сами. Все, что ей нужно, — молиться о том, чтобы отпустить уроки прошлой жизни, сослужившие ей плохую службу; жить своей жизнью; идти своим путем.

Не могу вспоминать о Мэри Бет без улыбки: она на собственном опыте прочувствовала смысл старого изречения: «Желай осторожно, поскольку желания могут сбыться».

В следующий раз Мэри Бет дала о себе знать через восемь месяцев. Женщина разрывалась между двумя молодыми людьми. Оба были настроены по отношению к ней очень серьезно, и у обоих было что предложить. Она позвонила, чтобы посоветоваться, кого из них выбрать. Последовав моему совету, она мягко отказала ландшафтному архитектору — рослому блондину с тяжелой челюстью и глубоко посаженными голубыми глазами. Мэри Бет обручилась с невысоким, коренастым, темноволосым, немного не таким красивым киномонтажером, у которого остались от предыдущего брака двое детей и три собаки. Теперь их семья пополнилась еще двумя детьми и двумя собаками. Муж Мэри Бет воспринял ее признание, что он женился на бывшей проститутке из Англии довольно легко.

— Мы с ним договорились, — со смехом рассказывала мне Мэри Бет, — не упрекать друг друга за то, что произошло до 1900 года.

ВОСЬМИЛЕТНИЙ ДЖЕЙ

Гиперактивность Проблемы с дыханием

Я люблю работать с детьми, и они прекрасно поддаются регрессии. У многих из них — действительно у *многих* — до сих пор сохранились сознательные воспоминания о прошлых жизнях, и дети с удовольствием расскажут вам о них, если вы с искренним интересом спросите: «Кем ты был прежде?» Они совсем недавно с Другой Стороны и еще не успели понять, что говорить о прошлых жизнях здесь не принято. И, конечно, они не знают, что существуют люди, не верящие в прошлые жизни. Научившись связно выражать мысли, дети могут многое рассказать о том, где они были, что пережили, с кем познакомились в прошлом и какова Другая Сторона. Но мы по глупости часто отмахиваемся от подобных рассказов, считая их выдумками. А прежде, чем дети научатся говорить, мы можем очень сильно помочь им, — особенно пока они спят, а их не имеющий возраста сверхсознательный ум бодрствует, — нужно только нашептывать им, чтобы они отдали всю боль и негативность прошлых жизней белому свету Святого Духа.

Направляя ко мне Джея, его педиатр сказал, что не может обнаружить никаких объективных причин гиперактивности мальчика и его проблем с дыханием. Джей был исключительно умным, приветливым и добродушным ребенком. Однако его заболевание служило причиной ночных кошмаров,

приступов ужаса, неспособности сосредоточиться и проблем с дисциплиной в школе. Педиатр провел все возможные анализы, направлял мальчика к детским психиатрам, перепробовал различные медикаменты и немедикаментозные способы лечения. Врач не сказал мне, что я — их «последняя надежда», но мы были добрыми друзьями, и такие слова не обидели бы меня. Главное, что он все-таки набрал мой номер и обратился за помощью.

Джей и вправду оказался необычайно симпатичным, добрым, умным и любознательным ребенком с замечательным чувством юмора. Мальчику было интересно в офисе все — особенно его восхитили рисунки моих внуков. Ему захотелось узнать о них побольше. Словно пожилой человек, обращающийся к ровеснице, он признался: «Я очень люблю детей, а вы?» На мой вопрос, счастливы ли он, Джей ответил: «Я хочу быть счастливым». Более восприимчивого к гипнозу клиента невозможно даже представить — его открытость проявилась уже в том, насколько легко он вошел в транс. Я сказала мальчику, чтобы он нашел точку входа к своим проблемам, и не смогла сдержать улыбки, когда он просто, с готовностью ответил: «Сейчас найду».

Ребенок сразу же стал рассказывать о жизни в Южной Каролине. Он был мужжиной, женатым на «большой женщине по имени Анна. Она очень хорошая». У них было двенадцать детей, и Джей много работал на ранчо — он разводил коней. Он любил детей и прекрасно чувствовал себя в их шумной деятельной и беззаботной компании, — особенно ему нравилось, когда они все собирались вечером за столом или отправлялись по воскресеньям в церковь. Но вот Джея призвали «на войну». Ему не хотелось расставаться с семьей. Он заранее тосковал по их дружной, простой жизни и боялся, что больше никогда не вернется домой. Джея назначили матросом на военный корабль, и он всегда носил в кармане рубашки фотографию жены и детей. Вскоре их корабль попал в морское сражение. Джей погиб мгновенно: «кусок железа» перебил ему горло.

Затем Джей вспомнил жизнь в Дании. Он был замужней фермершей, матерью десятирех детей. Рассказывая о своей семье, Джей начал тихонько посмеиваться. Я спросила его, в чем дело. Мальчик сказал, что узнает в самом Непослушном ребенке свою нынешнюю мать, и ему весело оттого, что теперь настал ее черед попытаться приструнить его. Когда датчанке было всего тридцать четыре года, она умерла от пневмонии. Джей вспоминал, как женщина одна лежала в комнате и прислушивалась к детской возне за дверью спальни. Их жизнь продолжается, им нужна мать, а у нее уже нет сил быть ею...

Джей очень внимательно выслушал все мои объяснения. Я сказала ему, что клетки его тела помнят о тех двух прошлых жизнях, и поэтому в этой жизни ему бывает трудно дышать.

Что же касается гиперактивности, то он привык к большим шумным семьям, где много детей. Однако ему пришлось дважды расстаться с такими семьями по не зависевшим от него причинам. В этой жизни Джей — единственный ребенок в семье, и чем больше шума и беспорядка он создает, тем более уверенно себя чувствует. Такое поведение позволяет ему избавиться от разочарования прошлых жизней, которые он покинул, не будучи к этому готовым.

Я позвонила родителям Джея через неделю, чтобы спросить их, как идут дела. Мать и отец наперебой рассказывали мне, что проблемы с дыханием после нашего сеанса исчезли, а из школы звонила учительница и спрашивала, не принимает ли мальчик новые таблетки, так как он стал более спокойным и сосредоточенным, чем прежде.

Через шесть месяцев после этого мы говорили о мальчике с педиатром, который ко мне его направил. У ребенка не только полностью исчезли проблемы с дыханием — у него за всю зиму ни разу не было даже насморка. Педиатр отменил медикаментозный курс, назначенный Джею ранее. Оказалось, что мальчик может отлично управлять своим поведением сам. Мать говорит, что заметно улучшилась и его успеваемость в школе: если раньше он учился на двойки, то в последней четверти у него только четверки и одна тройка.

— Не знаю, что вы сделали... — начал педиатр.

— Но это сработало, — закончила я за него.

ФРАГМЕНТЫ

Не всем клиентам для того, чтобы добраться до причин своей проблемы, корнящихся в клеточной памяти, требуется долгая полноценная регрессия. Иногда лишь краткий фрагмент из какой-нибудь прошлой жизни содержит всю информацию, необходимую им для исцеления.

Каролина страдала от панического страха перед насекомыми. Во время регрессии она увидела, как в 1503 году она работала на поле в Африке и буквально задохнулась, когда на нее обрушилась огромная стая саранчи.

Клаустрофобия у Тома исчезла после того, как он стал свидетелем собственной смерти, под завалом в угольной шахте в конце восемнадцатого века.

Бэрри боялся высоты, пока не вспомнил, как в семнадцатом веке он, будучи маленьким мальчиком, свалился с кокосовой пальмы. Ребенок сломал спину и не мог ни пошевелиться, ни позвать на помощь. Так он и умер в одиночестве, глядя на колышущиеся в высоте листья огромного дерева.

Анну-Марию мучил страх перед пищей и напитками, которые хоть на секунду оказались вне поля ее зрения. Она могла обедать только в тех ресторанах, где пищу готовили в ее присутствии. И боялась допить стакан вина, оставленный в комнате, откуда она на минутку вышла. Но эта фобия навсегда исчезла вскоре после того, как пациентка посетила одну из прошлых жизней. Ее отравили собственные охранники, нанятые для защиты от толпы бунтовщиков, задумавших ее убить.

Я уже не раз говорила, что отношусь серьезно ко всем без исключения страхам, которые кажутся серьезными моим клиентам.

Когда Тед обратился ко мне с жалобами на страх перед акулами, он сказал, что ему несколько неловко беспокоить меня по поводу такой чепухи. Во-первых, страх перед акулами вполне оправдан, а во-вторых, Тед жил в тысяче миль от ближайшего океана, и потому акулы не очень-то угрожали ему. Однако он устал от ночных кошмаров, устал выдумывать отговорки, когда друзья приглашали его искупаться в бассейне или съездить на пикник к озеру. Несмотря на все аргументы рассудка, он никак не мог убедить себя, что в бассейне не водятся акулы. А больше всего Тед устал от того, что такой нелепой фобией страдает не кто иной, как он — практикующий психолог.

Для исцеления Теду потребовалось лишь краткое путешествие в 1415 год, когда он был испанским моряком. Его корабль загорелся и пошел на дно. Тед попытался спастись вплавь, но его настигла акула и откусила *ногу*. Тед утонул прежде, чем акула успела вернуться, чтобы закончить трапезу. Эти последние кошмарные минуты той жизни — все, что вспомнил во время сеанса Тед. Но этого оказалось достаточно, чтобы освободиться от мучивших его клеточных воспоминаний. С тех пор прошло четыре года. Кошмары ему больше не снятся, и он построил у себя во дворе плавательный бассейн. Подшучивая над собой, он повесил рядом с бассейном большую вывеску: «Бегать, толкаться, брызгаться и выпускать в бассейн акул запрещается».

Прежде чем Диана рассказала о своем тайном горе, мне пришлось дать ей торжественное обещание, что я не стану смеяться. К собственному смущению, она всю жизнь страдала от сильнейшего отвращения к стеганым одеялам. И опять-таки, на первый взгляд это так же нелепо, как бояться акул, живя посреди Небраски. Но с самого младенчества Диана начинала дрожать и плакать от одного вида стеганого одеяла. Теперь Диана стала взрослой, однако стоило ей увидеть стеганое одеяло в магазине или в гостях у друзей, как ее бросало в пот и к горлу подкатывала тошнота.

— Это невыносимо, я сойду с ума, — сказала женщина.

Диана отправилась в 1780 год, в Пенсильванию. Она была бедным одиноким подростком, работавшим в семейной артели по производству стеганых одеял. В него без памяти влюбилась девчонка постарше, которая работала в той же артели. Парень не ответил девушке взаимностью, и она его убила. Вот и все, что касается отвращения к стеганым одеялам. После регрессии Диана не воспылала к ним любовью, но теперь при виде одеял у нее хотя бы не возникает непреодолимое и необъяснимое желание кричать от ужаса. Независимо от того, нашли вы среди этих документальных историй свои страхи или фобии или нет, я надеюсь, вы воспрянете духом, узнав, что такие же люди, как вы, навсегда оставили позади — буквально позади — проблемы, подобные вашим. Для этого им понадобилось всего-навсего отпустить вызвавшие их клеточные воспоминания и тем самым дать сверхсознательному уму исцеление, к которому он так долго стремился.

И слава Богу, целительная сила освобождения от клеточных воспоминаний этим не ограничивается. Фактически, это только начало. При лечении физических проблем удастся достигнуть не менее замечательных — а в некоторых случаях поистине чудесных — результатов.

СТИВ

Хроническое несварение

Следует сразу сказать, что мы со Стивом были знакомы задолго до того, как я провела с ним регрессию. Он один из моих лучших друзей, и мы часто вспоминаем о старых добрых днях нашей молодости. Вы можете предположить, что наша дружба могла помешать ему быть объективным в оценке результатов сеанса,

однако это не так. У меня было две причины предложить ему регрессию: во-первых, он всю жизнь страдал несварением, и я надеялась, что нам удастся устранить эту проблему. Во-вторых, я знала, что он никогда не станет притворяться, будто вошел в гипнотический транс, если этого не произойдет, и не будет утверждать, будто регрессия принесла какие-то результаты, если этого не случится. Стив не скептик и не слабовольный человек. Перед началом сеанса он заверил меня, что не возлагает особых надежд на регрессию, — он не удивится, если она чем-то ему поможет, и не разочаруется, если ничего не выйдет.

Почти сразу же Стив оказался в Китае. Он был крестьянином, выращивал злаки и разводил животных. Его жена умерла, и он остался с двумя сыновьями и дочерью. Стиву было за шестьдесят, он страдал болезнью, которую мы сейчас назвали бы раком желудка, и о нем заботились дети.

Я провела Стива через его спокойную, желанную смерть, надеясь, что вслед за этим он начнет описывать свою следующую жизнь. Вместо этого он оказался посреди зеленого луга — самого прекрасного луга, какой ему только приходилось видеть. Его окружал и словно пронизывал до самых глубин души ярчайший белый свет. Казалось, этот свет содержит в себе весь покой, мудрость, чистоту и любовь мира. Он ощутил в этом сиянии прикосновение Бога и впервые в жизни понял, что значит священный трепет.

Вот и все. Регрессия Стива закончилась, он приподнялся с кушетки, сел, и мы начали беседу. Как обычно, он был откровенен.

— Что ж, — сказал он мне, — должен признаться: если не считать озаренного светом луга, я не чувствовал себя в полной мере участником всех этих событий. Я делал, о чем ты меня просила: ты задавала вопросы, я отвечал первое, что приходило в голову. Но у меня нет никакой уверенности в том, что вся эта китайская история реальна. Не пойми меня превратно: было очень интересно. Однако в лучшем случае это похоже на просмотр кинофильма о человеке, который не имеет ко мне никакого отношения. Но и тут следует признать, что в кино качество воспроизведения гораздо лучше. Извини.

Я заверила друга, что извиняться не стоит. Мы попробовали решить его проблему. Не было никакого обмана, никакого вреда. На этом разговор закончился. Но, когда мы с Линдсэй работали над этой книгой, я вспомнила этот случай. Поскольку после сеанса со Стивом прошло уже восемь месяцев, интересно было бы поговорить с ним о результатах. Чтобы у Стива не возникло искушение приукрасить истину просто из любви ко мне, я попросила побеседовать с ним Линдсэй. Она знакома со Стивом еще дольше, чем я, и можно было не сомневаться, что он без всякого смущения расскажет ей, что он думает и чувствует по поводу того опыта.

Обратите внимание: Стив страдал несварением всю жизнь, но с возрастом проблема усугублялась, и к пятидесяти годам он относился к ней уже как к совершенно неизбежному злу. Список блюд, которые он мог есть, не подвергая себя страданиям, непрерывно сокращался. Больше всего Стива расстраивало вот что: стоило ему съесть хоть немного пищи после половины восьмого вечера — бессонная ночь была обеспечена. Спазмы и рези не позволяли ему заснуть. В деловой и социальной жизни участие в вечеринках уже стало почти профессиональной необходимостью, а они никогда не начинаются раньше восьми часов вечера. Стив уже устал придумывать отговорки и в какой-то момент заметил, что в последнее время его просто перестали включать в списки приглашенных.

— Я должен быть с тобой совершенно откровенен, правда? — сказал он Линдсэй, когда они встретились для беседы.

— Иначе этот разговор никому не нужен, — подтвердила Линдсэй.

— Так вот, если я внимательно отношусь к тому, что и когда ем, то впервые в жизни могу быть на сто процентов уверен, что несварение меня мучить не будет.

— А если ты отнесешься к этому невнимательно?

— Если я вообще не обращаю внимания на время трапезы и меню... — Он сделал паузу и глубоко задумчиво вздохнул, прежде чем закончить: — То мне по меньшей мере на семьдесят пять процентов лучше.

— С каких пор? — спросила Линдсэй.

— Я сам еще не могу до конца в это поверить — ибо готов поклясться, что я сам вообразил всю эту историю о Китае и раке желудка... Но факт остается фактом: значительное улучшение в работе моей пищеварительной системы и общем состоянии здоровья произошло сразу же после регрессии, которую провела Сильвия. И еще: не знаю, связано ли это с регрессией, но с тех пор я помню свои сны, а прежде этого никогда не бывало.

Если бы при этой беседе присутствовала я, то сказала бы Стиву, что после регрессии сны очень часто становятся гораздо ярче. Сверхсознательный ум словно получает полное признание, и у него появляется возможность испробовать себя в действии. После этого он больше не желает оставаться незамеченным и активно проявляется во время сна, когда сознание не может вмешаться в его деятельность.

Линдсэй спросила, не произошли ли в его жизни еще какие-либо перемены, которые он связывает с исследованием глубин своей памяти. Стив ответил, не раздумывая:

— Самая изумительная перемена — даже более благотворная, чем излечение от несварения, — состоит в том, что у меня исчезла привычка постоянно волноваться о чем-то. Обстоятельства моей жизни далеко не безоблачны. Работа то есть, то нету, денег все меньше, и если в ближайшее время что-то не изменится, я не знаю, что мне делать дальше. Но теперь я уже не переживаю так, как это бывало до регрессии. Нет, я не стал пассивным, я делаю все, что считаю необходимым в моей ситуации. Но тревожит ли она меня? Нет.

Это произвело на Линдсэй огромное впечатление. Стив никогда не был нытиком, но она знала, что ему не чужда тревога — как ни старался он не выдавать ее.

— В чем же дело? Считаешь ли ты, что причина в регрессии как таковой? Или там открылось нечто конкретное, что избавило тебя от беспокойства?

— Что-то конкретное, — ответил Стив. — Это был момент, когда я оказался на лугу, и меня озарило изумительное белое сияние. У меня нет ни тени сомнения в реальности этого переживания. Все было так же реально, как стул, стол, чашка кофе, и я до сих пор могу в любой момент воспроизвести в душе это ощущение. Всякий раз, когда мне все-таки случается тревожиться или беспокоиться о чем-то, я просто снова ощущаю вокруг себя этот непостижимо. Никогда этого не забуду. И я никогда не мог себе даже представить, что такой душевный покой возможен.

Случай Стива служит прекрасным примером того, как, проводя регрессию с определенной целью, мы можем попутно решить и другие проблемы. Кроме того, этот случай объясняет, почему я никогда даже не пытаюсь задавать направление регрессии. Хотя я и экстрасенс, но сверхсознательный ум клиента намного лучше знает, какую боль удерживает его клеточная память и куда нужно отправиться, чтобы избавиться от нее. Именно Стив, а не я сумел найти причину своих проблем с желудком; именно он завершил свое исцеление, отправившись на несколько мгновений на Другую Сторону, чтобы напомнить себе: всё, о чем он волнуется, уже улажено Дома.

Р. К.

Хронический бронхит и пневмония

В пятьдесят девять лет Р. К. уже и не надеялся пережить зиму, два-три раза не переболев сильнейшим бронхитом. Он неделями лежал пластом в кровати, из-за приступов удушья то и дело приходилось вызывать «скорую». По меньшей мере раз в год бронхит перерастал в пневмонию, и Р. К. попадал в больницу. Он использовал все профилактические меры, какие только можно представить: принимал повышенные дозы эхинацеи и витамина С, делал прививки от гриппа, избегал общественных мест. Как это ни грустно, последние шесть лет Р. К. отмечал каждое Рождество в больничной палате, а его жена, дети и внуки — в походах между домом и больницей. Из-за того, что Р. К. часто отсутствовал на работе, и учитывая его преклонный возраст, начальство уже подумывало о том, чтобы заменить его более молодым и здоровым бухгалтером, а потеря работы означала бы для Р. К. и его жены очень серьезные финансовые затруднения. Однако на этом медицинские и финансовые проблемы их семьи не оканчивались. У его жены, Камилы, с которой они состояли в браке вот уже тридцать лет, в сорокалетнем возрасте начались сильнейшие боли в пояснице и бедрах, иногда сопровождавшиеся онемением ног. Несмотря на интенсивное медикаментозное лечение, физиотерапевтические процедуры и несколько хирургических операций, боли не оставляли женщину, и она не могла работать.

— Когда мы с Камиллой обручились, я обещал, что в шестьдесят лет выйду на пенсию, куплю автофургон — Дом на колесах — и остаток жизни буду возить ее, куда Они только захочет. И вот через три недели мне исполнится шестьдесят... Я до смерти напуган перспективой увольнения с работы, бел которой нам не выжить. А работник, болеющим по четыре месяца в году никому не нужен... И единственные путешествия, которые я смог обеспечить Камиле, — это походы из дома в больницу и обратно. А теперь, вдобавок ко всему (только не обижайтесь), — я сижу в кабинете у экстрасенса.

— Ладно, не обижаюсь, — улыбнулась я.

— Мой доктор вас очень ценит, — улыбнулся он, — а я ему доверяю. Вот я и подумал: а что я теряю, побори?

— Довольно умно, — заметила я. — Что ж, давайте попытаемся разобраться, что с нами происходит.

- Я весь внимание, — сказал он, явно нервничая. - Я не собираюсь рассказывать вам, что с вами происходит, Р. К. Вы сами расскажете мне об этом.

Не обращая внимания на смущение клиента, я помогла ему расслабиться, чтобы ввести в состояние гипнотического транса.

Через двадцать минут Р. К. рассказывал мне о своей жизни в Африке. Он — архитектор, женат, имеет троих детей. Р. К. счастлив, удачлив и горд тем, что он хороший муж и отец. Иногда этот мужчина сам удивляется, как ему удалось жениться на такой красивой женщине, родившей ему очаровательных детей, ведь сам он невысок ростом, тощ и весьма непривлекателен. Однажды, когда архитектору было сорок шесть, он отправил жену с детьми отдыхать к морю и собирался присоединиться к ним через несколько дней, когда закончит работу. Проводив семью, он отправился на стройплощадку. Р. К. так и не понял, что именно произошло. Он помнит лишь, что внезапно услышал крики, на лицах строителей отразился ужас... Р. К. обернулся и увидел, что с колонны прямо на него падает камень. Камень сбил его с ног, раздробив грудную клетку. Умирая, архитектор думал, сумеет ли кто-то в ближайшее время найти его жену и детей, чтобы сообщить им о случившемся.

Следующая жизнь прошла в Уэльсе. Р. К. был холост. Он целыми днями трудился в крохотной рыбацкой деревушке, которую сам основал. Работать приходилось много, но работа была его страстью, и он чувствовал ответственность перед рыбаками, словно они — его братья. Он плечом к плечу с другими односельчанами отважно сражался с серыми водами Ла-Манша. Но они проиграли совсем в другом сражении. Однажды в их незащищенное маленькое селение одновременно с моря и с суши ворвались викинги, беспощадно убивая всех на своем пути. Сорокачетырехлетний Р. К. умер мгновенно: его сердце пронзило копьё.

Затем он был солдатом королевской армии в Швеции. Кто-то из однополчан по ошибке заподозрил его в воровстве и ночью несколько раз пронзил штыком грудь, руки и ноги Р. К. Бедняга выжил, но был уже не годен к службе. Остаток своих дней он прожил в болезнях и нищете, попрошайничая на холодных бульварах Стокгольма, пока не замерз насмерть в пятидесятилетнем возрасте.

Р. К. оказался одним из тех редких клиентов, кого я называю «сомнамбулами». Вообще-то этим термином называют лунатиков, но в работе с регрессиями так называются люди, которые не помнят, что они говорили и делали, находясь в гипнотическом трансе. Когда я пересказывала Р. К. основные моменты его истории, он слушал недоверчиво. Затем я отдала ему пленку с записью нашего сеанса, чтобы он прослушал ее позже и убедился, что все это не мои выдумки.

— Вы не сказали мне, в каком возрасте вас начали одолевать бронхиты и воспаления легких, — заметила я. — Вспомните, сколько вам тогда было лет...

— Это превратилось в серьезную проблему, когда не было сорок восемь, — ответил он. — А что?

— Неужели вы не видите, что делает клеточная память? — спросила я. — Примерно в этом возрасте вы получили серьезные травмы груди в трех прошлых жизнях.

Ваша клеточная память просто реагирует на то, что помнит, и создает сильную боль в груди, поскольку считает, что для этого настало время.

Р. К. подумал над моими словами и наконец сказал:

— Ладно. Не буду с вами спорить. Но если произошел такой серьезный прорыв, то почему я чувствую себя точно так же, как до сеанса?

— Просто подождите. Прослушайте пленку. И еще я даю вам молитву, направленную на освобождение от любых негативных клеточных воспоминаний. Выучите эту молитву и читайте ее несколько раз в день. А когда пройдет следующая зима, позвоните мне и скажите, сколько раз вы болели бронхитом.

Очевидно, я ни в чем не убедила Р. К., но он был заинтригован, — что меня вполне устраивало. Я предпочитаю клиентов, которые сами делают выводы из собственного опыта, а не верят мне слепо на слово. Я проводила Р. К. из кабинета. В приемной его ждала невысокого роста симпатичная женщина с темно-кариими глазами. Она встала нам навстречу и спросила с волнением:

— Ну как?

Р. К. неопределенно пожал плечами и обернулся ко мне:

— Сильвия, познакомьтесь, это моя жена Камила. Камила, это Сильвия Браун.

Она улыбнулась и протянула мне руку. Меня очаровала мягкая застенчивость этой женщины, и я отчетливо увидела в ее глазах боль, о которой мне только что рассказал Р. К. Повинуясь внезапному порыву, я сказала:

— Я с удовольствием вам помогу.

Камила совершенно растерялась.

— Правда? Ах, да, спасибо, это было бы замечательно, но я знаю, что у вас очень большая очередь... Когда мне можно будет прийти к вам?

— Не хотите ли прямо сейчас? Ваш муж был последним клиентом на сегодня. Я буду рада помочь вам... Я помогу вам.

КАМИЛА

Боль в пояснице и бедрах Онемение ног

Камиле было сорок семь — она на два года младше Р.К. После тридцати лет совместной жизни она по-прежнему любила своего мужа. Она так беспокоилась о его здоровье, что воспринимала свои хронические боли, мучившие ее в течение десяти лет, всего-навсего как досадные обстоятельства, которые мешают ей должным образом заботиться о нем.

— С вашим мужем все будет в порядке, — заверила я ее. — А сейчас давайте поработаем с вами, чтобы вы от него не отставали.

Я знала: женщину очень беспокоит, что мужу приходится ждать ее в приемной, поэтому, как только Камила вошла в транс, я сразу велела ей отправиться в точку входа.

Она сразу же оказалась в крытой повозке вместе со своим мужем, фермером. Шел 1851 год. Преодолевая множество трудностей, их караван двигался из Виргинии в Калифорнию. Двадцатилетняя женщина, мать двоих детей, она радовалась этому приключению и с нетерпением ждала новой жизни на новой земле. Застолбив шестьдесят акров земли на севере Калифорнии, у границы с Невадой, они отстроили небольшую ферму и принялись за работу. Однажды, когда Камила с детьми шла в гости к соседям, на них напало несколько краснокожих. Стрелы пронзили поясницу и левое бедро женщины. Беспомощная, она лежала около тел детей, пока не истекла кровью.

Затем она оказалась в Северной Каролине, снова на ферме. Камила была счастливой замужней женщиной, лет двадцати пяти, бездетной. Каждое утро, после того как муж отправлялся трудиться на поле, Камила садилась на свою любимую темно-каштановую кобылу по имени Афина и отправлялась кататься. Одним апрельским утром во время прогулки пошел дождь, и Камила неохотно поехала домой. Когда лошадь пересекала неглубокий ручей, она увидела на противоположном берегу водяную змею и встала на дыбы. Камила упала, да так и не смогла подняться на ноги. Но вскоре ее нашел один из наемных работников. Он отправился на поиски хозяйки, как только увидел, что лошадь вернулась без наездницы. У Камилы были раздроблены бедро и поясница. Остаток жизни она пролежала с парализованными ногами, не способная ходить и самостоятельно о себе заботиться. По иронии судьбы, женщина пережила своего мужа. Он умер от аневризмы, когда Камиле было под пятьдесят. После этого за женщиной ухаживали работники фермы. В пятьдесят девять лет к ней пришла смерть. Камила встретила ее с облегчением.

Связь с нынешней жизнью совершенно очевидна: якобы неизлечимые боли в пояснице и бедрах, от которых она страдает сейчас, периодическое онемение ног, склонность беспокоиться о муже больше, чем о себе, — все эти хронические «неизлечимые» проблемы обусловлены сигналами о боли, параличе и прочих бедах из прошлых жизней, которые посылает женщине клеточная память. В отличие от Р. К., Камила увидела эту связь сразу же и выходила из кабинета, явно взволнованная пережитым. Опускались поздние летние сумерки. Я смотрела, как они уезжают с автостоянки под моим окном, и улыбалась, представляя себе оживленные беседы и удивительные перемены, которые предстоят им в ближайшем будущем.

У Р. К. больше не было бронхитов, а тем более воспаления легких. Ни разу. Он вышел на пенсию через пять лет, не пропустив за это время ни одного рабочего дня. Его жена тем временем окрепла настолько, что устроилась на работу к подружке, которая содержала частный детский садик. Камила любила детей, и работа с ними помогала ей оставаться молодой, деятельной и здоровой. Последнее письмо от них я получила год назад. В графе обратного адреса значилось: «Где-то в США». В конверте лежала фотография, на которой были запечатлены Р. К. и Камила, сидящие в кабине своего новенького дома на колесах и приветливо машущие руками. Постскрипtum к этому написанному от руки письму гласил: «Что я могу сказать? Уж если вы правы, значит, правы. Спасибо! Р. К.».

Хроническая астма

Жестокие приступы астмы начались у Юдит, когда женщине исполнилось двадцать лет, сразу после рождения ее единственного ребенка. Сейчас ей было уже сорок три. Она недавно получила медицинский диплом, очень гордилась этим и теперь собиралась заняться частной педиатрической практикой в своем родном городе неподалеку от Кливленда. Она твердо решила преодолеть свою астму — не только ради себя, но также ради будущих юных пациентов, чьи заболевания, подобно ее недугу, не поддаются лечению методами традиционной медицины.

— Если ваш метод сработает, — сказала она, — я хотела бы, если не возражаете, овладеть вашей техникой и лечить с ее помощью страдающих астмой детей в тех случаях, когда ничто больше не помогает. Между прочим, я не только не возражаю, но очень а. когда кто-либо — особенно профессиональный врач или психиатр — оказывается достаточно любознательным творческим и гибким человеком, чтобы интересоваться не только методами, одобренными наукой и традиционной медициной, но всем, что приносит позитивные результаты, не причиняя вреда. Я сказала Юдит, что не пытаюсь сохранить свои знания в тайне. Вы можете узнать все, что известно мне, и чем больше вы узнаете, тем больше я буду рада.

Благодаря своей открытости и непредубежденности Юдит очень легко поддавалась гипнозу и почти мгновенно перенеслась в Перу. Она была нищим мальчишкой. Сидя на ступенях городского собора, он выпрашивал у прихожан еду и монеты. У него не было никого, кроме матери, но и ее он видел нечасто — она все время переходила от одного мужчины к другому, в надежде на то, что кто-то из них возьмет на себя заботу о ней и о ее сыне. Однако все любовники вскоре бросали ее. От холода и недоедания мальчик в тринадцать лет заболел туберкулезом, никто его не лечил, и ребенок все больше слабел. В конце концов мать нашла работу в соседнем городе. Взяв с собой сына, она пошла туда через горы. На высоте воздух был слишком разреженным для больного туберкулезом мальчика, и он стал задыхаться. Мальчик умер и был рад освобождению от этой тяжелой одинокой жизни. Мать похоронила его на высокогорном плато.

В следующей жизни Юдит была молодой девушкой из Германии. Она жила с эгоистичной грубой самовлюбленной матерью, которая требовала от дочери безраздельного внимания. Матери досталось в наследство довольно большое состояние. Это делало положение Юдит еще более безвыходным: девушке не нужно было работать, а значит, не было и уважительной причины для того, чтобы строить свою собственную жизнь. Юдит недолюбливала мать; их совместная жизнь казалась ей «удушливой» (ее слово). Однако девушка жалела маму и понимала, что никогда не сможет избавиться от чувства вины, если оставит эту жестокую женщину одну, в ее добровольном самозаточении. Однажды вечером они сильно повздорили, и Юдит пригрозила уйти. Ее мстительная мать «сорвалась» и ночью, заперев дверь спальни Юдит, в приступе отчаяния и слепой ярости подожгла дом. Когда пожар удалось потушить, мать уже сгорела, а дочь задохнулась в дыму.

Не люблю обобщать, но я заметила, что астма и другие проблемы с дыханием у моих клиентов очень часто обусловлены клеточными воспоминаниями о сложных взаимоотношениях с матерями в прошлых жизнях. Либо мать уделяет ребенку недостаточно внимания, либо ведет себя слишком собственнически и ее внимание оказывается «удушливым». Юдит здесь не исключение, и не случайно астматические приступы начались у женщины коре после того, как она родила сына — сама стала матерью. Юдит призналась, что после рождения ребенка ею овладели очень противоречивые чувства. С одной стороны, молодая мама любила своего малыша всем сердцем, с другой стороны, она была ошеломлена и, к собственному стыду, испугана той огромной ответственностью, которую предполагает материнство. Опыт прошлых жизней также давал Юдит довольно противоречивые представления о слове «мать», но в ее воспоминаниях было нечто общее: в обоих случаях мать в буквальном и переносном смысле оказывалась причиной жестоких проблем с дыханием.

Конечно, только время покажет, насколько эффективным было воздействие регрессии на астму у Юдит. Но, увидев, насколько открыта эта клиентка, я сразу предположила, что результат будет весьма впечатляющим.

Через месяц она позвонила мне и сказала, что, судя по всему, избавилась от астмы. Впервые за двадцать три года она дышит совершенно свободно, чисто и легко. Юдит еще не полностью поверила в свое абсолютное выздо-

рвление, поэтому не решилась выбросить ингаляторы и таблетки. Но она торжественно переставила их с переднего ряда своей аптечки куда-то на антресоли и не только не доставала их оттуда, но даже не вспоминала о них в последние три недели.

Поверьте, я искренне рада этому. Но, должна признаться, еще больше меня порадовало известие о том, что она теперь занимается гипнозом на курсах повышения квалификации для педиатров в своем университете. Юдит намерена включить метод регрессии в прошлые жизни в свой арсенал борьбы с детскими заболеваниями, не поддающимися лечению традиционными методами. «Я служу живым доказательством того, что этот метод работает и приносит облегчение пациентам, — пишет она в своем недавнем письме. — Разве могла бы я считать себя настоящим врачом, если бы отказалась использовать этот метод лишь потому, что он кажется кому-то странным?»

Хороший вопрос. Я хотела бы, чтобы его задали себе все врачи, читающие эту книгу.

Бо

Рассеянный склероз

Если вы читали мои книги, то вы знаете, что известный телеведущий Монтель Уильяме — мой самый близкий, самый дорогой друг, и я люблю и любила его всегда — ныне и в других жизнях, которые нам довелось прожить вместе. В 2000 году он объявил миру, что борется с рассеянным склерозом. Поэтому когда я говорю, что ничто не обрадует меня больше, чем умение лечить рассеянный склероз, — в моих словах нет ни капли преувеличения. Не знаю, исполнится ли когда-нибудь моя мечта, но люди, страдающие этим жестоким заболеванием, всегда будут занимать в моем сердце особое место.

Бо живет на ранчо в Техасе. Это очень симпатичный человек. У него есть привычка очаровательно растягивать слова и смущенно улыбаться уголком рта. Его направил ко мне врач в надежде, что я смогу излечить Бо от рассеянного склероза, который обнаружили у него три года назад. Я охотно ухватилась за такой шанс. Детство этого человека прошло в бедности и лишениях, но благодаря упорному труду и мудрым капиталовложениям он сумел сколотить значительное состояние. Бо — настоящий боец с довольно внушительным послужным списком: он пережил покушение на свою жизнь, когда алчная жена и ее молодой любовник хотели завладеть его богатством; он отдал почку для пересадки старшему из своих сыновей; он сумел уберечь свое ранчо от всех природных бедствий, рыночных потрясений и от растратчика-бухгалтера. Но он ни разу не был так напуган, как в тот момент, когда его доктор сказал: «Бо, у вас рассеянный склероз». Однако мужчина отнесся к этому недугу точно так же, как к любой другой задаче, которые ставила перед ним жизнь за сорок шесть лет, — а он привык не жаловаться на судьбу и идти только вперед. Философия Бо основывается на следующем утверждении: «У нас с Богом уговор — я верю в Него, а Он в меня. Если Он ставит на моем пути препятствие, а я не борюсь как следует для того, чтобы его преодолеть, значит, я не выполняю взятое на себя обязательство».

Бо добросовестно следовал рекомендациям врачей, много ездил в поисках нетрадиционных методов лечения своего недуга, участвовал в группах взаимопомощи вместе с другими жертвами рассеянного склероза и анонимно оказывал финансовую поддержку семьям тех больных, ого эта болезнь поставила в затруднительное материальное положение. Сказать, что Бо «боролся как следует», — значит не сказать ничего, и чем дольше я его слушала, тем больше восхищалась этим мужественным человеком. Когда Бо узнал, что Монтель сражается с той же коварной болезнью, он тоже стал его поклонником. Именно в шоу Монтея Уильямса Бо в первый раз увидел меня и решил (хотя он тогда еще не определил своего отношения к экстрасенсам вообще), что со мной лично его объединяет непоколебимая любовь к Богу, а значит, я не стану его дурачить.

— Хотите стать невероятно богатой? — спросил Бо.

— Кто же этого не хочет? А что?

— Вылечите меня, и я отдам вам все, что у меня есть.

Я положила руку ему на плечо.

— Бо, говорю вам от чистого сердца: если бы я могла вылечить вас, то сделала бы это бесплатно. Но обещаю, что через несколько лет исцеление все-таки придет.

Он внимательно посмотрел на меня, ища намеков на то, что я просто утешаю его, суля заманчивую ложную надежду. Но поняв, что я верю в каждое произнесенное мною слово, Бо слегка улыбнулся. Затем, помолчав немного, прокашлялся и сказал:

— Вы собираетесь провести со мной регрессию. Очевидно, это означает, что вы верите в прошлые жизни.

— Именно так.

— Ладно, — продолжал он, — тогда позвольте кое о чем спросить вас. Допустим, что реинкарнация, карма и подобные вещи существуют на самом деле. Свидетельствует ли мое заболевание о том, что в одной из прошлых жизней я сделал что-то ужасное, а теперь пришло время расплаты?

— На этот вопрос можно отвечать часами, — ответила я. — Но буду краткой и скажу: *ни в коем случае*. Перед началом каждой новой жизни на земле мы пишем план этой жизни. И включаем в него все препятствия, с которыми нам предстоит столкнуться. Для чего?.. Чтобы достичь целей, которые мы сами же перед собой поставили!

— Вы утверждаете, что я *сам* выбрал для себя рассеянный склероз? — спросил он недоверчиво.

— Да, я утверждаю именно это! И как ни трудно вам сейчас в это поверить, придет день, когда вы поймете, почему сделали такой выбор. А пока запомните вот что: только самым отважным, самым неординарным душам хватает смелости ставить перед собой такие серьезные задачи, как ваша. Разве какой-нибудь хилой бледной душе было бы под силу выдержать то, что выпало на долю вам?

— Не думаю, — сказал он наконец убежденно. — Вот видите? Мы еще даже не начали, а мне уже легче на душе... Итак, что мне делать? Я должен рассказывать вам, где локализируются самые сильные боли?

— Ничего мне не рассказывайте, Бо. Чем меньше я знаю вначале, тем тверже вы будете уверены потом, что я не направляла ваш рассказ и не подталкивала вас к определенным выводам. Я не дам вам ответов — вы сами будете отвечать себе. А сейчас все, что вам нужно сделать, — это усесться поудобнее.

Я начала особенно долгую, глубокую расслабляющую медитацию. Сжатые до боли мышцы его подбородка постепенно расслабились, лицо стало безмятежным, и он погрузился в гипнотическое состояние. Я обратилась с мольбой к его клеткам, чтобы они запомнили это состояние покоя и Бо мог войти в него всякий раз, когда ему захочется. Затем я повела клиента в прошлое.

Это была Тоскана, Италия. Шел 1041 год. У четырнадцатилетнего Бо был брат-близнец по имени Гарон — в точности похожий на него, но только слепой. Они были старшими из двенадцати детей в сплоченной трудолюбивой семье. Бо вспоминал, как по воскресеньям к ним в гости отовсюду съезжались бабушки и дедушки, дядья и тетки, двоюродные братья и сестры и начинались шумные праздники — пиршества любви, доброты и смеха. Бо очень тепло относился ко всем этим счастливым щедрым людям, но больше всего на свете он любил своего слепого брата — спокойное и мужественное отражение его самого. Брат никогда не сетовал на свою слепоту и всегда знал, что чувствует Бо, даже если тот не говорил ему ни слова. Бо был прирожденным земледельцем. Парень целыми днями трудился на родительских полях и огородах. Он действительно ощущал шестым чувством, как радуются его заботе растения. Гарон всегда работал рядом с братом и был лучшим его учеником и помощником. Они рассказывали друг другу свои тайны, истории, сны, — и в конце концов никто из них уже не мог сказать с полной уверенностью, где заканчивается один и начинается второй. Каждое утро перед рассветом братья нагружали большой воз плодами и овощами, — это был лучший товар во всей округе, — и везли его в соседний город на рынок, где отец имел постоянное место. Отец гордился талантом Бо, гордился тем, что у них лучший на базаре товар, гордился тем, с какой самоотдачей близнецы вносили свой вклад в благополучие семьи.

Однажды холодным утром Бо и Гарон, как обычно, приехали в город и ходили взад-вперед по узкой улочке, разгружая свою телегу. Вдруг чья-то повозка с зерном сорвалась с тормозов и, набирая скорость, покатила по наклонной мостовой прямо на Гарона. Растерявшись от криков, слепой застыл посреди улицы. К нему бросился Бо и за миг до беды оттолкнул брата в сторону. Гарон остался цел и невредим, но Бо не успел отпрыгнуть. Тяжелая повозка сбила парня и проехала колесами по его груди и ногам. Отец и брат бросились к нему. Они плакали, обнимали его, и последнее, что слышал Бо перед смертью, — это слова Гарона, который спрашивал, что произошло и

умолял брата не умирать. Позже, после регрессии, когда мы с Бо говорили о той жизни, которая, очевидно, произвела на него огромное впечатление, он спокойно сказал:

— Боли локализовались у меня только в последние шесть или восемь месяцев. Теперь можно сказать вам, где именно?

Я уже знала, но хотела услышать это от него, чтобы быть уверенной, что Бо связал события прошлой жизни своим нынешним состоянием.

— Да, пожалуйста, скажите.

— В верхней части живота и в ногах, над коленями — именно там, где по мне проехали колёса. Признаюсь, все эти вещи с прошлыми жизнями для меня новы, но я видел все, что произошло, ясно, как днем. Совпадения быть не может, это уж, черт побери, точно.

Я рассказала ему о клеточной памяти, и мы вместе помолились о том, чтобы его клетки отпустили ужасную боль, за которую они держатся вот уже почти тысячу лет. Затем Бо надолго задумался. Наконец я спросила о чем.

— Вы знаете, насколько реальным был для меня этот опыт?.. А думал я о том, что стало с Гароном после моей смерти, — ответил он. — Надеюсь, у него было все хорошо.

— Скажите, — спросила я, сдерживая улыбку, — а вам не показалось, что вы его хорошо знаете? Может быть, он похож на кого-то из нынешних знакомых?

Бо поразмыслил.

— Если уж вы об этом заговорили... Хотя внешне они совсем не похожи, но Гарон почему-то совершенно отчетливо напоминает мне моего старшего сына, Вэйна.

— Старшего сына в этой жизни, да? Которому пересадили вашу почку?

Бо кивнул, и я рассказала ему, что они прожили вместе три прошлые жизни. Вначале та жизнь в Италии. В другой жизни они были лучшими друзьями и партнерами по бизнесу на Аляске. А третья жизнь прошла в Марокко; они были женщинами, неразлучными кузинами. В каждой из этих жизней они преданно любили друг друга, в каждой жизни Бо заботился о своем лучшем друге. Во всех трех жизнях после Тосканы Бо пытался смягчить свою вину перед Гароном-Вэйном за то, что некогда покинул брата так рано. А Гарон-Вэйн, в свою очередь, пытался отплатить Бо за то, что тот когда-то спас ему жизнь.

— Вы удивитесь, если я расскажу, как много это объясняет в моих взаимоотношениях с Вэйном, — сказал он с усмешкой. — Когда врач сказал, что у меня рассеянный склероз, сын был со мной, и он воспринял эту новость острее, чем я сам. Он даже сказал, что лучше бы сам заболел вместо меня. Я велел ему больше никогда не говорить так. Однако если дела обстоят именно так, то, наверное, он уже просто устал умирать позже меня. — Бо посмотрел мне в глаза. — Представляю себе выражение го лица, если я сяду рядом и скажу: «Вэйн, я сегодня ходил к экстрасенсу, и она говорит, что мы знаем друг друга уже на протяжении четырех жизней». Он сразу бросится вызывать мне «скорую». Но тогда речь пойдет не о рассеянном склерозе — меня отвезут в сумасшедший дом. Мы расхохотались.

— Тогда не говорите ему ничего, — сказала я. — Но если вам когда-нибудь покажется, что я способна помочь вашему сыну разобраться в том, что вы оба переживаете, позвоните мне. Если нет, все равно позвоните. Давайте не знать о своем состоянии. Если не позвоните, предупреждаю сразу: тогда позвоню вам я.

С тех пор мы с Бо общаемся регулярно. Он проделает свою отважную непримиримую борьбу с рассеянным склерозом, продолжает помогать другим людям, страдающим этим недугом, и просит в своих ежедневных молитвах, чтобы Бог помог им растворить все негативные клеточные воспоминания в белом свете Святого Ду ха. Его боль уже не локализуется в верхней части живота и в ногах, и Бо хорошо помнит, почему она ослабла в этих местах. Не забывает Бо и о том, что он перестал бояться своей болезни и смерти именно тогда, когда отправился на тысячу лет в прошлое — и вновь прожил час вместе с братом Гароном, в котором узнал своего сына Вэйна.

Что же касается Вэйна, то Бо пришел с ним на лекцию, которую я читала в прошлом году в Техасе. Во время медитации перед Вэйном пронеслось мимолетное видение: рыночная площадь, овощи и фрукты на телеге, и брат, неуловимо напоминающий ему отца. Я хотела бы обратиться к читателям краткий вопрос Бо, который он задал, когда позвонил рассказать мне об этом: «Что скажете?»

Потеря аппетита

Кроме страстного желания научиться лечить рассеянный склероз, у меня есть еще одна мечта: найти надежное средство против потери аппетита (анорексии). Понять это сложное, ужасное и нередко фатальное заболевание нередко бывает сложнее, чем излечить. Его корни не всегда можно обнаружить в каком-нибудь известном нам тайнике организма или сознания, включая клеточную память. Слава Богу, в случае Джульетты причина проблемы раскрылась легко и быстро.

Джульетте был двадцать один год, и она страдала отсутствием аппетита уже почти четыре года. Проблемы начались в первый год обучения в университете Ivy League. При росте метр шестьдесят пять девушка была ужасно худа и весила всего сорок килограмм. Ее кожа приобрела серовато-белый оттенок, длинные темные волосы потеряли блеск, в запавших глазах совсем не было света. Направивший ее ко мне психиатр сказал, что три года работы с этой девушкой были самой большой неудачей в его карьере.

— Направляя эту пациентку к вам, я вовсе не отказываюсь от нее, — заверил он меня. — Я не поставлю на ней крест, пока женщина не испустит последний вздох; искренне надеюсь, что она умрет в глубокой старости в окружении любящих правнуков. Но вы знаете меня уже двадцать лет. Вы знаете, как я не люблю проигрывать. Однако боюсь, что в этом случае меня ждет проигрыш, — если только я не достану из рукава козырный туз. Сильвия, вы помогли стольким моим пациентам... Не обижайтесь на козырного туза, хорошо?

— Я и не такое слышала в свой адрес, так что не беспокойтесь. Присылайте поскорее свою пациентку, я приму ее вне очереди.

Вдобавок ко всем остальным проблемам, Джульетта страдала хронической диареей. Врачи провели «тысячу» исследований желудочно-кишечного тракта, но не нашли никаких отклонений от нормы.

— По словам врачей, все «нормально», — говорила Джульетта, плача, — но тогда почему мне пришлось уйти из университета? Я настолько «нормальна», что мне едва хватает сил вставать по утрам с постели, а мои родные заливаются слезами при одном взгляде на меня. Я попросту умру, если стану еще хоть чуть-чуть «нормальнее».

Это была не жалость к себе, но констатация факта. Смерть казалась для девушки единственным возможным выходом. Но я знала: если Джульетта сможет понять, почему она — красивая, умная, талантливая, обеспеченная молодая женщина, выбравшая себе перспективную профессию и живущая в любящей семье, — готова предпочесть голодную смерть жизни, тогда, выйдя из моего кабинета, она, как минимум, обретет надежду на исцеление.

Как ни измучено было тело Джульетты, ее сверхсознательный ум оставался здоровым, полным жизни и хотел, чтобы его слышали. С началом регрессии изменился даже голос девушки: если вначале он звучал монотонно и обреченно, то теперь в нем появились страсть, сила и уверенность.

В первой жизни, куда вернулась Джульетта, она была молодой индианкой-охотницей где-то на севере атлантического побережья Америки. Она так хорошо знала окрестные дремучие леса, словно создала их сама. Девушка проводила в этих лесах, вдали от племени, по нескольку недель кряду, охотясь на пушных зверей. Растения служили богатым источником пищи и целебных масел. Любая сломанная ветка, любая разворошенная куча листьев могла поведать целую историю, и охотница читала их легко, как букварь. Небо было ее надежным проводником и хронометром, каждое дуновение ветерка доносило особые ароматы, в мельчайших подробностях рассказывая обо всем, что происходит вокруг. Тьма ночи была полна секретов, и казалось, сама земля шепчет их разгадки ей на ухо. Ее инстинкты были так же остры, как у других лесных обитателей, рядом с которыми она имела честь жить. Джульетта чувствовала Божественный Дух в земле, в небе и в животных, — все они слились воедино, давая ей дом, и женщина считала этот дом священным.

На каждое новолуние она возвращалась в свое маленькое селение с пушиной и пищей. Родственники и старейшины племени относились к охотнице с благоговейным почтением. Все очень уважали ее за тот вклад, который она вносила в благосостояние племени. Начинался традиционный

праздник, и жители деревни возносили благодарность Божественному Духу за Его щедрость и за благополучное возвращение охотницы. Но через несколько часов ей всегда становилось тесно и душно в компании этих добродетельных, но шумных людей. Тогда она незаметно уходила от них и возвращалась в благословенный дремучий лес, который был ее домом.

Однажды, когда охотница была еще довольно молода (двадцать с небольшим лет), она, как обычно, возвращалась с добычей в селение, но по дороге у нее началась жестокая лихорадка. Женщина не помнила, как ее нашли и отнесли в хижину, где жили мать и бабушка. Те сразу позвали шамана. Он дал ей наваристый бульон и лечебные настойки, но женщина все это вырвала. Вокруг охотницы собралась вся деревня, люди пели песни и молитвы, а ей между тем становилось все хуже.

— Они слишком шумные, — пожаловалась Джульетта. — Слишком много возни и шума. Я не слышу.

— Что вы не слышите, Джульетта? — спросила я.

— Землю, — ответила женщина.

Шесть бесконечных дней охотница находилась между жизнью и смертью, прежде чем «освободилась и ее дух обрел Божественный покой». Женщина ушла с благодарностью, почти с радостью. И еще она помнила, что в те шесть дней ее дух не раз совершал астральные путешествия в дебри любимого леса, чтобы попрощаться с ним.

Во время регрессии Джульетта посетила еще две прошлые жизни, по увидела их не так подробно. В одной из них она провела тридцать лет в заточении за государственную измену, которой не совершала. После освобождения, прожив два несчастных месяца, она умерла от перитонита — инфекционного воспаления брюшины. Еще в одной жизни (в начале двадцатого века) ее в двенадцать лет похитили с детской площадки возле деревенской школы и продали в публичный дом в Майами. В пятнадцатилетнем возрасте хозяева забили ее до смерти за попытку к бегству.

Жизнь за жизнью, включая нынешнюю, Джульетта билась над одной и той же *жизненной темой*. Перед очередным воплощением на земле каждый из нас пишет подробный план предстоящей жизни — что-то вроде карты дорог, по которым нам следует пройти, пока мы находимся на Земле, чтобы осуществить свои цели. Кроме этого мы избираем одну из сорока пяти жизненных Г тем — и она определяет нашу сущность, главную движущую силу в жизни. Перечень и подробное описание этих сорока пяти тем вы можете найти в моих книгах «Бог, Творение и инструменты для жизни» и «Совершенствование души». Сейчас мы сосредоточимся только на *жизненной теме Джульетты: Одиночка*. Люди с темой Одиночка могут много общаться, жить на виду, активно заниматься общественной деятельностью, но по-настоящему комфортно они себя чувствуют, только находясь в одиночестве, — когда они совершенно свободны в своем выборе и, самое главное, полностью контролируют свое жизненное пространство. Одиночки чувствуют себя наиболее комфортно и одиноко именно в окружении других людей — особенно если это совершенно чужие люди или не очень близкие знакомые. Большинство людей находят уют, эмоциональную подпитку и стимуляцию только в группах, а одиночки испытывают в компании лишь смущение, раздражение и опустошенность. Им необходимо небольшое личное пространство, куда в любой момент можно спрятаться. Причина в том, что одиночкам, как воздух, нужна возможность полностью контролировать среду вокруг себя — пусть даже в течение непродолжительного времени. Уединение для них — это возможность подзарядить свои «аккумуляторы», восстановить запас энергии, подпитаться за счет роскошной возможности действовать по собственному выбору. Они периодически испытывают необходимость отгородиться от любой внешней помощи, советов и помех. Только после этого они снова будут готовы иметь дело с внешним миром.

На протяжении нескольких воплощений подряд жизнь Джульетты начиналась в спокойствии, простоте и уединенности. Затем женщина оказывалась среди людей и не могла вынести их шумного, навязчивого — беспокойного — общества. Основываясь на опыте этих прошлых жизней, клеточная память посылала ей информацию, что простота и уединенность несут с собой безопасность, а общество других людей означает смерть.

В этой жизни, пока Джульетта жила с родителями, которые, сами того не осознавая, уважали и блюли ее право на одиночество, все было нормально. Но потом девушка попала в крупный престижный университет, где есть все для интеллектуального развития и реализации честолюбивых устремлений студентов, но совершенно нет условий для развития душевной индивидуальности каждого. С точки зрения клеточной памяти Джульетты,

все эти общежития, соседи по комнатам, переполненные аудитории и столовые, почти обязательные клубные собрания и шумные вечеринки ничем не отличались от индейской деревушки... От тягостной «свободы» после тридцати лет тюремного заточения (которое казалось ей гораздо более приемлемым) и от унижительного плена в публичном доме. Джульетта чувствовала опасность: она была окружена людьми, в точности так же как в предыдущих воплощениях. И ее тело, опираясь на информацию из предыдущих жизней, просто стало готовиться к якобы неизбежной смерти. А поскольку три предыдущие смерти были так или иначе связаны с животом, что могло быть естественнее в ее случае, чем избрать смерть от диареи и голода? Если жизненная тема Джульетты — Одиночка и уединение служит ей небходимой духовной пищей, почему бы ее организму не отреагировать на недостаток уединения неприятием физической пищи? Ключевая потребность Одиночки состоит в полном контроле над средой обитания. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Джульетта все-таки нашла ту сферу, где ей никто не указ: сколько она должна есть. По иронии судьбы, всеобщая обеспокоенность отсутствием аппетита у девушки только усугубила ее положение. Если люди докучали ей и до этого, то теперь тем более: они буквально не отходили от нее. Одни пытались накормить и заботились о том, чтобы она записалась к хорошему врачу. Другие исследовали, призывали раскрыться и рассказать, что на самом деле привело к таким ужасным проблемам. Третьи давали добрые советы... Все они руководствовались только любовью, а в ней все больше зрела решимость сбежать.

Прошу обратить внимание: я не утверждаю, будто причиной потери аппетита всегда служит нереализованная тема Одиночка, и не говорю, что это расстройство всегда можно вылечить при помощи регрессии в прошлые жизни. Но в случае Джульетты это, слава Богу, сработало. Первый шаг состоял в том, чтобы увидеть и осознать всю негативную информацию, которая досталась ее клеткам из прошлого. Следующий шаг — позитивно следовать теме одиночки, вместо того чтобы бороться с этой темой или выражать недовольство ею. Вернувшись в университет, Джульетта переехала из общежития в крохотную квартирку, которая большинству людей показалась бы невыносимо тесной, но для девушки это был настоящий рай — там просто не нашлось бы места ни для кого больше. Приглашения в клубы и на вечеринки она просто отвергала: «Спасибо, это не мое». Она отказалась от всех видов внеклассной деятельности, подразумевающих интенсивное общение со многими людьми, и остановилась на относительно уединенной работе. Даже из видов спорта она выбрала самый индивидуальный — гольф. Она поговорила со своим любимым преподавателем, записалась на интересную для нее лабораторную работу — и сдала ее на отлично. Не при помощи магии, но убедив свои клетки во время медитаций, что она хочет жить, а не умереть, Джульетта снова начала есть. Через месяц женщина ела уже три раза в день, а еще через три месяца набрала почти четыре килограмма, и ее диарея полностью исчезла.

После регрессии с Джульеттой прошло шесть лет. Она и сейчас довольно худенькая, но все же весит на пятнадцать килограммов больше, чем тогда, когда пришла ко мне. Она счастлива, здорова и работает судебным патологоанатомом. Ее очень ценят на работе за богатые теоретические знания и способность подолгу безупречно выполнять работу, требующую непрерывного сосредоточения.

Что касается психиатра, который направил ее ко мне, я никогда не нарушу своего обещания хранить его имя в тайне. Особенно после того, как он позвонил мне, чтобы поздравить с исцелением Джульетты, и довольно робко попросил провести регрессию с ним. В ходе этой рециссии мы выяснили причину хронического псориаза на его левой стопе и лодыжке. Выяснилось, что эта нога обгорела до кости во время пожара в Болгарии, в 1507 году. На обожженном месте началось заражение крови, и он умер.

Теперь я учу проводить гипнотические регрессии и того психиатра, и его дерматолога, который в течение десяти лет безуспешно его лечил, но в конце концов признал случай безнадежным. Как они написали мне в совместном письме: «Мы подумали: если терапия при помощи клеточной памяти завоюет популярность, то это может либо лишить нас работы, либо в четыре раза увеличить нашу клиентуру. Мы выбрали последнее».

Рич

Жестокая боль в шее Морская болезнь

На примере Рича видно, что экстрасенсу-медиуму не нужно направлять клиентов во время гипнотических сеансов. Он должен просто сопровождать их на пути, который они избирают сами. Я подвожу клиентов к воротам в прошлое и придаю регрессии определенную структуру. Я охраняю людей от душевных травм, пока они находятся в трансе, помогаю им проанализировать полученный опыт — и освободиться от мучающей их боли после того, как регрессия закончится. Однако это прежде всего их путешествие, и я очень часто бываю удивлена тем, куда оно их приводит.

Рич — тридцатидвухлетний ударник — довольно успешно работал по найму для студийных записей с разными музыкальными группами. Рич не вписывался в расхожее клише бесшабашного длинноволосого странствующего рок-музыканта с трубкой в зубах. Это был коротко стриженный веселый умный опрятно одетый семейный человек. Он не употреблял наркотики, исправно погашал кредит в банке, ездил на «Вольво», имел жену и двоих детей, а теперь он и ждали третьего ребенка, для которого Рич лично обустроивал детскую. Мучительные приступы боли в шее начались у него внезапно, в возрасте двадцати пяти лет, когда он с друзьями и их детьми играл в софтбол*. Для боли не было никакой видимой причины — Рич не ударился, не столкнулся с другим игроком, и даже, насколько он помнит, не поворачивался резко. Он мне рассказывал: «Боль пришла из ниоткуда, словно меня по затылку вдруг ударили молотом». Ему делали рентген, лечили при помощи ультразвука, иглоукалывания, массажа и лечебной физкультуры, кололи кортизон, ставили холодные и горячие компрессы, выписывали противовоспалительные средства и микстуры для снятия мышечного напряжения, но за эти семь лет стало только хуже... Теперь Рич не мог повернуть голову и ему приходилось все больше платить в фонд медицинского страхования.

* Разновидность бейсбола с использованием более мягкого мяча и меньшей по размерам площадки. —Прим. перев.

— Клянусь, я бы смирился и жил с этой болью, если бы она не мешала моей работе. Попробуйте-ка играть на барабанах, если вы не можете повернуть головы. Поверьте на слово, я пытаюсь справиться с этим уже не первый год и... — Он сделал паузу, горько усмехнулся и продолжил: — Мне это очень надоело. В любом случае, я не могу больше тратить время на врачей, которые, очевидно, не в силах мне помочь. Мне нужно избавиться от боли сейчас и немедленно.

— Прекрасно, — сказала я с улыбкой. — Но не будем форсировать события. Хотя, откровенно говоря, я тоже предпочитаю решать вопросы быстро и потому сделаю все, что от меня зависит. Я понимаю ваше естественное желание поскорее избавиться от боли, но все-таки любопытно, почему такая спешка?

— Это типичный пример шутки о хорошей и плохой новости, — сказал он. — Хорошая новость состоит в том, что я только что подписал контракт на два месяца работы с группой в танцевальном зале круизного теплохода. Плохая новость состоит в том, что я только что подписал контракт на два месяца работы с группой в танцевальном зале круизного теплохода. Два месяца постоянного заработка — это при моей профессии дар Божий, тем более что мы с женой ждем ребенка. Но я знаю, что не смогу вытерпеть эту боль даже в течение двух дней — ведь нам придется играть каждый вечер по четыре часа подряд, — а тем более в течение двух месяцев. Но это еще не самое веселое в этой истории: дело в том, что у меня морская болезнь.

— Ложитесь, — сказала я с наполовину наигранной тревогой, — сейчас нам придется хорошенько поработать.

Шел 1716 год. Рич был матросом на пиратском корабле, промышлявшем у побережья Вест-Индии. Их капитан был очень жесток, не только по отношению к жертвам, но и к своей команде: матросов регулярно избивали и морили голодом за малейшее нарушение дисциплины — реальное или воображаемое. Большинство матросов на борту были отпетыми разбойниками и готовы были вытерпеть все ради своей доли награбленного и распутной пиратской жизни. Но Рич вместе с горсткой других недовольных решил, что даже смерть лучше такой жизни. Однажды безлунной ночью они тихонько спустились в воду и поплыли к берегу. Беглецы не знали, что в их мятежной группе был предатель, который предупредил обо всем капитана. Верные капитану матросы спустили шлюпки и быстро догнали бунтовщиков. Некоторым из них еще повезло — их убили прямо в воде. А вот Рича с тремя

другими беглецами поймали и отвезли на корабль. Их связали, засунули кляп в рот, завязали глаза и швырнули в трюм. Рич не знал, сколько дней или недель над ними издевались и морили голодом. Он помнил только, что долго лежал в темноте на деревянных досках, тело болело от побоев, живот сводило от голода. Он так ослаб, что не в силах был за что-нибудь держаться, когда корабль качало во время жестокого шторма. Когда его, едва осознающего происходящее, вытащили из трюма и бросили за борт, Рич испытал облегчение.

Я никогда не проявляю свои эмоции во время сеанса регрессии, но хорошо помню, какое сильное впечатление произвел на меня поступок Рича. Имея такие ужасные клеточные воспоминания о кораблях, он согласился работать на теплоходе! И еще я знала: если он сможет отпустить это воспоминание, то морская болезнь у него исчезнет без следа.

Затем Рич находился среди друзей в любимом кабаке. Они сидели за стойкой и весело беседовали. Рич помнит, что видел вдалеке Букингемский дворец. Он был холост, работал кузнецом и неплохо зарабатывал. Рич равнодушно отметил, что в кабачок вошли два человека. Один из них совсем недавно работал в кузнице подмастерьем, но Рич выгнал его с работы за воровство. С тех пор парень возненавидел кузнеца. У Рича было хорошее настроение, и он не обращал внимания на злобные взгляды, которые бывший работник бросал в его сторону. Вдруг на затылок Рича обрушился сокрушительный удар, и он упал на пол. Прежде чем потерять сознание, кузнец успел увидеть своего врага с железным прутом в руках. Он умер два дня спустя от черепно-мозговой травмы.

Я записала: «В прошлой жизни умер в двадцатипятилетнем возрасте от удара по затылку; в этой жизни в двадцатипятилетнем возрасте началась жестокая боль в затылке». Для того чтобы связать эти два факта, не нужно быть экстрасенсом. Затем я велела Ричу рассказать, что случилось после того, как наступила смерть. Он долго молчал, затем стал описывать каменную скамью возле кристально-чистого водопада посреди огромного сада неземной красоты. В дальнем конце сада виднелось белое мраморное здание с колоннами. Рич никогда не читал мою книгу «Жизнь на Другой Стороне», поэтому не мог знать, что описывает сады Дома правосудия на Другой Стороне.

— Что вы делаете в саду, Рич? — спросила я. — Что происходит вокруг?

— Я сижу. Жду. Меня просили прийти сюда, — ответил он. — Ко мне идет какой-то мужчина. Его-то я и жду. Он молод, примерно моего возраста, но его длинные, до плеч, волосы седые. На нем длинная золотисто-желтая мантия.

— Вы его знаете?

— Мужчина говорит, что он — мой духовный гид. Его зовут Аарон.

Я подалась вперед. Мне было известно, что Аароном зовут духовного гида Рича в этой жизни, а не в прошлой, — а я ожидала, что он встретится именно с гидом из прошлой жизни. Я спросила, когда происходила эта встреча.

— Сейчас, — сказал Рич, — она происходит прямо сейчас.

Я удивилась. Значит, Рич перешел от регрессии к астральному путешествию в теперешнем времени и, пользуясь тем, что оказался вне тела, отправился на Другую Сторону. Я поборола искушение объяснить ему все это и просто спросила:

— Зачем он попросил вас прийти сюда, Рич? Вы знаете? Он говорит вам что-то?

Рич пару минут слушал Аарона, не произнося ни слова. Наконец мой клиент снова заговорил. Казалось, беседа с духовным гидом заинтриговала и даже позабавила его.

— Он говорит, что воспоминание о случае в кабаке было дано мне не только для того, чтобы я избавился от боли в затылке. Это также предупреждение, чтобы я был начеку и обращал побольше внимания на то, что творится за моей спиной, и не допустил подобного в будущем.

После того как Рич вышел из гипнотического состояния, мы попросили его клеткой отпустить все эти болезненные воспоминания, чтобы работа на корабле была для Рича плодотворной и радостной. Затем я рассказала ему, что духовные гиды очень редко являются клиенту во время регрессии и дают подсказки на будущее.

— Помните, духовный гид может читать план, который вы написали на эту жизнь. Раньше я из чистого упрямства пренебрегала советами моего духовного гида, Франсины, но потом всякий раз жалела об этом.

Он был в некотором замешательстве.

— Ладно, допустим, я действительно наметил в своем плане еще один удар по затылку. Но если я действительно так написал, возможно, это зачем-то нужно, а смысл я пойму позже?

— Но возможно и такое, — ответила я в унисон ему, — вы записали в плане этот сеанс, чтобы вас заранее предупредили об опасности и вы могли предотвратить ее?

Рич кивнул. Прежде чем он ушел, я взяла с него обещание рассказать мне потом о круизе и о малыше, который, как я знала, окажется розовощеким здоровым мальчиком.

Два месяца спустя я получила длинное письмо от Рича. Круиз прошел отлично, и у него ни разу не было и намека на морскую болезнь. Что же касается боли в затылке, то она исчезла через несколько дней после регрессии и больше не возобновлялась. И еще Рич рассказал мне об одном «маленьком событии», которое произошло во время круиза. Они с группой выступали на большом помосте посреди танцевального зала корабля. И вот, когда лидер их группы объявлял очередную песню, Рич услышал над собой и немного позади приглушенный хруст. Парень инстинктивно обернулся на шум и отскочил в сторону — за миг до того, как рухнул бархатный занавес вместе с железным прутом, на котором он держался. Прут упал прямо на стул Рича и разбил его вдребезги. «Я остался цел и невредим, но в течение всей следующей недели при одном воспоминании об этом случае меня бросало в холодный пот, — писал Рич. — Если раньше у меня и были какие-то сомнения относительно духовного гида, то теперь они совершенно исчезли. Вы с ним спасли меня если не от смерти, то по меньшей мере от перелома шеи».

Вместе с письмом Рич прислал фотографию здорового розовощекого малыша. Мальчика назвали Израэль.

НОРА

Астма

Хроническая боль в спине

Тридцатипятилетняя Нора была на втором месяце беременности. Предыдущая закончилась выкидышем, и женщина решила сделать все, чтобы доносить следующего ребенка до конца — а для этого, кроме всего прочего, нужно было как следует позаботиться о своем здоровье. Нора с подросткового возраста страдала астмой. Кроме того, она надеялась избавиться от боли в спине, которая началась после довольно безобидного падения, когда женщина училась кататься на лыжах. С тех пор она больше и думать не хотела о лыжах и вообще терпеть не могла этот вид спорта. Она знала, что с беременностью боль в спине, вероятно, усилится, но обследовавший женщину специалист утверждал, что с ней все в порядке. Во время последнего визита к нему Нора так рассердилась на его заявление, будто она «просто представила себе эту боль», что не смогла удержаться и заявила: «Простите, очевидно, я занимаю ваше время проблемой, решить которую вам не под силу. Поэтому на следующей неделе я иду к экстрасенсу и уверена, она мне поможет». Он ответил, что если Нора хочет потратить деньги на «какого-то чокнутого экстрасенса», то он, конечно, не может остановить ее.

Поверьте, девяносто минут, проведенные со мной, стоили денег, которые она заплатила.

Ключ к своей астме Нора нашла почти мгновенно. Она вернулась в Англию, в 1110 год. Ей было четырнадцать лет. Девушка затаилась в углу крохотной холодной темной подвальной комнатки. Из-за тяжелого запаха сырости и плесени было трудно дышать. Нора скрывалась от преследователей. Если бы ее нашли, то заточили бы в тюрьму или казнили за то, что в те времена считалось «преступлением против церкви». Она принадлежала к небольшой тайной группе людей, поклонявшихся Матери-Богине. Они называли себя ессеями и изучали «колдовство», которое мы теперь называем фито- и ароматерапией. Однажды во время ночного богослужения их окружили правверные христиане, но девушке удалось сбежать. Спрятавшись в этом тесном подвале, Нора спаслась от преследователей, но надышалась спорами грибов и плесени, которые вызвали у нее целый ряд тяжелых легочных заболеваний. Она умерла четыре года спустя от острого плеврита.

Точку входа к болям в спине Нора нашла в 1822 году во Франции. Восемилетняя Нора была несколько маловата для своего возраста — такая же хрупкая и необыкновенно красивая, как ее мать, известная певица. Когда она родилась, ее брату, Жерару, было пять лет. Это был испорченный самонадеянный мальчишка, внешне похожий на их высокого симпатичного отца, который был владельцем нескольких ночных клубов, где пела мать Норы. До рождения девочки родители по вечерам всегда брали Жерара с собой в эти клубы. Мать в своих роскошных нарядах пела на сцене; отец ходил между столиками, приветствуя заискивающе-восторженных завсегдатаев, словно могущественный кукловод, оживляющий свою коллекцию забавных марионеток. Мальчика тем временем все

ублажали и обхаживали, словно особу царских кровей. Но вот на свет появилась Нора, и родители решили, что им проще нанять няню, чем таскать за собой двоих детей. Таким образом, выходы в свет для Жерара превратились, и ему пришлось довольствоваться вниманием и любовью родителей лишь в те непродолжительные часы, когда они бывали дома. С точки зрения Жерара, благоденствие в его жизни сменилось убожеством, и во всем была виновата эта непрощенная малявка. Он презирал сестру с самого начала. По отношению к ней он проявлял ледяное пренебрежение, либо старался причинить боль, если видел, что останется безнаказанным. Нора была достаточно здорова и независима, чтобы в очень раннем возрасте понять: ее брат — не очень хороший, его презрение к ней — это его проблема и она не позволит ему сделать ее несчастной. Нора и Жерар находились в состоянии необъявленной войны вплоть до восьмого дня рождения девочки. В тот день во дворе ее ждал сказочный праздник с клоунами, пони, музыкой, подарками и множеством друзей. Она как раз собиралась спуститься по длинной изогнутой лестнице со второго этажа их дома, но... внезапно в Жераре вспыхнула яростная ненависть, он подбежал к девочке сзади и изо всех сил толкнул ее в спину. Нора покатилась вниз по деревянным ступеням и приземлилась внизу, испытывая нестерпимую боль: у нее была переломана спина. Она успела заметить, как Жерар развернулся на верхней площадке лестницы и скрылся. Нора умерла прежде, чем приехал доктор.

Не так уж трудно увидеть сходство между падением с высокой лестницы и катанием по крутому склону на лыжах — особенно если это занятие для тебя ново и пугающе. Ее клеточная память не видела между этими вещами никакой разницы и послала клеткам женщины информацию о том, что результатом этого занятия станет жесточайшая травма спины, независимо от того, насколько легким окажется ушиб при падении. Позже Нора рассказывала мне, что всю жизнь боялась высоты: при подъеме по эскалатору у нее всякий раз потели ладони. Несколько лет назад при покупке дома она едва не довела своего мужа до бешенства, потому что отказывалась даже слушать про любое жилище, в котором было больше одного этажа.

Когда я проводила Нору через смерть от рук Жерара, она вдруг пробормотала:

— Мне нужно увидеться со своим ребенком.

— С тем, которого вы потеряли? — спросила я.

— С тем, которого вынашиваю. Это возможно? Я объяснила, что мы можем предложить встречу любому духу, но нет никакой гарантии, что этот конкретный дух откликнется на наше предложение. Духовного гида Норы звали Доминик. Я велела клиентке выбрать для встречи какое-то определенное место, описать его как можно подробнее, а затем попросить Доминика пригласить дух еще не рожденного ребенка туда для встречи.

Нора описала мостик над кристально-чистым ручьем посреди бескрайнего, изумительно красивого луга. Вдалеке она видела огромное белое мраморное здание, ко входу в которое ведет очень широкая лестница в мило длинной. Я спросила клиентку, знает ли она это место.

— Кажется, оно мне знакомо, — ответила она, — но я не могу сказать, где это.

Женщина оказалась у входа на Другую Сторону, где прежде бывала много раз. Но я не стала прерывать ее и говорить об этом. Мраморное здание вдалеке — это великолепный Дом Мудрости, первая остановка каждого вновь прибывающего с Земли.

Вначале Нора была одна. Затем возле нее появилась темноволосая женщина. У женщины была безупречная оливковая кожа, огромные карие глаза, округлое ангельское лицо и изящная фигура с осиной талией.

— Кто она? — спросила я. На лице Норы отразилось недоумение.

— Женщина говорит, что ее зовут Рашель и она — моя будущая дочь.

— Вы ей верите?

— Хотелось бы. Она красивая. У нее цвет кожи как у моего мужа, а глаза как у моей матери. Я просто не ожидала встретить взрослую женщину.

Улыбнувшись, я объяснила клиентке, что на Другой Стороне всем по тридцать лет. Но ей не обязательно верить моим словам, и даже словам Рашель. Через семь месяцев, когда родится ребенок, она узнает наверняка, было ли это переживание реальным или нет.

— Кто бы ни была эта женщина, она оказалась достаточно любезной, чтобы встретиться с вами, — заметила я, — так что узнайте, не хочет ли она сказать вам что-нибудь еще.

— Рашель хочет, чтобы я знала, что она — тот же ребенок, которого я вынашивала в прошлый раз. Тот момент оказался неподходящим для всех нас, но теперь все будет хорошо. Это наша пятая жизнь вместе. Дважды мы были лучшими друзьями, один раз — братьями, а в последний раз я была ее сыном. — После

паузы Нора добавила: — Она говорит, что ей не терпится вернуться на землю. Я должна родить в ноябре (это правда), но она родится за три недели до срока.

Встреча с еще не рожденным ребенком была исключительно отчетливой и реальной. Но как призналась Нора, возможно, она сама все выдумала, побуждаемая отчаянной надеждой, что в этот раз ее беременность протечет успешно. Скептицизм женщины был обусловлен исключительно тем, что она боялась во все это поверить. Я заверила женщину, что не могу упрекать в скептицизме ни ее, ни кого бы то ни было, поскольку сама — скептик. Но тем не менее я попросила ее не забывать, что и Рашель, и я, медиум-ясновидящая, обещаем, что в октябре у нее родится здоровая девочка. А правильно ли это предсказание, покажет время.

Однако первых результатов регрессии не пришлось ждать так долго. Через месяц Нора сообщила мне, что ее астма и боль в спине полностью прошли. Женщина уже сама, вслед за своим врачом, начала думать, что, возможно, она «просто представляла себе» все эти болезни.

И, что гораздо важнее, через семь месяцев я получила от Норы известие о рождении ребенка. Это была совершенно здоровая девочка весом в четыре килограмма. Малышка родилась 24 октября, ее назвали Рашель, и у нее была оливковая кожа отца и большие карие глаза бабушки по матери.

Я уверена, что однажды Нора расскажет своей дочери о том, как еще до ее рождения они встречались на мостике над кристально-чистым ручьем неподалеку от белого мраморного здания. И если это произойдет, пока Рашель будет еще маленькая, возможно, девочка вспомнит о встрече.

Нет сомнений, что не поддающиеся диагностике заболевания и боли без объективных причин представляют исключительно важную проблему для моих клиентов и врачей, которые их направляют. Но следует повторить: клеточные воспоминания *не* являются причиной абсолютно всех заболеваний, и ни один экстрасенс, включая меня, не сможет заменить профессиональных работников здравоохранения. Я нередко повторяю, что врачей тоже сотворил Бог, и не устаю напоминать, что хочу работать вместе с ними, а не вместо них. Поэтому, пожалуйста, внимательно относитесь к своему физическому и психическому здоровью, а если что-то не в порядке, то помните: я рада каждому клиенту, который пересекает порог моего кабинета.

Часть 4

ПОЗИТИВНЫЕ КЛЕТОЧНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ И КЛЕТОЧНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ ИЗ НЫНЕШНЕЙ ЖИЗНИ

Обратите внимание: мы не случайно говорим клеткам нашего тела, чтобы они отпустили в белый свет Святого Духа именно *негативные* воспоминания из прошлых жизней. Наш сверхсознательный ум одарен совершенной памятью. Он помнит все, что испытал. Естественно, он помнит о пережитой боли. Но кроме этого, он помнит о счастье, ликовании, здоровье и покое, которые ему довелось испытать на Земле и на Другой Стороне. Все эти позитивные воспоминания являются очень ценными для нашей нынешней жизни.

Если уж речь зашла о нынешней жизни, то пусть у вас не создается впечатление, будто все клеточные воспоминания, на которые мы непрерывно реагируем, приходят к нам только из прошлых жизней. Наша реальность не ограничена содержанием воспоминаний сознательного ума, — она представляет собой смесь сознательных и бессознательных воспоминаний о каждом мгновении, прожитом сверхсознательным умом, которые он передает клеткам. Наш сознательный ум очень хрупок, забывчив и милосерден к себе. Он всеми силами старается поверить в то, во что хочет верить, истолковывает факты в свою пользу, и поэтому ему совершенно невозможно доверять, когда речь идет о его реальном опыте. Если предположить, что все случившееся с нами ограничено содержанием наших сознательных воспоминаний, то получится, что никто из нас не бывал в утробе матери, не проходил через процесс рождения и начинал свою нынешнюю жизнь приблизительно в трехлетнем возрасте. Однако наш сверхсознательный ум хранит все воспоминания — негативные и позитивные — как из прошлых жизней, так и из нынешней, — и клетки тела пользуются этой информацией.

Джилл

Перекрестки карьеры

Джилл было тридцать четыре, и она добилась весьма значительного успеха в жизни. В возрасте двадцати одного года, сразу после окончания колледжа, ее приняли на работу в крупную маркетинговую фирму на Среднем Западе. Она уверенно поднималась по административной лестнице и теперь занимала достаточно высокий пост в правлении компании. Шесть лет Джилл состояла в браке, после чего они с мужем расстались друзьями. Детей у них не было. Свою часть денег от продажи их дома женщина потратила на приобретение маленького уютного домика в небольшом городе. Джилл интенсивно общалась с людьми и вела далеко не затворнический образ жизни. Но поскольку ей приходилось много работать и ездить в командировки, она отнюдь не горела желанием найти, а тем более впустить в свою жизнь нового мистера «Идеал».

У женщины была лишь одна проблема: она не испытывала счастья от своей работы.

— Мне нередко кажется, что я просто неблагодарная, — рассказывала клиентка, — ведь я знаю, что очень удачлива, знаю, что мне не на что жаловаться. Но вот уже кого лет моя жизнь похожа на фильм. Работа занимает мою голову, но не трогает сердце. И я все отчетливее

осознаю, что жизнь слишком коротка, чтобы прожить ее вот так — не вкладывая страсти. Я бы не колеблясь поменяла работу, если бы нашла дело, которое смогла бы делать хорошо и в то же время вкладывать в него всю душу.

— Обеспечение правопорядка, — сказала я.

— Я серьезно, — ответила Джилл.

— Я тоже, — настаивала я. — Вы хорошо разгадываете головоломки, отыскиваете ключи к секретам, раскрываете тайны и тому подобное. И я сомневаюсь, что кому-либо удавалось с успехом врать вам. Вы прирожденный детектор лжи. Из вас вышел бы замечательный детектив. Поверьте мне, — а я достаточно много работаю с организациями, обеспечивающими правопорядок, — в этой сфере вас наверняка оценили бы по достоинству.

Мои слова скорее позабавили ее, чем убедили.

— Не знаю, Сильвия, по-моему, способность отличать ложь от правды — это еще далеко не все, чтобы стать копом.

— Джилл, чтобы заниматься обеспечением правопорядка, вовсе не обязательно быть «копом», — заметила я. — Вы спросили у меня, какое дело могли бы делать хорошо и в то же время вкладывать в него всю душу, и я вам ответила. Вы несчастны потому, что работа в сфере маркетинга не позволяет вам реализовать свою жизненную тему. А ваша жизненная тема — Правосудие.

— Правосудие? — Она не спорила. — Да, действительно, с этим я согласна. Больше всего на свете меня бесит, когда человеку, совершившему нечестный поступок, удается выйти сухим из воды. Я всегда задумывалась, откуда у меня это.

Я предложила ей это выяснить, и Джилл улыбнулась, явно заинтригованная.

Двадцать минут спустя она оказалась в крупном городе Новой Англии. Шла весна 1923 года, и в той жизни Джилл оказалась сорокадвухлетним мужчиной по имени Морган. Женщина не знала точно, имя это или фамилия, но все называли его именно так. Морган был имевшим частную практику врачом-терапевтом. Неумолимым и фанатично ответственным. При необходимости он готов был преодолеть любые расстояния, спеша к нуждающемуся в помощи пациенту. Морган был женат на сварливой, вечно недовольной женщине по имени Гаспер, которая горько жаловалась, что ей довелось выйти замуж за «единственного бедного врача на всем восточном побережье». Она злилась, что муж проводит слишком много времени на работе, и еще сильнее злилась, когда он бывал дома. Чтобы выразить свое недовольство мужем, Гаспер непомерно тратила деньги, заводила любовников и забирала лекарства из аптечки, которую врач держал дома для срочных вызовов. Нередко она делилась наркотическими препаратами со своими любовниками.

Однажды утром Гаспер нашли дома избитую до смерти, со свежими следами от уколов на руке. Моргана немедленно арестовали и обвинили в убийстве первой степени. Все понимали, что у него есть мотив для убийства. Кроме того, следов насильственного вторжения в дом не обнаружили, а наркотики и шприц были явно взяты из домашних запасов врача. Поскольку всю эту ночь Морган провел в разъездах от одного пациента к другому, надежного алиби у него не было. Однако он не убивал ее. Разве мог он, посвятивший всего себя спасению людских жизней, кого-то убить? Но даже адвокат врача думал, что тот виновен, и устранился от дела, когда Морган отказался от «чистосердечного признания». Готовясь защищать себя перед судом самостоятельно, Морган провел с помощью друзей собственное тщательное расследование убийства, нашел факты, которые ускользнули от внимания полиции, и добился оправдания. Он сумел доказать, что настоящим

убийцей был женатый любовник Гаспер. Он пытался порвать с ней, и тогда женщина пригрозила, что расскажет обо всем его жене.

После регрессии Джилл с большим интересом говорила о пережитом.

— Знаете, — сказала она, усмехнувшись, — примерно так я и действовала бы в подобных обстоятельствах.

— А может быть, вы так на самом деле и *действовали*? — спросила я.

Она пожалала плечами, не отвергая эту идею, но все же относясь к ней скептически.

— К тому же, — продолжала я, — это прекрасно объясняет происхождение вашей темы Правосудие. Благодаря клеточной памяти, мы обнаружили, что незаурядный талант к разгадыванию запутанных задач достался вам еще из прошлой жизни. Использовать этот талант по назначению или нет, — решать вам. Вы пришли ко мне, чтобы посоветоваться по поводу смены карьеры. Вы услышали мое мнение, узнали собственное прошлое, и теперь вам следует подумать о работе, так или иначе связанной с обеспечением правопорядка.

Джилл дала о себе знать через четыре года после сеанса. Время от времени я думала о ней. Хотя у меня не возникало ни малейших сомнений в правильности *чтения* и регрессии, я понимала, что женщина не может отмахнуться от своего опыта, сочтя все происшедшее во время сеанса полной чепухой. Поэтому мне было особенно приятно, когда я получила письмо с благодарностью, к которому была приложена визитная карточка с ее именем и словами «частный детектив». В письме Джилл писала, что теперь она зарабатывает меньше, чем на должности специалиста по маркетингу, но зато чувствует себя счастливой и нужной людям. Недавно к числу ее быстро растущего списка клиентов прибавилась одна очень солидная юридическая фирма. Я полностью согласна со словами, которыми Джилл закончила свое письмо: «Просыпаясь каждое утро, я с нетерпением предвкушаю грядущий день. Вот *это* и есть успех».

СЕТ

Болезнь его ребенка

Тридцатилетний Сет имел прекрасную дочь по имени Эшли Роуз. Когда он пришел ко мне, девочке было четыре года.

Сразу после окончания средней школы Сет пошел работать в авторемонтную мастерскую отца и вскоре женился на своей однокласснице Джанис, матери Эшли Роуз. Они оба много работали, — Джанис была парикмахером, — жили просто и всей душой хотели ребенка. Эшли Роуз родилась на восьмом году их супружеской жизни, и не было на Земле пары, которая радовалась бы рождению дочурки и любила ее больше, чем они. Однако в три года, без всяких видимых причин и при отсутствии генетической предрасположенности, у девочки обнаружилось редкое заболевание почек. Она была крепким ребенком, но скоро стало очевидно, что без пересадки почки малышку не спасти.

— Мне нужно знать, сумеют ли врачи найти донора и выздоровеет ли моя дочурка, — сказал мне Сет. — И пожалуйста, не давайте мне ложной надежды. Мне нужна только правда, какой бы она ни была. Потому я и обратился именно к вам. Я видел вас по телевизору. Похоже, вы не из тех, кто станет скрывать плохие новости. Вы скажете мне правду: а я только этого и хочу.

— Врачи найдут донора, Сет. Примерно через четыре месяца. Донор найдется именно в той больнице, где ваша дочь лежит сейчас. Первый тест на совместимость окажется отрицательным, но вы настаивайте на повторении теста. Во второй раз результаты будут положительными, и операция пройдет успешно. С вашей дочерью все будет в порядке.

Он испытывающе посмотрел на меня и улыбнулся:

— Вы действительно так думаете?..

— Да. Именно так, — ответила я. — Я обещаю вам это. Девочка выдержит испытание. Но вы беспокоите меня гораздо больше, чем она.

— Только не говорите, что у меня что-то не в порядке, — возразил Сет.

— Не в физическом смысле. Проблем со здоровьем тела у вас нет. Но на душе у вас очень тяжело, хотя вы пытаетесь никому этого не показывать.

— Тяжело мне, тяжело моей жене, всем нам тяжело, — парировал он, почти оправдываясь. — Да и может ли быть иначе?

— Я сейчас не буду говорить обо всей вашей семье, хочу поговорить о вас лично. — Я старалась, чтобы мой голос звучал ровно и спокойно. Сет не собирался открыться мне, а я не хотела давить на него. — Пожалуйста, расскажите мне о том, что произошло вчера... Он был поражен:

— Откуда вы знаете, что произошло вчера?

— На то я и экстрасенс, — улыбнулась я. Он несмело улыбнулся в ответ, и я продолжила: — Вы так быстро вчера выбежали из больницы... Может быть, расскажете, в чем дело, или вы хотите, чтобы об этом рассказала я?

Он попытался отделаться словами:

— Я ненавижу больницы.

— Никто не любит больниц, — заметила я. — Но не всех случаются приступы панического ужаса при посещении больниц.

Сет посмотрел в сторону и запустил пальцы в волосы, выдавая этим жестом, насколько он устал и обескуражен.

— Я не могу ничего понять. Бессмыслица какая-то. Я не могу даже приблизительно сказать, сколько времени я в этом году провел с Эшли в разных больницах. Я за нее очень боялся. Это был самый настоящий кошмар, но я

старался держаться. А вот вчера Джанис осталась у Эшли в палате, а я шел по коридору за кофе для нее. И тут до меня донесся разговор двух медсестер. Одна сказала: «Не думаю, что она выживет». А другая ответила: «Я тоже», что-то в этом роде. Только и всего. У меня даже нет оснований полагать, что они говорили о моей дочери. Но я вдруг просто окаменел. Я не мог сделать ни шагу. Меня прошиб холодный пот, затрясло, голова закружилась, в ушах зазвенело, ноги стали как ватные, и я подумал, что грохнусь в обморок. Вы скажете, что больница — не худшее место для того, чтобы падать в обморок, но у моей жены и без того проблем хватает. Нельзя было ее так пугать, поэтому я развернулся, со всех ног бросился прочь, залез в машину и просидел там два часа, пока не собрался с духом, чтобы вернуться в палату к Эшли и хотя бы сделать вид, будто со мной все в порядке.

Я спросила, рассказал ли он о случившемся жене.

Сет отрицательно покачал головой.

— Я никому ничего не говорил. Мне стыдно.

— Почему?

— Моя дочь очень больна, и жена устала не меньше меня. За эти два часа могло случиться все что угодно, а где был я? Испуганный до смерти, отсиживался в машине и пытался отдышаться — я раньше никогда не считал себя слабаком и жалким трусом. Ужасное ощущение.

— Вы не слабак, Сет, — заверила я его. — А приступы панического страха не возникают на ровном месте. Что-то послужило толчком для этого, не сомневайтесь.

— А вы можете сказать что?

— Будет больше пользы, если вы скажете мне это сами. Хотите попробовать?

Да, он очень хотел. Сет был открыт всему, что может помочь. Когда я начала сеанс и увидела, насколько легко он поддался гипнозу, я в тысячный раз подумала о том, какая замечательная штука человеческий ум. Чем больше забот и боли обрушивается на него, тем более восприимчив он к возможности осмыслить эту боль и исцелиться.

И еще я подумала о том, насколько уязвим ум и насколько безобразно поступают психо- и гипнотерапевты,

которые подталкивают его к выводам, не имеющим ничего общего с правдой. Мы не раз слышали о том, как люди под гипнозом «вспоминают» все что угодно — от собственных детских капризов до убийств, совершенных родителями. Некоторые из этих воспоминаний действительно отражают реальность, но столь же часто они отражают всего лишь стремление гипнотерапевта заработать себе имя за счет клиентов. Различие обычно кроется не в словах клиента, а в вопросах и комментариях гипнотерапевта. Поэтому я *всегда* выдаю клиентам кассету с записью сеанса, чтобы они сами или кто-либо другой могли потом прослушать пленку и убедиться, что все их воспоминания проявились совершенно спонтанно, без подсказок и наводящих вопросов с моей стороны.

Мы с Сетом отправились к началу его нынешней жизни, за пределы сознательных воспоминаний, в младенчество, продвигаясь к его рождению, которое служит воротами в прошлую жизнь. Вдруг он остановился на возрасте в восемнадцать месяцев. Сет вспомнил, что был тогда очень болен и слаб. Его крохотное сердце то и дело давало перебои, а сам он лежал в больничной палате, в окружении приборов и незнакомых людей с белыми масками на лицах. Мама и папа много времени проводили с ним, но однажды, когда их не было, он услышал разговор медсестер возле своей кровати. Медсестра, менявшая ему пеленку, сказала: «Бедный малыш, надеюсь, у него все будет хорошо». А медсестра, листавшая его карточку, ответила: «Судя по тому, что я слышала от врачей, надеяться не на что». Сет вспомнил беспомощный ужас, овладевший им, когда он это услышал. Малыш лежал, не в силах ни сказать что-либо, ни пошевелиться. Ему стало невыносимо больно оттого, что кто-то так беззаботно говорит при нем такие страшные вещи, будто его уже и нет на свете. Но со временем ужас превратился в гнев, и в ребенке созрела решимость выжить. Через неделю, благодаря смене медикаментов, Сет выздоровел и вернулся домой.

Когда мы беседовали с Сетом после регрессии, он признался, что ошеломлен тем, насколько яркими были эти воспоминания. Родители рассказывали, что малы-

шом он лежал в больнице с сердечными приступами, но он понятия не имел об их причине и, конечно, у него не осталось сознательных воспоминаний о случившемся.

— У вас была сильнейшая аллергия на молоко, — сказала я. — Спросите у своих родителей, они подтвердят. Слава Богу, кто-то оказался достаточно квалифицированным, чтобы прийти к такому выводу. Но обратите внимание на параллель между тем, что сказала медсестра около вашей кровати в больнице, и беседой, которую вы услышали вчера в коридоре больницы. Так же как и в младенчестве, вы почувствовали страх и беспомощность. Вы снова находились в больнице. Все это вместе послужило толчком для того, чтобы вас снова объял тот же смертельный ужас, который вы испытали, то же чувство, что и двадцать восемь с половиной лет назад.

— Или, возможно, я спроецировал этот ужас на Эшли Роуз и на мой страх лишиться ее, — добавил мужчина.

— В том, что случилось в детстве, есть еще один момент, на который я хотела бы обратить ваше внимание, Сет.

Он спросил, что я имею в виду.

— Будучи еще младенцем, вы не сдались обстоятельствам и вступили в отчаянную битву с аллергией, от которой гибнут многие малыши. Вы сумели победить смерть, несмотря на то что некоторые уже считали эту битву проигранной. Это ничуть не похоже на поведение слабака и жалкого труса, каким вы себя недавно называли.

— Правда, — сказал Сет, усмехнувшись. Покидая офис, он дал мне три обещания: первое —

сообщить мне, почему он лежал в больнице, когда ему было восемнадцать месяцев. Второе — предупредить персонал больницы, чтобы они не произносили при Эшли Роуз ни одного негативного слова. И, наконец, — сообщить мне о ее самочувствии и о поисках донора.

Сет выполнил первое обещание. Он выяснил у родителей, что лежал в больнице из-за сердечных приступов, причиной которых была аллергия на молоко.

Выполняя второе обещание, Сет рассказал врачам и медсестрам о нашем сеансе регрессии. Заинтересовавшись, некоторые из них начали постоянно давать позитивные установки Эшли Роуз и другим тяжелобольным детям в педиатрическом отделении, даже во время сна. Через некоторое время врачи отметили «из ряда вон выходящее» (их определение) улучшение в состоянии детей.

Осталось обещание номер три. Я как раз была с лекциями в Сен-Луисе, когда позвонил Сет. Едва поднеся трубку к уху, я услышала в голосе мужчины волнение.

— Знаете, вы ошиблись! — провозгласил он таким радостным тоном, что мне и в голову не пришло беспокоиться.

— Это бывает, — ответила я. — Экстрасенс, который скажет вам, что никогда не ошибается, — лжец. Так в чем же конкретно я ошиблась?

— Вы сказали, что донор для Эшли Роуз найдется через четыре месяца. А прошло всего три.

Операция прошла успешно, и врачи официально заявили, что «опасность уже позади».

Иногда мне досадно, когда я ошибаюсь. Но это был не тот случай.

КЭРРИ

Ее беременность

Для меня каждое *чтение*, каждая регрессия — удивительное событие. Каждое из них уникально и представляет собой особую жизненную историю. Каждое важно и содержит в себе неисчерпаемый потенциал для открытий, расширяет мои знания и, надеюсь, знания клиентов. И каждое приносит столько результатов — больше или меньше, — сколько хочет клиент. И во время сеанса мне удается на миг самой узреть проявления той сверхсознательной магии, которую я стремлюсь показать клиенту, — и я снова радостно осознаю, что благоговению покорны все возрасты.

Кэрри было лет двадцать пять. Блондинка с гривой длинных прямых волос, которые наверняка вызывали восхищение или зависть у окружающих. Кэрри была замужем, на седьмом месяце беременности, и была наполнена жизненной силой.

— Прежде чем мы начнем, — сказала она, усевшись, — хочу спросить: вам не кажется, что мы знакомы?

Это один из моих самых нелюбимых вопросов. Дело в том, что у меня не очень хорошая память на лица и имена. К тому же мой образ жизни отнюдь не способствует развитию такой памяти.

— Простите, нет, — ответила я. - А что?

— Увидев вас по телевизору впервые, я разрыдалась. И это повторяется каждый раз.

— Мне известно, что я вызываю у людей самую разную реакцию, — сказала я. — Но чтобы кто-то рыдал — это новость. Я что-то не то сказала?

Женщина отрицательно покачала головой.

— Это началось прежде, чем вы успели произнести хоть слово. Как будто я встретила старого друга: на меня внезапно нахлынула огромная волна радости и покоя, хотя я уверена, что мы никогда раньше не встречались. Возможно, я знала вас в прошлой жизни... В общем, увидев вас по телевизору, я сразу же позвонила вам в офис, записалась на сеанс, и вот, почти через два года, подошла моя очередь.

Хочу отметить: мне очень не нравится, что у меня такая длинная очередь, но, к сожалению, я не знаю, как это исправить.

Так или иначе, мы не стали выяснять, почему она меня сразу узнала, сойдясь на том, что это просто еще одна маленькая тайна жизни, и сразу перешли к *чтению*. Это была ее первая беременность, и несмотря на то, что женщина фанатично заботилась о своем здоровье и о здоровье будущего ребенка, ей все-таки хотелось убедиться, что роды пройдут успешно и ребенок будет крепенький.

— Как вам нравится вес четыре килограмма сто грамм? — Я улыбнулась. — По-вашему, это достаточно

крепенький ребенок? — Она усмехнулась и застонала в напускном отчаянии. — Вы уже знаете пол?

Утвердительно кивнув, Кэрри спросила: «А вы?»

— Девочка, — ответила я.

— Хорошо бы, — заметила женщина, — иначе получится, что я потратила уйму времени впустую, вышивая

имя «Ребекка» на всем, что только попадается мне под руки. Мы хотим назвать ее в честь моей матери.

— Ваша мать была высокой стройной блондинкой с длинными ногами и телом модели и безупречной осанкой?

Она забирала волосы в хвостик и очень громко смеялась? — спросила я.

— А что?

— Мать сейчас стоит рядом с вами. И она очень рада, что у вас будет ребенок.

— Могу подтвердить все, что вы только что сказали, кроме громкого смеха, — сказала клиентка. — Она умерла, когда мне было четыре года. У меня миллион фотографий мамы, но ее смеха я не помню. — Женщина помолчала и добавила: — Наверное, мне не стоит надеяться, что...

— Что она вернется к вам в теле дочери, которую вы вынашиваете? Нет, Кэрри, это не она. Но мать будет рядом с вами, можете на это рассчитывать. Присматривайтесь к своей малышке, когда она будет глазеть на что-то невидимое для вас, смеяться без особой причины или разговаривать с кем-то незримым. Ваша девочка будет видеть свою бабушку так же отчетливо, как вас.

— Все отдала бы за возможность поярче вспомнить свою мать, — сказала Кэрри, обращаясь не столько ко мне, сколько к себе самой. — Видимо, она была совершенно необыкновенной женщиной. Родственники не раз рассказывали мне самые замечательные истории о маме, но мне хотелось бы иметь о ней хотя бы одно собственное воспоминание, чтобы рассказать дочери о бабушке, в честь которой мы ее назовем.

Лучшего повода для регрессии и не придумаешь, и Кэрри очень обрадовалась возможности узнать что-то о матери не из вторых рук. Через несколько минут она была уже в своем детстве. Их семья тогда жила в Огайо. Кэрри лежала на кровати в своей желтой спальне, окруженная мягкими игрушками. В этот день девочке исполнилось четыре года, и она обнимала особенно полюбившийся ей подарок: синего пуделя в натуральную величину. Мать сидела возле кровати в темно-зеленой сатиновой пижаме. Ее волосы были распущены, и Кэрри почувствовала, как они легонько коснулись ее щеки, когда мама склонилась над ней, чтобы поправить одеяло.

— Она что-нибудь говорит? — спросила я.

— Она поет, — сказала клиентка, затем прислушалась, улыбнулась и добавила: — У мамы тихий хрипловатый голос и она все время фальшивит. Но ее это ничуть не смущает, да и меня тоже.

— Вы слышите, что она поет?

— Не очень понятно, но похоже на... — Она замолчала, снова прислушалась, затем усмехнулась: — Думаю, это песня «Битлз».

— Хороший вкус.

— Песня «Сад осьминога» — «Octopus's Garden». Мы обе рассмеялись. Из всех песен «Битлз» ее мама

выбрала в качестве колыбельной именно «Octopus's Garden». Мне даже стало немного грустно, что я сама не знала эту женщину.

Вдруг Кэрри быстро коротко вздохнула и объявила:

— Подождите, я кое-что вспомнила. Когда я была маленькой, у меня часто повторялся один сон. По-моему, это началось уже после того, как заболела моя мама... Но мне это не казалось сном: будто бы я летаю по ночам по свету и навещаю разных людей.

Зная, что именно это она и делала, я спросила:

— Словосочетание «астральное путешествие» что-то говорит вам?

— Да, очень похоже. Я помню, как мой дух разбегался маленькими шажками, а затем подпрыгивал и взмывал вверх, как это делает перед взлетом Супермен из фильма. Я не оглядывалась и не смотрела на свое тело, лежащее на кровати; мне нравилось лететь над землей и видеть под собой верхушки деревьев. И еще я помню женщину, которую мне нравилось посещать больше всего. Она ждала меня около водопада посреди прекрасного сада. Она высокая, сильная, пышногрудая, ее глаза излучали мудрость и сострадание. И как бы мне ни было грустно, она всегда умела меня развеселить и каждый раз говорила: «Со мной ты в безопасности», — и я действительно чувствовала это. Видимо, она была моей воображаемой подругой или что-то вроде этого. Наверное, я встречалась с ней часто, потому что помню, как, просыпаясь по утрам, нередко подбегала к маме и говорила: «Сегодня ночью я опять летала к Белочке».

Я подумала, что ослышалась, и переспросила:

— Летали к кому?

— К Белочке, — повторила Кэрри. — Не помню, откуда я взяла это имя, но помню, что ее так звали.

Это был один из тех редких моментов, когда я просто лишилась дара речи. А затем рассказала Кэрри, что именно такое прозвище — Белочка — мне дали на Другой Стороне. Я могла бы списать это все на случайное совпадение, если бы верила в случайности и если бы женщина, увидев меня, не почувствовала себя сразу легко и уютно, словно в обществе старой знакомой. Меня согревает мысль, что во время сна моя душа отправляется к водопаду на Другой Стороне, чтобы встречаться с душами детей и будущих клиентов, даря им ощущение безопасности, пусть даже это продолжается всего несколько мгновений.

Через два месяца у Кэрри родилась дочь, Ребекка. Она весила четыре килограмма двести грамм. Опять ошибка: я промахнулась на сто грамм. Надеюсь, девочке нравится песня «Octorpus's Garden», поскольку подозреваю, что в ближайшие несколько лет ей придется часто слушать ее на ночь.

ДЖЕЙН

Проблемы в супружеской жизни

Я узнаю что-то новое почти на каждом сеансе, и час, проведенный в обществе Джейн, не был исключением. Всем нам приходилось встречать людей, к которым мы с первого взгляда испытываем взаимную неприязнь и раздражение без всяких на то причин — особенно когда приходится часто бывать вместе. Думая об этих людях, я всякий раз вспоминаю случай Джейн.

Джейн рассталась со своим мужем Райаном, пробыв с ним в браке всего четыре года. Оба были хорошие трудолюбивые люди и очень любили друг друга. Неразрешимая на первый взгляд проблема, которая привела к разрыву, была настолько банальна, что, излагая ее, Джейн даже виновато улыбнулась: ее свекровь, Сандра, оказалась настолько вздорной и докучливой, что Джейн пришлось уйти из дому. Женщина пришла ко мне в надежде услышать, что Сандра либо будет жить отдельно от них, либо — еще лучше — провалится сквозь землю.

— Я понимаю, нелепо позволять кому бы то ни было задеть тебя за живое настолько сильно, чтобы уйти от мужа, — признала она. — Но я больше не вытерплю этого ни минуты. Райан — единственный ребенок в семье, и мать всегда была рядом с ним. Она овдовела как раз в то время, когда мы с Райаном встречались, нам было ее жалко, и мы взяли за правило один-два раза в неделю приглашать Сандру пообедать с нами. Оглянуться я не успела, как мы стали практически неразлучны. Я попросила ее помочь нам в организации свадьбы. Но кто мог знать, что она абсолютно все устроит исключительно по-своему? Она выбрала церковь, священника, цвета наших нарядов и нарядов свидетелей, музыку, меню, оркестр. Сандра без моего ведома даже заменила черные лимузины, которые я заказала для церемонии, на белые, потому что она, видите ли, находит черные лимузины слишком мрачными.

Я перебила клиентку, уже зная, что последует дальше:

— Дайте-ка я угадаю: стоило вам пожаловаться Райану, как он сказал, что вы неблагодарны — ведь его мать взвалила на свои плечи все заботы. — Клиентка кивнула. — Скажите пожалуйста, а она не отправилась вместе с вами в свадебное путешествие?

— О нет, — сказала Джейн, — это было бы слишком просто! Вместо этого через три дня после нашего отъезда она решила внезапно почувствовать боль в груди и лечь в больницу. Нам пришлось немедленно вылетать домой.

— Изжога? — спросила я, заранее зная ответ.

— Изжога, — подтвердила Джейн.

Это было только начало. Беспокоясь о здоровье матери и желая, чтобы она не чувствовала себя одинокой, Райан снял матери квартиру в двух кварталах от их с Джейн нового дома и дал ей ключи. Этого было достаточно, чтобы свекровь сочла их дом своим. Ее присутствие ощущалось постоянно, она никогда не стучалась, прежде чем войти, и тем более не уведомляла о своем приходе по телефону. Кроме того, свекровь взяла в свои руки все домашнее хозяйство, называя это «помощью». Она переставила по своему вкусу мебель во всем доме — в гостиной, в кухне и даже в спальне невестки. Когда Джейн и Райан на два дня уехали в командировку, она устроила им «сюрприз»: поменяла ковры во всем доме, причем такого цвета, который Джейн терпеть не может. Она даже наняла служанку под тем предлогом, что Джейн «не слишком усердна в уборке». Оставаясь наедине с сыном, Сандра жаловалась, что его жена недостаточно смотрит за домом. Однако с Джейн она была неизменно мила — но только до тех пор, пока в комнате находился Райан. За спиной у сына Сандра нередко вела себя с невесткой подло, жестоко и пренебрежительно. А если Джейн говорила что-то в ответ на ее колкости, Сандра немедленно пересказывала это сыну, обычно со слезами оскорбленной невинности на глазах, и это неизменно приводило к скандалам между супругами.

— Он постоянно говорит: «Мать делает для нас все, что может, она любит тебя всем сердцем, а в ответ получает только обиды. Если у тебя есть какие-то проблемы, постарайся с ними поскорей разобраться». Наконец я решила, что единственный способ покончить со всеми этими проблемами — это уйти. Но я искренне люблю своего мужа и знаю: если бы мы жили вдвоем, то были бы прекрасной парой. Пожалуйста, скажите мне, появится ли у нас такой шанс? Или мне следует строить свою жизнь, не рассчитывая на это?

— Думаю, нет нужды говорить, что Сандра вас не любит и отлично понимает, что делает. И в тот день, когда вы ушли, она праздновала победу, — сказала я. — Но это не просто мать-собственница, не желающая дать свободу своему сыну. Тут речь идет об очень личных отношениях между вами и ею. У вас изумительное общее прошлое.

— Что вы имеете в виду? Я убила ее в прошлой жизни, а в этой она пытается взять реванш? Или, еще лучше, в прошлой жизни она сделала со мной что-то ужасное, а в этой я должна стать орудием возмездия и убить ее? — полусерьезно спросила Джейн.

Прежде чем ответить, рассмеялась.

— Если я скажу, вы ни за что не поверите. Почему бы вам не отправиться в прошлое и не увидеть все самой?

Она охотно согласилась и вскоре уже возвращалась сквозь свою жизнь — сначала в юношество, затем в счастливое детство и наконец в лоно, которое она не хотела покидать и врачам пришлось стимулировать роды через пять дней после срока. Затем я велела ей отправиться в точку входа, где была объявлена эта война нервов между нею и Сандрой. Джейн долго молчала, затем на лице ее отразилась растерянность.

— Я вижу себя и Сандру, — произнесла она.

Я спросила, что они делают.

— Смеемся. Мы любим друг друга. Мы очень близкие подруги, — даже под гипнозом она говорила об этом с некоторым недоверием. — Мы работаем вместе. Ухаживаем за животными. Они не сидят в клетках, а свободно ходят по этой зеленой долине, окруженной горами. Воздух свеж, небо — закатного цвета. Так красиво... просто чудо.

— Вы можете определить, какой год? — спросила я. Немного подумав, Джейн ответила:

— Год? Нет никакого года. Тут нет времени. Тут просто сейчас.

Это могло быть только одно место...

— Где вы, Джейн?
— Я Дома, — ответила женщина, — на Другой Стороне. — Ее голос был полон благоговения.
— Итак, на Другой Стороне вы с Сандрой подруги. Джейн кивнула.
— Мы разговариваем. Строим планы.
— Какие планы? Вы можете услышать о чем?
— Мы решили провести следующую жизнь на Земле вместе. Нам обсем нужно кое-что прочувствовать и проработать. Мы очень хорошо понимаем друг друга и поэтому собираемся составить наши планы так, чтобы работать над этим вместе. Мы позаботились о том, чтобы не облегчать свою задачу, и о том, чтобы нам нелегко было расстаться прежде, чем мы усвоим урок.
— И что же это за урок?

Она рассмеялась, причем хохотала до того заразно, что засмеялась и я.

Наконец она произнесла название жизненной темы, которую они с Сандрой договорились проработать во время этого пребывания па Земле:

— Терпение.

По окончании сеанса регрессии мы снова смеялись.

— Терпение, — повторила Джейн. — Иными словами, я сама попросила Сандру вмешаться в мою жизнь и изводить меня, чтобы я научилась все это терпеть. — После паузы она добавила: — Бедный Райан.

— Почему же он бедный?

— Потому что он — невинная жертва в этой ситуации, разве не так? Такой замечательный человек, а мы выбрали его для того, чтобы он связал нас друг с другом.

— Теперь вы знаете, почему он такой замечательный, — заметила я. — Если бы он был каким-нибудь ничтожеством, вы, вероятно, давным-давно ушли бы от него. Да и Сандре было бы не так трудно его отпустить.

Узнав обо всем, Джейн решила вернуться к мужу и попытаться наладить совместную жизнь.

— В конце концов, — сказала она, — кто знает, выпадет ли мне еще в жизни возможность выйти замуж за такого замечательного парня?

— Не стану с вами спорить, Джейн, но должна предупредить: Сандра никуда не денется. На самом деле она будет жива и здорова еще тридцать два года. Вы уверены, что сможете с ней поладить?

— Если воспринимать ее как свекровь — тогда нет. Но если относиться к ней как к старой подруге, с которой мы заключили договор?.. Тут я что-нибудь придумаю.

Джейн вернулась к Райану. Сандра по-прежнему невыносима. И всякий раз, когда Джейн кажется, что у нее больше нет сил терпеть все это и она вот-вот взорвется, женщина вспоминает, как они с подругой все это тщательно планировали на Другой Стороне. Тогда Джейн, смеясь от всей души, прощает Сандру.

— Это хорошо с двух сторон, — сказала я Джейн, когда через несколько месяцев после регрессии она позвонила мне, чтобы рассказать, как идут дела. — С одной стороны, это очень хорошо для вашего духовного развития. А с чисто человеческой точки зрения, это должно доводить вашу свекровь до бешенства.

Она пыталась подавить смехок, но все-таки я его услышала.

— Сильвия, вы узнали о нашем договоре тогда же, когда и я. Я возвратилась в семью не только для того, чтобы самой учиться терпению, но и для того, чтобы учить тому же и Сандру. Разве по-дружески я поступала бы, если бы не давала подруге возможности проявить это столь важное для нас обеих качество?

Знаете, я до сих пор вспоминаю о Джейн с улыбкой.

ЧЕТЫРЕХЛЕТНИЙ МЭТЬЮ

Хроническая депрессия

И еще был Мэтью, — замечательный пример действия позитивных клеточных воспоминаний и воспоминаний из этой жизни, которые проявились во время одной и той же регрессии. Мэтью было четыре года, и он один из самых прекрасных детей, которых я встречала в своей жизни. Он родился слепым. Хотя его отец и мать готовы были перевернуть небо и землю, чтобы помочь сыну, — водили к лучшим психологам и врачам, устроили в специальную подготовительную школу, — он никак не мог приспособиться к жизни. Мальчик не злился на мир, он просто был печален, замкнут и слишком тих для здорового

ребенка. Один из учителей его школы знал о том, чем я занимаюсь, и посоветовал Грации, матери Мэтью, обратиться ко мне. Искренне желая своему сыну добра и будучи человеком весьма широких взглядов, женщина последовала совету учителя.

Мы с Мэтью быстро нашли общий язык.

Едва я поздоровалась с ним, как он просиял и сказал:

— Я слышал вас по телевизору. Вы забавная. Маленькие дети часто говорят мне нечто подобное, особенно мои внуки, Вилли и Джеффи.

— Все эти истории про экстрасенсов-кексов-пенсов — чепуха на постном масле. Главное, что передачи веселые, да?

Поверьте, я не жалею. Я не представляю себе жизнь без юмора; к тому же ничто не помогает расположить к себе детей больше, чем юмор. Мэтью — не исключение. Когда Грэйс предположила, что ее сын будет более контактен, если во время сеанса она останется с нами, Мэтью вежливо отклонил ее предложение:

— Не волнуйся, мама, мы сами.

Когда мы остались одни, я увидела, что Мэтью действительно очень тих, но при этом мил, умен и доброжелателен. Я вкратце рассказала мальчику о гипнозе, о том, что нам предстоит сделать, и объяснила, что хочу подружиться с ним, а для этого нужно, чтобы он рассказал о себе как можно больше. Точно так же как моя внучка Анжела, когда ей было четыре года, он не выговаривал букву «р». Он очень напомнил мне ее, когда ответил:

— Хо'ошо.

Как большинство детей — открытый, простодушный, бесстрашный, — Мэтью очень легко поддался гипнозу. Через несколько минут его дыхание стало глубоким и ровным, а сам он, видимо, чувствовал себя совершенно комфортно.

— Кем ты был раньше? — спросила я. Маленькие дети очень легко отвечают на этот вопрос, даже без гипноза, поскольку прошлые жизни для них — дело недавнее и гораздо более понятное, чем та жизнь, в которой они живут сейчас.

— Высокий мужчина с темными волосами, — ответил мальчик, — я делаю музыку.

— Какое прекрасное занятие. А как ты делаешь музыку, Мэтью?

— Передо мной сидит множество людей с трубами, барабанами и другими штуками, а я говорю им, когда играть, а когда останавливаться.

— Ты был дирижером?

— Да. Дирижером. Вот так, — и он начал размахивать руками в воздухе. Этот слепой от рождения четырехлетний мальчик точно знал, как движутся руки дирижера.

— Для того чтобы быть дирижером, нужно много знать о музыке, — заметила я.

— А я много и знаю. Я большой молодец, — заявил он с очаровательной детской прямоотой. — Я умею придумывать, — и снова в точности, как моя Анжела, он сказал «п'идумывать», — музыку и играть ее на пианино. Я люблю музыку.

— А сейчас, когда ты стал мальчиком по имени Мэтью, ты любишь музыку?

— Думаю, люблю. Но я уже не могу играть.

— Я уверена, что можешь, — сказала я. — Ты просто забыл, как это делается, вот и все. Учитель поможет тебе вспомнить.

— Нет, я совсем не могу.

— Почему?

— Потому что я слепой, — в его голосе было столько печали, что у меня едва не разорвалось сердце.

— Кто сказал, будто ты не можешь играть музыку из-за того, что ты слеп, Мэтью?

— Мама. Она говорит, что я не могу делать многие вещи, которые умеют делать другие дети.

Я села рядом с мальчиком и обняла его. Он уткнулся е в грудь.

— Знаешь что?

— Что?

— Это неправда.

— Мама соврала?

— Нет, Мэтью, не соврала, она просто ошиблась. Время от времени, сами того не желая, мы, мамы, говорим неправду. Помню, я тоже как-то раз сказала неправду, когда была примерно в твоём возрасте. — Он хихикнул. — Вот что я тебе скажу: хочешь, я побеседую с твоей мамой?

— Может быть, ей от этого станет лучше, — сказал мальчик.

— Она больна?

— Она грустит. Мой папа тоже грустит. Все время.

— Почему?

— Из-за меня.

Да, мне определенно нужно было поговорить с его матерью. Я еще немного посидела в обнимку с Мэтью, глядя мальчика по волосам и рассказывая, что иногда наша душа помнит вещи, которые могут нам помочь, а иногда вещи, которые могут причинить нам боль, и отныне мальчик должен помнить только то, что может ему помочь, — вроде его любимой музыки. Бог заберет те вещи, что причиняют боль, окутает их светом своей любви, и они больше никогда не потревожат Мэтью.

Наконец я передала мальчика в заботливые руки своих сотрудников, — они буквально выстроились в очередь, чтобы познакомиться и пообщаться с ним, — а сама пригласила Грэйс поговорить наедине в моем кабинете. Я объяснила женщине, что Мэтью считает себя бесполезным маленьким мальчиком, для которого недоступно многое, что могут делать другие дети. К тому же он думает, что мама и папа все время грустят из-за него.

— Я бы тоже была тихой и унылой, если бы мне пришлось жить в таком мире, — заметила я.

Женщина расплакалась.

— Сильвия, мы обожаем сына. Мы бы не задумываясь отдали за него свои жизни.

— Я знаю.

— Признаю, что нам крайне тяжело — и в финансовом, и в эмоциональном отношении. Но, поверьте, по-другому нельзя. Как нам ни тяжело, мы без остатка посвятили себя его болезни.

Через это прошли сотни моих клиентов. Весьма коварная ловушка, и многие в нее попадают.

— Возможно, как раз в этом и состоит ваша проблема, — предположила я. — Возможно, вместо того, чтобы без остатка посвятить себя болезни, вам следовало бы посвятить себя своему талантливому, красивому и отзывчивому сыну. От этого вам всем стало бы легче. Не исключено, что вам даже было бы по-настоящему весело с ним. Я уверена, и Мэтью бы очень изменился, если бы вдруг оказался в обществе двух людей, которые искренне наслаждаются общением с ним.

Женщина слушала, впитывая каждое мое слово, и я решила воспользоваться ее вниманием, чтобы высказать самое неприятное:

— И еще, Грэйс, как можно говорить ребенку, что он не может делать многие вещи, которые способны делать другие дети? Зачем ставить ребенку такие ограничения?

— Честное слово, Сильвия, я понятия не имею, откуда он это взял, — сказала Грэйс. — Я тщательно слежу за тем, чтобы не сказать ничего подобного в его присутствии. Не представляю себе, как можно даже намекать об этом ребенку. Мы с его доктором даже специально беседовали на эту тему, едва стало известно, что его слепота неизлечима. Вначале меня охватили печаль и гнев: я не могла смириться с такой несправедливостью. «За что судьба так наказала невинного младенца?..» Но врач прочел мне целую лекцию о том, как необходимы мальчику позитивные психологические установки, и с тех пор я сама не сказала ни одного негативного слова, и другим не позволяю.

— А где находился Мэтью, когда вы беседовали с врачом?

— Со мной, — ответила женщина. — Но, Сильвия, ему было всего семь месяцев.

— В *этой* жизни ему было всего семь месяцев. Но у него есть душа, столь же старая и мудрая, как у каждого из нас. Просто диву даешься, как много она понимает и помнит.

Грэйс несколько секунд помолчала, затем спросила с искренним интересом, но все же и с некоторым сомнением:

— Так что же мне теперь делать?

— Просто попросите у него прощения и скажите, что понимаете, насколько были не правы. Он все поймет.

И еще... Вы можете приобрести для него пианино?

— Пианино? А почему пианино?

— Думаю, ему это понравится. Пока считайте, что у меня просто предчувствие, а если окажется, что я права, я расскажу вам обо всем подробнее.

— Мы не можем позволить себе купить его, — сказала женщина. — Хотя... пианино есть у моей сестры, может быть, она одолжит нам его на время.

— Прекрасно. Попросите ее, — сказала я. — Позвольте ему несколько месяцев играть в свое удовольствие, а затем позвоните мне и расскажите, что из этого получилось.

Восемь месяцев спустя я получила от Грэйс письмо. Женщина благодарила меня за помощь и вложила фотографию: улыбающийся Мэтью с родителями возле пианино. Вместе с письмом женщина прислала пленку с записью песни, которую сочинил Мэтти. Эту песню выучили все дети из подготовительной школы, где учился мальчик, и спели ее в последний день перед каникулами.

Это очень простенькая песня, вряд ли ей суждено стать хитом или классическим произведением. В песне речь идет об очень счастливом маленьком мальчике, которым гордятся родители, и, возможно, это самая милая песня, какую мне только приходилось слышать в своей жизни.

Вы прочли много историй о том, как клеточные воспоминания о нынешней или прошлых жизнях оказывали благотворное или пагубное влияние на физическое и душевное состояние самых разных людей, и о том, как эти люди обрели новую жизнь, отпустив клеточные воспоминания, приносившие им вред. Но я не могу считать эту книгу полной и законченной, пока вы не узнаете все, что знаю я. Самые интересные и важные клеточные воспоминания — это ваши личные воспоминания, и все, что вам теперь нужно сделать, — это узнать свою истинную историю.

ПУТЕШЕСТВИЕ

Всем нам известно, что знание — сила. Поэтому естественно, что, познавая себя, мы обретаем силу для управления собой. Чем больше мы знаем о себе, тем более эффективно действуем, и нам более комфортно живется в собственном теле. Понимание того, что нами движет, что нас отталкивает, чего мы желаем, чего нам следует избегать и *почему* мы думаем и чувствуем так, а не иначе, — имеет очень большое значение для душевного и физического здоровья. Обращаясь к клеточным воспоминаниям, содержащим ключ к этому пониманию, мы обретаем самый быстрый, самый эффективный способ изменить нашу жизнь к лучшему, начиная прямо с сегодняшнего дня.

Надеюсь, читая истории в этой книге, вы понимали, что сказанное относится и к вам. Ведь путешествия назад по этой жизни и путешествия в прошлые жизни не требуют от клиентов каких-то особых навыков. Все люди имеют прошлые жизни. Каждый из героев этой книги такой же обыкновенный и необыкновенный человек, как вы. Я точно знаю, что и ваша бесконечная богатая событиями история ждет признания и раскрытия. Она хочет поделиться с вами своей мудростью, отпустить боль.

Я никогда не встречала человека, который не мог бы вернуться в свою прошлую жизнь. Ни одного случая среди тысяч и тысяч регрессий, которые я провела за четверть века. Поэтому я могу сказать с полнейшей уверенностью: *вы сможете*, если вам это интересно, пережить свои прошлые жизни! Это очень просто и очень увлекательно.

Чаще всего мои клиенты высказывают три причины, по которым им трудно решиться на регрессию. Если вы разделяете эти опасения, позвольте их развеять.

- **«Сомневаюсь, что я поддаюсь гипнозу».**

Каждый из тысяч клиентов, с которыми я работала, сумел более или менее глубоко войти в состояние гипнотического транса — если не на девяносто процентов, то хотя бы на десять. Я убедилась, что успех регрессии не зависит от глубины транса. К тому же гипноз — не единственное средство доступа к воспоминаниям наших клеток и сверхсознательного ума. Гипноз, конечно, очень эффективен, но тех же результатов можно достичь при помощи простой медитации или благодаря вашей врожденной способности к визуализации.

- **«Я не умею визуализировать».** Меня возмущает, когда некоторые люди говорят, что визуализация — это некое сложное эзотерическое искусство, которым можно овладеть, только сидя в позе лотоса с кристаллом в руке и тюрбаном на голове. В действительности же каждый из нас прибегает к визуализации десятки раз в день. Если бы вы не умели визуализировать, то не могли бы рассказать (не глядя на них), как выглядят ваши родные и близкие, ваш дом, животные, деревья, небо или ваше рабочее место. Вы не могли бы описать никого и ничего. Даже для того, чтобы найти свою машину на переполненной автостоянке, вам пришлось бы ждать, пока большинство автомобилей разъедется, а затем искать, к какому из оставшихся подходят ваши ключи. Визуализировать — это значит всего-навсего представлять себе что-то; и, когда вы отправляетесь в прошлую жизнь, желательно постараться представить себе всё как можно более подробно.

- **«Что, если окажется, что в прошлой жизни я был ужасным человеком?»**

Во-первых, если вы были *по-настоящему* ужасным человеком, значит, вы — темная сущность. Как я уже объяснила в первой части этой книги, темные сущности не способны отправляться в прошлые жизни и даже не проявляют к ним никакого интереса. Так что сам факт того, что вам открывается прошлая жизнь, в

которой вы были кем-то ужасным, исключает возможность того, что вы безнадежны и отчуждены от безусловной любви Бога. Во-вторых, поскольку люди являются на Землю для того, чтобы учиться и расти, мы неизбежно совершаем на своем пути ошибки, иногда весьма значительные. Я живу на Земле в пятьдесят четвертый раз. Ясно, что эти жизни не были безупречны. Как и всякий из нас, я что-то делала правильно, но совершала и крупные ошибки — как в прошлых жизнях, так и в этой. Но ошибки в любой жизни достойны сожаления только в том случае, если мы отказываемся признавать их и не пытаемся их исправить... Если не обращаем внимания на уроки, которые можно из них извлечь, и не обещаем себе больше не повторять подобного. И если в какой-то из прошлых жизней мы совершили проступок, за который до сих пор себя не простили и до сих пор храним вину в своей клеточной памяти, то в этом нет никакого смысла. Зачем удерживать свою жизнь в мрачной тени прошлого, когда вокруг так много солнца?

В качестве иллюстрации того, насколько легко бывает попасть в прошлые жизни и отпустить негативные клеточные воспоминания, я приведу здесь фрагменты из письма Гарри. Это письмо я получила в тот самый день, когда начала писать эту книгу. Гарри рассказал, что его «притащила» на мою лекцию в Кливленде жена. Он устал после десятичасового рабочего дня, к тому же у него ныла шея, как всегда бывало после нервного напряжения. Весь его обед в тот день ограничился холодным гамбургером и пакетом чипсов, которые он съел по пути на лекцию, и меньше всего на свете Гарри хотелось в этот вечер «два часа подряд сидеть и слушать, как какая-то экстрасенсша гадает на чайных листьях». (Между прочим, я когда-то пыталась *читать* по чайным листьям. Знаете, что я вижу, когда смотрю на них? Те же мокрые чайные листья, что и вы.)

Если вы бывали на моих лекциях, то знаете, что после вступительного слова я провожу групповую медитацию, которая особенно действенна в случаях, когда в ней участвуют три-четыре тысячи человек. Процедура начинается с релаксации, после чего мы переходим собственно к медитации, направление которой определяется темой лекции или общим настроением аудитории. Иногда слушатели посещают близких людей на Другой Стороне, иногда встречаются со своими духовными гидами, иногда я отправляю их в точку входа к какой-нибудь физической или душевной проблеме, коренящейся в клеточных воспоминаниях, и помогаю отпустить ее.

Гарри оказался в аудитории в тот вечер, когда я проводила сеанс регрессии для освобождения от клеточных воспоминаний. Он пишет в своем письме, что когда я попросила слушателей усесться поудобнее, поставить ноги врозь, упершись всей стопой в пол, и положить руки ладонями вверх на бедра, то он «подумал: "Что ж, хорошо, вздремну немного"... Я конечно же не собирался заниматься всякой чепухой, вроде медитации, о которой ничего не знал и знать не хотел». Релаксация доставила Гарри удовольствие, поскольку была ему определенно нужна. Поэтому он решил слушать дальше и делать то, что ему говорят, пока это будет приятно. Итак, он слушал, как я не спеша провожу присутствующих назад по этой жизни и дальше в прошлое, к более глубоким воспоминаниям клеток и сверхсознательного ума.

«Следующее, что я помню, — пишет Гарри, — я сижу на коне со связанными за спиной руками, а передо мной покачивается петля. Меня окружали всадники, и бежать было некуда. Не понимаю, откуда мне это стало известно, поскольку никто ничего мне не рассказывал, но я знал, что меня собираются повесить за убийство человека, которого я не убивал. Затем мне на голову накинули черный капюшон; я почувствовал, как на шею затянута петля, услышал звук удара по крупу коня, он рванулся из-под меня, я повис на веревке, и мне хватило времени лишь на то, чтобы осознать, что моя шея сломана».

Как всегда, я закончила ту медитацию молитвой, чтобы каждый из присутствующих, кто столкнулся с негативными воспоминаниями, отпустил их и они растворились в белом свете Святого Духа. Затем я вернула слушателей в настоящее время, в состоянии бодрствования. Все чувствовали себя отдохнувшими и посвежевшими, и мы перешли к вопросам аудитории.

«Выйдя из состояния медитации, — писал Гарри, — я заметил, что моя шея перестала болеть, но я подумал, что это из-за упражнения по релаксации, которое вы с нами провели. Однако с того вечера уже прошло четыре месяца, а боль ни разу не возобновлялась. И это после многих лет мучений и после того, как я уже совсем отчаялся вылечить свою шею. Я до сих пор не убежден, что шея болела именно оттого, что меня повесили в прошлой жизни. Однако я точно знаю, что вылечился, и благодарить за это следует именно вас. Теперь если вы сумеете сделать так, чтобы моя жена не твердила мне непрестанно по этому поводу: «А ведь я тебе говорила!», — то я буду рассказывать каждому, что вы — настоящий чудотворец».

Ко мне пришли десятки писем от людей, чьи фобии, душевные проблемы или физические расстройства исчезли после групповых медитаций во время лекций, и мне приятно, что не всех этих людей пришлось «тащить» на лекции. Я говорю все это вот для чего: чтобы исцелиться при помощи клеточной памяти, вовсе не обязательно идти к гипнотизеру или в совершенстве овладеть техникой медитации. Вам даже нет необходимости что-то знать о медитации. Должна сказать, во всем этом есть некое чудо. Клеточная память сама по себе удивительна. Исцеления, совершаемые с ее помощью, удивительны. Но самое удивительное — это чудесное соединение Бога и нашей открытости Ему, которое и позволяет исцелению совершиться.

С другой стороны, если вы полагаете, что регрессия с профессиональным гипнотерапевтом принесет вам больше пользы, то с радостью могу сообщить вам, что сейчас эта возможность несколько более доступна, чем еще год или два назад. Как я уже отмечала, меня приводит в ужас огромная очередь людей, записавшихся ко мне на прием. Я неустанно ищу возможности решить эту проблему, и обещаю — буду искать их до тех пор, пока не найду. Я не могу научить моих сотрудников экстрасенсорике, но я готовлю сертифицированных гипнотерапевтов, которые умеют качественно и творчески проводить регрессии. Две мои ученицы, Тина Колман и Линда Поттер, много путешествуют по Штатам, проводя регрессии по предварительным записям, и я приглашаю вас посетить мою web-страничку (электронный адрес вы можете найти в конце этой книги), чтобы получить дополнительную информацию о рабочем графике Тины и Линды. Я могу ручаться за этих людей, поскольку лично учила их, видела в действии, люблю их и доверяю им всем сердцем.

Поиск вашего собственного пути в прошлое

И в заключение всего сказанного я хочу заверить читателей, что вы способны самостоятельно совершить целительную регрессию в любом удобном для вас месте. Вы можете ограничиться путешествием по этой жизни или отправиться в любую прошлую жизнь. Вы можете двигаться быстро или медленно, — как вам удобнее, — и можете совершать регрессию в одиночестве или с небольшой группой близких людей. На следующих страницах я проведу вас через это путешествие, но перед этим вы должны узнать некоторые вещи.

Значение света и цветов

В ходе вашего путешествия в прошлое я буду просить вас представлять свет различных цветов. Эти цвета выбраны не произвольно: каждый имеет собственное значение и обладает особой, присущей только ему силой. Чем более ясно и живо вы будете представлять себе эти цвета во время медитации, тем более ярким окажется ваш опыт. Пусть каждый цвет будет сияющим, трепещущим, живым, — будто бы он дышит и пульсирует сам по себе, — чтобы вы ощутили в его присутствии тепло, дарящее уют, покой и молодость.

Белый — это чистота, священное сияние Святого Духа. Белый свет защищает нас, окутывает благодатью безусловной любви Бога и отгоняет любую тьму, которая может приблизиться к нам.

Голубой — цвет спокойствия и высокого уровня сознания. Он раскрывает ум, тело, душу и сердце для мудрости, которую мы принесли в эту жизнь из нашего бесконечного прошлого. Одновременно он нейтрализует грубые земные шумы, отделяющие людей от благословенной истины о нашем бессмертии.

Зеленый — целительный цвет. Он возбуждает наши силы, дает бодрость и жизненную энергию. Он направляет кровь к каждому органу, каждой клеточке тела, даря исцеление и обновление всему, чего он касается на своем пути.

Золотой — великолепный блистательный дар Божественного достоинства. Некоторые люди по небрежности отвергают этот дар, но его никогда нельзя отнять у нас помимо нашей воли. Золото — это высоко поднятая голова; рука, протянутая ко вселенной с тем же уважением, которого вы требуете по отношению к себе... Это щедрое сердце, настолько уверенное в любви Творца и любящее Его, что оно не может и помыслить о том, чтобы быть мелочным или недоброжелательным по отношению ко всем, кому хватило смелости пуститься в это краткосрочное, суровое путешествие из Дома.

Пурпур содержит ключи к прошлому и будущему, приподнимает тонкую завесу, заслоняющую от нас вечность. Королевский пурпур соединяет нас со священным светом рождения в качестве детей Божьих. Ни один другой цвет спектра не дает нам такой чистой и уверенной решимости войти в неподвластное времени измерение, где хранится наша история. Он помогает нам смело посмотреть на все, чем мы были, что знаем и чему нам нужно еще научиться в процессе роста и расширения нашей души, которая не остановится, пока не достигнет величайшего

потенциала, предназначенного для нее Богом. В сиянии пурпурного света мы благоговейно восславляем чудо нашего Божественного происхождения, осознавая до самых глубин своего существа, что Божественные Мать и Отец слышат нашу благодарность за дыхание вечной жизни, исполненной истины, чести и значения, которую Они нам даровали и которую нам предстоит исследовать.

Свечи

Свечи, конечно, не являются необходимым атрибутом регрессии, и никакая свеча не обладает силой сама по себе. Однако свечи помогают обрести равновесие и сосредоточиться. Кроме этого, они приносят две важные составляющие в атмосферу прикосновения к священному, которая уместна при обращении к сверхсознательному уму и клеточным воспоминаниям.

Во-первых, они несут в себе силу ритуалов, насчитывающих тысячи и тысячи лет. В этих ритуалах свечи являются не переменным атрибутом, священным напоминанием о Божественном свете в каждом из нас. Их пламя такое же чистое, как символизируемый ими Святой Дух. Зажечь свечу в честь Бога — значит воспроизвести жест, впервые совершенный нашими предками неисчислимые поколения назад, и тем самым с гордостью занять свое место среди них.

Во-вторых, следует обратить внимание на не столь широко известный, но не менее важный факт: обитатели мира духов не видят электрического света, но видят огонь свечи и тянутся к нему. Когда, отправляясь в свою личную историю, мы берем себе в спутники наших любимых, врагов и некоторых особо значащих для нас существ из других времен и мест, это приносит в путешествие особую полноту и перспективу. И тогда мы обретаем не просто знание, но понимание сердцем.

Мои клиенты единодушно признают, что свечи очень и очень полезны во время регрессии, и я сама люблю зажигать их во время своих личных медитаций. Свечи, которые вы используете во время регрессии, можно подбирать, основываясь на значении различных цветов: белая свеча принесет в ваш опыт охранительную чистоту Святого Духа; голубая поможет успокоиться и обострит ваше восприятие тончайших аспектов путешествия. Зеленая свеча способствует исцелению через освобождение от негативных клеточных воспоминаний, с которыми вы можете столкнуться; золотая поможет вам относиться к каждому своему шагу и прожитой жизни с сочувствием и достоинством зрелого человека. Свеча цвета королевского пурпура представляет Творца, Чья безусловная любовь дает вам безопасность и наделяет неизменной святостью. Наделяет не потому, что вы несовершенны, а потому, что вы мужественно противостоите этому несовершенству, отказываясь удовлетвориться чем-то меньшим, чем ваш наивысший потенциал.

Стенографирование и звукозапись

Вы несомненно получите гораздо больше пользы от медитации и регрессии, если, вместо того чтобы заучивать каждый шаг этой процедуры наизусть, заранее запишете приведенный ниже текст (он выделен курсивом) на пленку. Вы можете также попросить, чтобы его начитал на пленку кто-то из друзей, чей голос вам приятен. Я хочу, чтобы во время регрессии существовали только ***вы*** и ваши ощущения, которые будут становиться глубже по ходу процедуры. И я вовсе не хочу, чтобы, едва успев немного расслабиться, вы вынуждены были останавливаться и спрашивать себя: «Стоп, а что там дальше?»

Вы также скажете себе спасибо — и во время регрессии и по ее окончании, — если запишете на пленку рассказ о своем путешествии, когда оно у вас случится, или попросите кого-то из близких его застенографировать. Вы не сможете дать свободу своему сверхсознательному уму и позволить ему полностью погрузиться в воспоминания, если рядом постоянно будет маячить сознательный ум, который пытается запоминать все, что вы говорите. Фактически, чем меньше вы будете использовать свой сознательный ум во время регрессии, тем более богатые результаты принесет этот опыт. Ни один клиент не уходит из моего офиса, не получив кассету, на которой записано все, что мы оба говорили во время сеанса. Потому что через несколько дней или недель после регрессии, пытаясь вспомнить ее подробности, человек обнаруживает, что его переполненный, обремененный заботами, несовершенный сознательный ум забывает некоторые важные детали пережитого опыта среди повседневных дел.

Позиция наблюдателя

Сейчас мы подошли к очень важному моменту, и я еще не раз буду напоминать вам о нем. Я хочу, чтобы во время регрессии вы в полную силу

прочувствовали каждое мгновение радости, счастья и любви, с которым вы встретитесь на пути в свою личную историю. Одновременно вы должны находиться на некотором безопасном расстоянии от всех страшных или болезненных воспоминаний.

Отказ переживать эти травматичные моменты повторно — не трусость. Решите для себя, что «раз я там однажды побывал, значит, для меня все это закончилось». Убедите себя, что для вас вполне достаточно было пережить все это один раз. Прикажите себе: «Перейди в позицию наблюдателя», — то есть просто стойте в стороне и наблюдайте событие, не переживая его снова. Некоторые гипнотерапевты, практикующие регрессию, видимо, испытывают странное удовольствие, когда их клиенты корчатся от боли, переживая тяжелое воспоминание. Я убедилась, что интенсивное переживание боли не оказывает на человека сколько-нибудь благотворного воздействия. И если от этого нет никакой пользы, то чего ради подвергать себя мучениям?

Поэтому, когда вы будете проводить свою регрессию, пожалуйста, будьте готовы отдать себе простое приказание: «Перейди в позицию наблюдателя». Эти слова станут для вас командой дистанцироваться от болезненного опыта вашего прошлого и воспринимать его так же отстраненно, как вы воспринимаете телевизионную рекламу. Если вы совершаете регрессию в присутствии другого человека, попросите, чтобы эту же команду дал вам он, когда увидит, что вы напуганы или огорчены.

Терпение

Я настоятельно рекомендую избегать любых попыток судить и ожидать чего-то определенного во время занятий. Результат отдельного занятия не может быть «хорошим» или «плохим». Вы не можете продвигаться «слишком быстро» или «слишком медленно», и нет определенного минимального или максимального количества попыток, за которые вы «должны достигнуть успеха» в этом деле. Одно то, что вы предпринимаете попытки заглянуть в свое прошлое, и *есть* успех. Каждый шаг на этом пути принесет вам какую-то пользу — независимо от того, сможете ли вы обнаружить и отпустить какое-то давнее клеточное воспоминание или просто насладитесь несколькими минутами сосредоточения и релаксации.

Никакого давления. Никакой самооценки. Никакой чепухи по поводу «правильных» и «ложных» ответов.

Сколько бы времени вы этому ни уделяли, — много ли, мало ли, — все это ваше. Будьте настойчивы, требовательны и открыты. Ни в коем случае не волнуйтесь, что вас может постигнуть «неудача». В этом восхитительном процессе беспокоиться о том, что у вас «не получится», — бессмысленно.

Упражнения по медитации и регрессии, описанные на следующих страницах, разделены на три отдельные части — в соответствии с целями опыта. Важно выполнять их в том порядке, в каком они приведены, но, опять-таки, прорабатывайте их в удобном для вас темпе, пока не почувствуете, что освоили очередной шаг. Если во время занятия вас прервали или ваш сознательный ум забрел в сторону и вы не можете его вернуть в нужное русло, — ничего страшного. Остановитесь. Вы не на экзамене. Хочу только обратить ваше внимание вот на что: прервав занятие, не начинайте с того места, где остановились. Начинайте с самого начала, помня о том, что это процесс постепенный. Как при любой тренировке, — а это именно тренировка для вашего сознательного ума и души, — прежде, чем думать о новых результатах, нужно как следует разогреться.

Первая часть — упражнение по релаксации. Это прекрасная подготовка к будущей регрессии. Однако это упражнение представляет ценность и само по себе — как замечательный способ успокоиться, обрести равновесие, освободиться от стресса, восстановиться после трудного дня или подготовиться к дню грядущему. Время занятия не ограничено, хотя с опытом вам будет хватать нескольких секунд. Я мечтаю о временах, когда смогу посвящать релаксации и медитации час или два ежедневно. Теперь же я считаю, что мне повезло, если удастся помедитировать пять минут. Я понимаю, что такая же ситуация сложилась у многих из вас... Но поверьте мне, это упражнение принесет пользу даже в том случае, если вы сможете заниматься им только во время утреннего душа, идя от автостоянки до офиса или перед самым сном, когда вы уже забрались под одеяло.

Вторая часть посвящена путешествию в нынешнюю жизнь. У многих из вас возникают настойчивые и вполне законные вопросы по поводу событий текущей жизни, ведь многие клеточные воспоминания — хорошие и плохие — касаются именно жизни, которую мы проживаем сейчас. Некоторые люди не верят в существование прошлых жизней. Как бы глубока ни была моя вера, я не буду

сейчас переубеждать их. В любом случае, для вас может быть очень полезно проработать первые две части и на этом закончить.

Третья часть — мост к предыдущим жизням и тайнам клеточной памяти, коренящимся в тех жизнях. Это — блистательное, захватывающее, красочное и содержательное путешествие, независимо от того, принимаете ли вы увиденное за факт или относитесь к нему со здоровым скептицизмом и любознательностью. Вы бросите взгляд на свое прошлое, о существовании которого и не подозревали... Разгадаете некоторые тайны вашей личности и столкнетесь с новыми загадками... И вы увидите воочию, что, хотя каждая из открывшихся вам прошлых жизней закончилась, вам никогда не приходилось переживать то событие, которое мы называем «смертью».

Проработаете ли вы только первую часть, или первую и вторую, или все три — я желаю вам исцеления, желаю вам воссоединиться со счастьем и любовью, которые вы пережили в этом мире с тех пор, как Бог вдохнул жизнь в вашу священную бессмертную душу. И я всем своим сердцем молюсь за вас: *«Пусть всякая боль и негативность, оставшиеся в вашем сверхсознательном уме и клеточных воспоминаниях от прошлого, уйдут и навеки растворятся в белом свете Святого Духа. И пусть вместо них придут здоровье, радость и неизменное ощущение объятий Бога, — и пребудут с вами в продолжение всей вашей плодотворной, сострадательной, бесконечной жизни».*

Релаксация

Лягте на спину или удобно усадитесь в кресле, — как вам комфортнее. Растегните или снимите ту одежду, которая хоть немного мешает вам — например, стесняет движения или дыхание. Если вы предпочли лечь, не скрещивайте ноги, если сидите, пускай подошвы всей поверхностью касаются пола.

В обоих случаях ваши ладони покоятся на бедрах ладонями вверх, — разжатые пальцы символизируют открытость и готовность принять Божью благодать, энергию и исцеление.

Пусть ваши глаза мягко закроются, отгородив вас от всего, кроме этих спокойных слов и уверенного голоса, несущего их через жаждущий ум к вашей мудрой, любящей и любимой душе. Представьте себе белый свет Святого Духа, распростершийся божественным покровом прямо над вами. Теперь сделайте три долгих глубоких вдоха: вдох — выдох, вдох — выдох, вдох — выдох. С каждым вдохом покров белого света приближается к вам, и с третьим вдохом опускается прямо на вас, укрывает вас, словно теплое мягкое шелковое одеяло; оно окутывает вас тихой радостью, какую дает только вера.

Продолжая глубоко и ритмично дышать, сосредоточьте все внимание на своих ногах. Не торопитесь. Почувствуйте стопы, подъемы стоп, каждый палец, каждую мышцу... Вскоре вы ощутите в них течение крови, которое уносит напряжение и несет жизнь к каждой клеточке тела... С каждым новым вдохом напряжение в стопах начнет уходить, напряженные мускулы расслабятся, каждый палец наполнится пульсирующим теплом. Вы почувствуете, как ваше тело открывается, с благодарностью принимая текущую по нему жизнь. Боль уходит. Напряжение ослабевает. Благословение здоровья пронизывает вас, как долгожданный дождь, питающий иссушенную почву.

Облегчение, освобождение, теплая успокаивающая волна жизненных сил медленно поднимается вверх к щиколоткам, икрам, коленям, бедрам.

Вы чувствуете, как обновление пульсирует в каждом органе, в каждой связке и мышце, в каждой клеточке тела.

Позвоночник распрямляется, в нем пульсирует жизнь. Легкие наполняются свежим чистым ароматным воздухом. Сердце пульсирует, как у радостно играющего ребенка. Вы ощущаете, как поток тепла наполняет плечи, ладони, каждый палец, и ваши руки облегченно расслабляются... Наслаждайтесь покоем.

Очищающая волна тепла поднимается к шее и к челюстям, где собралось так много напряжения. Мышцы одна за другой расслабляются, избавляются от бремени и обретают покой. То же самое чувствуют и губы — они смягчаются, накопившееся в них напряжение тает, словно тень от облака, не оставляя после себя никакого следа. Усталость уходит из головы, будто ее ласкает прохладная нежная любящая рука. Затем эта рука опускается ниже и с целительной нежностью Бога прикрывает вам глаза.

Пока рука лежит на ваших веках, вы в сгустившейся тьме представляете себе беззвездное небо цвета темно-синего полуночного бархата. Небо простирается во все стороны, насколько хватает взгляда... Затем в центре этой глубокой полуночной синевы появляется крохотная точка золотого света. Ваше внимание перемещается с успокоившегося расслабленного тела на этот маленький огонек. Вы зачарованно смотрите на него, зная, что он служит

напоминанием о священной мудрости, о вашем святом божественном происхождении, и является абсолютным доказательством бессмертия, которым наделил вас в момент создания Бог.

Крохотная точка золотого света начинает пульсировать как живая, управляя мерным биением вашего сердца.

Ваши вдохи и выдохи подчинены ритму пульсации света, и вы начинаете отстраняться от любой боли, какую когда-либо чувствовали, от обид, злобы и унижений, от физических и душевных ран. Вы уверены, что постигли все уроки, которые можно было извлечь из всей этой боли, и теперь она может уйти. Она больше не является частью вас, она больше не представляет для вас ценности, и вы позволяете себе отпустить ее. И она оставляет вас, испаряется, словно безвредный пар. Чем больше этой боли уходит из клеток вашего тела, ума и мудрой бессмертной души, тем крупнее становится точка золотого света. Она переполняется сиянием и растет прямо над вами, ее лучи пляшут, радостно славя Творца вместе с вами.

Вдруг этот яркий пульсирующий свет, выросший до огромных размеров, бесшумно взрывается на фоне полупрозрачной синевы неба. Золотой небесный фейерверк рассыпает яркие звезды. Они падают теплыми целительными ласковыми золотыми пылинками вам на лицо, на волосы, на плечи, на руки, на ноги — на каждую клеточку и пору вашей кожи, — и вы начинаете искриться жизнью. Ваше тело перерождается, душа очищается и обретает новые силы для решения задач, которые привели ее сюда. Сильная, отважная, вдохновенная, она продолжает свое путешествие в вечное будущее или вечное прошлое — куда ведет ее священная рука Бога для того, чтобы она достигла своего наивысшего, исполненного величайшей любви предназначения.

Путешествие в прошлое по этой жизни

Ваша кожа все еще поблескивает от звездного дождя, тело все еще охвачено энергией, а сознание так же чисто и безгранично, как безоблачное небо, на котором полупрозрачная синева сменяется дивными пастельными красками рассвета. Обернувшись, вы видите перед собой густой зеленый лес, простирающийся до самого горизонта.

Не открывая век, поднимите глаза и ненадолго — сосчитав до пяти — сосредоточьте взгляд в области переносицы. Это поможет вам отправиться глубже в сверхсознательный ум, где лежат сокровища воспоминаний и мудрости, ожидая, пока вы вновь их откроете.

Снова посмотрите вперед. Вы обнаружите, что за эти несколько секунд деревья расступились, открыв узкую, изумительно красивую тропинку, ведущую вглубь леса. Вы в нерешительности. Однако вас манит запах сосен, манят золотые лучи солнечного света, пробивающиеся сквозь густые кроны... Кажется, что эта тропинка вам почему-то знакома, и вы решаете пойти по ней. Белый свет Святого Духа разгорается вокруг вас все ярче. Попросите, чтобы вам достало мужества пройти по этой тропе без страха и постичь ее уроки со всей любовью, состраданием и терпением, которые дал вам Бог.

Вы делаете шаг и входите в дивный густой лес. Через несколько секунд вы оказываетесь на тихой поляне, где перед вами в мельчайших деталях разворачивается сцена из времени, когда вам было двадцать лет. Если сцена появляется не сразу, наберитесь терпения. Подождите, напомните себе, что некогда вам действительно было двадцать, и спросите себя, что происходило с вами в этом возрасте. Возможно, вам особенно запомнился первый день на новой работе, день рождения. Рождество, вечеринка у сотрудника? Если ничего не появляется, расслабьтесь — и воспоминание придет само собой. Возможно, толчком для его появления послужит какая-то небольшая деталь: машина, на которой вы тогда ездили, любимый фильм, песня, вид спорта, телепередача. Оглянитесь, обратите внимание на цвета, запахи, лица, на свою одежду, прическу и — прежде всего — на свое настроение. Если воспоминание радостное, если вы чувствуете, что молоды и здоровы, переживите все это снова, прочувствуйте и впитайте эти мгновения. Если же воспоминание огорчает вас, если перед вами разворачиваются физические или душевные драмы, которые мучили вас в двадцатилетнем возрасте, просто наблюдайте все это со стороны, но не принимайте происходящее слишком близко к сердцу.

Теперь, когда вы осознали свою способность проникать в прошлое, вознесите молитву: «Вся энергия, покой и уверенность моих двадцати лет, которые сохранились в памяти клеток, пусть останутся со мной и несут обновление моему телу и духу — сегодня и всегда. Но вся сознательная или бессознательная негативность, тяготящая меня с тех пор, пусть растворится в белом свете

Святого Духа, который окружает меня сегодня, а также будет окружать завтра и на протяжении всей жизни моей души. И пусть эта жизнь будет счастливой, здоровой, творческой и плодотворной».

Теперь вы покидаете это воспоминание и идете по лесной тропинке дальше. Возращение в двадцатилетие омолодило вас, добавило сил и мужества. Золотые лучи солнца танцуют среди целительной зелени леса, они ласкают ваши обнаженные руки. Вам хорошо и радостно. Вы идете вперед не спеша и наслаждаетесь окружающим вас великолетием. Вокруг поют птицы, вас окружает атмосфера покоя и безопасности. Вам нравится быть здесь, в этом тихом благодатном лесу, и не хочется ничего другого. Впереди виднеется еще одна поляна, и вы уверенно направляетесь к ней.

Тут вас ждет еще одно воспоминание из жизни, сохранившееся в мельчайших подробностях. На этот раз вам десять лет. Еще один день рождения, еще одно Рождество, лучший друг, начало учебного года, ваша спальня, любимый пес, урок музыки... Возможно, вы вспомните что-то совершенно незначительное, однако это событие предстает перед вами во всей своей полноте, и оно столь же реально, как в тот день, когда случилось. Если же вы ничего не вспомнили, наберитесь терпения, и пускай вам поможет ваш сверхсознательный ум. Как выглядела ваша школа? Где вы жили? В каком классе учились? Кто был вашим учителем? Какой урок вам нравился больше всего? Чем вы любите заниматься на переменах? Ваше любимое блюдо? Любимая игрушка? Подойдет любая деталь, пусть самая незначительная, и благодаря ей перед вами оживет сцена из прошлого, а эта деталь займет в ней именно то место — важное или второстепенное, — которое определит для нее ваш ум. Исследуйте. Обращайте внимание на каждую мелочь. Счастливые моменты сохраните в своем сердце, а боль и печаль нужны лишь для того, чтобы напомнить, что вам достало сил и жизненной энергии преодолеть их. Поблагодарите Бога за счастье, выпавшее на вашу долю, а также за боль, которую вы пережили и благодаря которой учились. Затем вознесите Ему молитву: «Вся энергия, покой и уверенность моих десяти лет, которые сохранились в памяти клеток, пусть останутся со мной и несут обновление моему телу и духу — сегодня и всегда. Но вся сознательная или бессознательная негативность, тяготящая меня с тех пор, пусть растворится в белом свете Святого Духа, который окружает меня сегодня, а также будет окружать завтра и на протяжении всей жизни моей души. И пусть эта жизнь будет счастливой, здоровой, творческой и плодотворной».

Побыв на этой поляне столько времени, сколько вам хочется, идите по тропинке дальше. С каждым шагом вас все больше переполняет энергия и радость. Вы очарованы воспоминаниями обо всем хорошем, а любое бремя, доставшееся из прошлого, упало с ваших плеч. Вы знаете, что находитесь в безопасности, знаете, что защищены от каких бы то ни было невзгод; знаете, что Бог держит вас за руку и не даст упасть. Вы уже догадываетесь, что ждет вас на следующей поляне, и ускоряете шаг. Ваш сознательный ум посмеялся бы над предстоящим переживанием, твердя, что это невозможно, но сейчас взял на себя инициативу сверхсознательный ум и его уже не остановить. Он жаждет соприкоснуться со своей историей. Он знает, что сознательный ум всегда утверждает, будто чудеса невозможны, а когда она становятся явью, ему остается только в благоговейном трепете стоять в стороне и пристыженно молчать.

На следующей поляне вас ждет момент зачатия, момент, когда душа вошла в лоно, из которого родилось ваше нынешнее тело. Ваша душа помнит все, что с ней происходило, и этот момент — не исключение. Не позволяйте себе думать. Просто примите являющиеся образы. Возможно, вы не до конца уверены в реальности происходящего, но вам любопытно, и вы не можете устоять перед искушением хоть на миг взглянуть на то, что происходит на поляне, от которой вас теперь отделяют всего несколько шагов.

Вначале вы видите перед собой только тьму и делаете шаг на поляну. Ветерок шевелит ветви деревьев за вашей спиной, и вы, без всякого страха, обнаруживаете, что отовсюду окружены этой тьмой. Вы парите. Вы в безопасности. Ничто не нарушает тишину, кроме тихого биения вашего совершенного сердца, и этот звук внушает уверенность. Наконец вы различаете свои невероятно маленькие ладошки, крохотные ручки и ножки — словно шевелящиеся во тьме тени. Вы знаете, где находитесь, знаете, что оказались тут по своему желанию. Вы знаете, что началось непродолжительное путешествие из Небесного Дома и вскоре вы погрузитесь в суровый несовершенный земной мир. В последний миг пребывания на Другой Стороне, перед самым уходом, вы ощутили легкое прикосновение Бога — словно любящий поцелуй. Вы уже тоскуете по Дому, но новое приключение началось — вы сами его выбрали, вы добровольно в него отправились и теперь молитесь: 'Вся энергия, покой и

уверенность, обретенные на Другой Стороне, которые сохранились в памяти клеток, пусть останутся со мной и несут обновление моему телу и душе — сегодня, в момент рождения и всегда. Но вся сознательная или бессознательная негативность, тяготящая меня, пусть растворится в белом свете Святого Духа, который охраняет меня в этом укромном безопасном лоне, а также будет окружать меня завтра и на протяжении всей жизни моей души. И пусть эта жизнь будет счастливой, здоровой, творческой и плодотворной. Аминь».

Путешествие в прошлые жизни

Вы некоторое время без всякого страха остаетесь во тьме и вдруг видите яркий пурпурный свет, который льется откуда-то сзади. Вы оборачиваетесь лицом к нему. Свет настолько ярок, настолько силен и всеобъемлющ, что вы не видите вокруг ничего более. Этот свет очень притягателен. Он исполнен любви, мудрости и высшего сострадания. Понимая, что тут вы в полной безопасности, вы благоговейно идете к источнику света и входите в него. Вы испытываете радость и ощущаете присутствие Бога в этом насыщенном, священном, исполненном необычайной любви пурпурном сиянии.

В сердце этого сияния открывается туннель. В отблесках пурпурного света вы видите золотые стены, покрытые прекрасным замысловатым орнаментом. Здесь спокойно и тихо. Ноги сами переступают порог, и начинается движение — вы скользите по этому великолепному туннелю, осознавая, что направляетесь в прошлое. Вы вновь переходите через момент зачатия, уже пережитый вами ранее... Затем движетесь все дальше в прошлое, мимо других жизней и событий, которые ваш дух уже разрешил. Голос внутри вас произносит: «Отправляйся в точку входа к самому болезненному клеточному воспоминанию». Вы прекрасно понимаете, о чем идет речь.

Тот же великолепный пурпурный свет, который провожал вас у входа в туннель, встречает вас и в конце. Он освещает огромную, ярко расцвеченную карту мира. Тот же голос внутри вас произносит: «Где бы ни находилась первая точка входа, пусть моя рука укажет это место на карте, ибо клеточная память и сверхсознательный ум жаждут исцеления». Не думая и даже не глядя на карту, позвольте своему пальцу, руководимому сверхсознательным умом, коснуться карты. Затем посмотрите, на какую точку указывает палец, и произнесите с верой и готовностью: «Я прошу мою душу перенести меня в это памятное для нее место, чтобы увидеть жизнь, прожитую мною там, и узнать, когда это было».

Ваш сверхсознательный ум, свободный и могущественный, охотно исполняет вашу просьбу, и через миг вы уже там, в прошлом, в другой жизни, которую вы некогда прожили. Эта жизнь столь же реальна, как и нынешняя. Вы оглядываетесь, пытаетесь сориентироваться. Вы слишком заинтригованы, чтобы бояться или проявлять неуверенность.

Пока вы знакомитесь с реальностью, которая вам вспоминается, ваш сознательный ум внимательно

следит, не вмешиваясь. Ответы на все заданные вами вопросы приходят немедленно, они не искажены суждениями или самоцензурой. Неверных ответов не бывает. Ответом служат первые же слова, срывающиеся с ваших уст. Итак, Где вы?

Вы знаете свое имя или фамилию? Если нет, не волнуйтесь.

Сколько вам лет?

Вы мужчина или женщина?

Как вы выглядите? Вы высокого роста? Или низкого? Стройны? Коренасты? Какого цвета у вас кожа, волосы, глаза? Во что вы одеты и одеты ли вообще? Если вам трудно увидеть себя отчетливо, найдите возможность увидеть свое отражение — в зеркале, в витрине, в озере, в реке, в отполированной металлической поверхности, в окне — и подробно опишите то, что видите.

Какой идет год?

Где вы живете?

Живет ли кто-нибудь с вами?

Если да, то кто? Есть ли в вашем окружении кто-то, кого вы знаете в своей нынешней жизни? Кем были эти люди для вас тогда и кто они сейчас?

Вы здоровы или не здоровы?

Если вы нездоровы, то чем страдаете? Когда начались ваши проблемы?

Вы счастливы в этой жизни или нет?

Если да, то отчего вы счастливы? Если нет, то почему?

Какова тема этой жизни?

Каков наилучший период этой жизни? А наихудший?

Вы выбрали для посещения именно этот момент из всей вашей бесконечной личной истории в качестве точки входа к наиболее болезненному клеточному

воспоминанию. Что в этом моменте, в этой жизненной ситуации или в этом событии произвело на вас такое сильное впечатление? Что привело к этой ситуации и что вам нужно понять благодаря ей?

И опять-таки, сейчас не время для самооценки или суждений. Просто свободно говорите. Рассказывайте абсолютно все, что с вами происходит. Ваш сверхсознательный ум очень давно ждал возможности освободиться от своей ноши, и после этого он направит клеткам вашего тела сигнал к исцелению.

Когда вы будете готовы — но не раньше, — я хочу, чтобы вы прошли вперед по этой повторно переживаемой вами жизни... Вы готовы? Тогда рассказывайте дальше... Где вы оказались через год после точки входа? Через пять лет? Десять? Как провели последние годы этой жизни?

А теперь я хочу, чтобы вы отправились в момент, предшествовавший «смерти» в той жизни. Прежде всего обратите внимание, что все ваши страхи, связанные с представлением о смерти как о конце, безосновательны! Ведь хотя вы и видели, что «умерли» в прошлой жизни, вы снова переживаете этот момент через годы, десятилетия и даже века, и при этом остаетесь собой.

Когда вы почувствуете, что этот факт стал для вас совершенно неоспоримым, примотритесь повнимательнее к самой этой «смерти». Если она слишком пугающа или болезненна, просто наблюдайте за ней со стороны, как делает это хороший объективный репортер.

Какая болезнь или травма стала причиной этой смерти?

Где вы?

Если вы не одни, кто вас окружает?

Рады ли вы, что эта жизнь окончилась? Или вы покидаете ее неохотно?

Сознаете ли вы в эти последние мгновения то радостное обстоятельство, что вам сейчас предстоит вернуться Домой, на Другую Сторону?

Сейчас, когда перед вами начинает появляться туннель, по которому вы унесетесь Домой, я хочу, чтобы вы заставили эту картинку застыть в полной неподвижности, словно нажав кнопку «стоп-кадр» на видеомagneтoфoнe, и произнесли молитву:

«Дорогой Бог, я благодарю Тебя за мужество, данное мне, чтобы встретиться с этим моментом из давней жизни, когда мой сверхсознательный ум и клетки этого тела взвалили на себя бремя, которое с тех пор не давало мне покоя. А теперь, в момент моей смерти в той жизни, пожалуйста, позволь этому бремени и всему негативному, что я несу с собой из прошлого, навсегда раствориться в благословенном белом свете Святого Духа. Пусть оно расторгнется полностью — чтобы я мог посвятить свою радостную вечную ничем не обремененную свободу служению Тебе. Пусть будет так на протяжении всей жизни, которую Ты даровал мне. И пусть жизнь будет всегда счастливой, здоровой, творческой и плодотворной».

И наконец, когда вы будете готовы вернуться, я хочу, чтобы вы, медленно досчитав до трех, вернулись в свое нынешнее тело и нынешнюю жизнь — исполненные здоровья, веры и душевного покоя. И пусть сверхсознательный ум, освободившийся от тяжелого груза прошлого, при помощи Божественной любви навсегда очистит ваши клетки от всей оставшейся в них тьмы и боли.

Раз — ваши глаза медленно открываются.

Два — отдохнувший и излучающий свет жизни, вы поднимаете голову.

Три — чувствуя себя полностью пробужденным и совершенно обновленным, продолжайте свою нынешнюю жизнь. Поблагодарите Бога за себя и за новое начало, которое вы обрели, открыв свой ум и сердце для тайн, скрытых в клеточной памяти.

Три шага данной медитации можно использовать для самых разнообразных целей, и их можно варьировать, включая в них любые образы, которые близки вашему сердцу и помогают сделать путешествие во времени максимально реальным. Возможно, вам захочется использовать какие-то особые способности, которыми вы обладали в прошлых жизнях. Может быть, вы захотите посетить первый день после своего рождения. Или захотите отправиться в прошлые жизни, чтобы узнать, когда, где и как вы впервые встретились с кем-нибудь, кого вы любите или ненавидите в этой жизни.

Я настоятельно советую вам заняться этим освобождающим, несущим обновление упражнением и выполнять его в той или иной версии один-два раза в месяц. Клеточная память могущественна. Она может работать как на вас, так и против вас, но окончательный выбор за вами, — а это делает вас еще более могущественными, чем сама клеточная память.

Итак, все, что вам нужно, — это знать, что клеточная память существует, знать, откуда она происходит, а затем с Божьей помощью очиститься от всего негативного и принять позитивное. И, ручаясь, вы почти сразу заметите, что намного больше радуетесь каждому дню этого приключения — жизни, которую вы выбрали для себя сами.

Страж

Когда вы освободитесь от физического и душевного бремени, обусловленного клеточными воспоминаниями, вам захочется и впредь оставаться свободным, захочется защитить себя от болезней и прочих негативных факторов, которые могут попытаться помешать вашему новообретенному благополучию. Один из самых простых и требующих меньше всего времени способов добиться этого — визуализация, которой научила меня мой духовный гид Франсина. Она называет эту визуализацию «Страж».

Страж — это образ человека в полном вооружении, сантиметров тридцать ростом — мужчины или женщины, на ваш выбор. Этот воин стоит прямо перед вами — в районе солнечного сплетения — и защищает вас. Я использую образ готового к бою мужчины в одеждах гладиатора — пурпурный плащ, золотой щит, шлем и копье — символический страж, озаренный белым светом Святого Духа. Я визуализирую этот образ по нескольку раз в день, и всякий раз это занимает у меня несколько секунд.

Вы можете призывать стража в любой момент, когда вам понадобится помощь. Для этого нужно только закрыть глаза и представить себе его или ее на посту с обнаженным мечом, в полной готовности сокрушить всякую негативность вокруг вас. Но наиболее эффективным страж становится после медитации, направленной на очищение клеточной памяти, — когда вы особенно сильны, чисты, здоровы и полны энергии. Страж может быть вашей самой заветной тайной, которую вы свято храните. Он напоминает о том, что Бог, ваш духовный гид, ангелы и души людей, которых вы любите в этой и любили во всех прошедших жизнях, — помогают вам и защищают вас каждую минуту каждого дня, и для того, чтобы принять их помощь и защиту, вам нужно только осознать это.

И пожалуйста, помните, что, кроме стража и других воинов священной армии, которые охраняют каждый окрыленный новой свободой, безупречный шаг вашей духовной жизни, исполненной счастья, здоровья, продуктивности и творчества, с вами всегда мои искренние молитвы.

Благословение:

МОЛИТВА ОБ ИСЦЕЛЕНИИ

Дорогие Божественная Мать и Божественный Отец!

Прошу Вашего благословения, чтобы обрести здравый ум, верную душу и сильное физическое тело, ибо я троичен и представляю собой отражение Троицы. Здоровье — родник, вода бьющая из вечного Источника, который есть Ажна — Мать Богиня. Как мать питает свое дитя, так Мать Ажна питает меня. Я принимаю от Нее каждую чашу, наполненную до краев, и выпиваю ее, чтобы мое физическое тело было здорово.

Я буду здоров; я буду крепок; я буду силен умом, телом, духом и высшим душевным умом.

Я закрыт для вторжения. Тьма не войдет в мой ум.

У меня есть страж, который охраняет меня от недугов, микробов и любых болезней.

У меня будут здоровые тело, ум и душа вплоть до самого конца моей земной жизни, когда я с достоинством вернусь Домой.

Я прошу защиты, любовью Бога Отца и Божественной Матери. Пусть на меня каждый день моей жизни нисходит Святой Дух. И эта любовь, обладающая воистину огромной силой, защитит меня от всех ударов и стрел, которые может послать готовящаяся к вторжению тьма.

Если я слаб здоровьем, то забуду об этом. Я отдам себя в руки Благословенной Ажне, чтобы Она убаюкала меня и сделала здоровым, сильным и целостным.

Если я принес какой-либо недуг из прошлой жизни, пусть он сейчас же растворится в окружающем меня белом свете Святого Духа.

Я прошу об этом Именем Отца, Матери, Святого Духа и Сына.

Аминь.

ОБ АВТОРЕ

Сильвия Браун занимается экстрасенсорикой уже почти полстолетия. Автор книги «Благословение с Другой Стороны», а также бестселлеров «На Другую Сторону и обратно» и «Жизнь на Другой Стороне».

Дополнительную информацию о Сильвии Браун вы можете найти на веб-страничке: www.sylvia.org